

КАПИТАЛ МАРКСА

в комиксах

Das
Kapital

НАЧАЛА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ

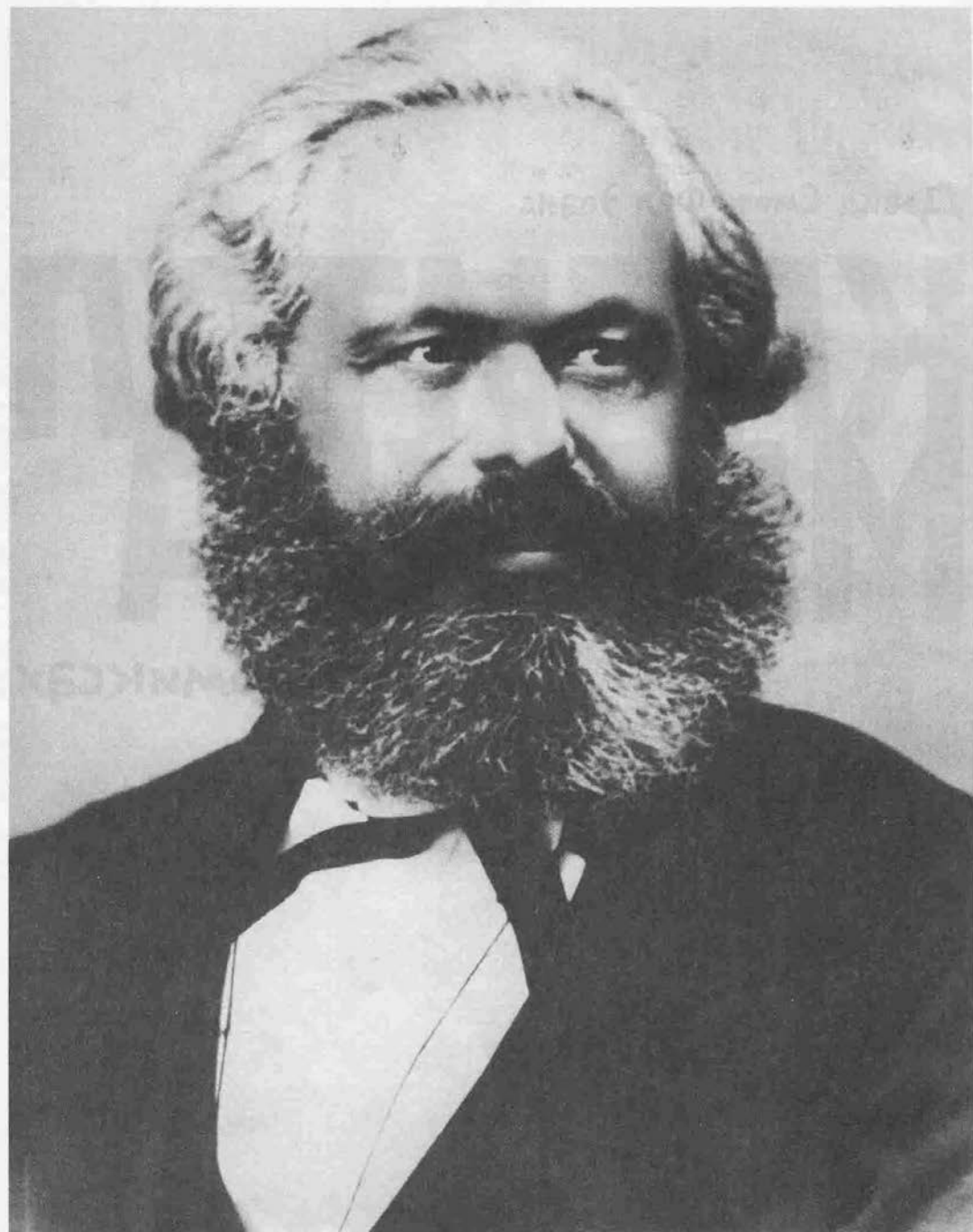
Дэвид Смит, Фил Эванс

КАПИТАЛ МАРКСА

в комиксах

Москва
2017

Karl Marx

Посвящаю свою часть этой книги Лоре — с любовью.

*Огромное спасибо моей чудесной семье —
Робин, Дэниэлу, Лори, Вайолет и Эллиотту —
за жизнь, полную вдохновения.*

Дэвид Смит

...А МОЯ ЧАСТЬ ЭТОЙ КНИГИ — ДЛЯ ПОЛЛИ.

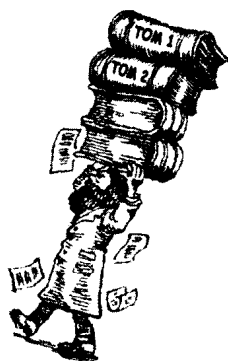
ФИЛ ЭВАНС

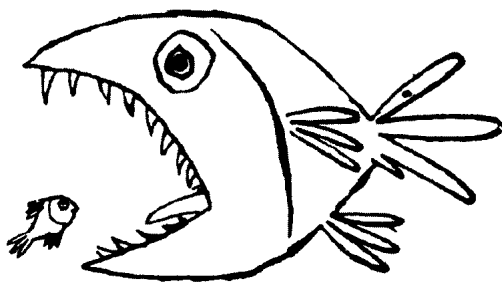
НАЧНИТЕ ЗДЕСЬ...

- ЗНАКОМСТВО С МАРКСОМ, СТР. 6**
- 1. ТОВАРЫ, СТР. 28**
- 2. ПРОДУКТЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ, СТР. 32**
- 3. ОТЧУЖДЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ЦЕННОСТИ, СТР. 35**
- 4. ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО, СТР. 39**
- 5. МЕНОВАЯ ЦЕННОСТЬ, СТР. 41**
- 6. АБСТРАКТНЫЙ ТРУД, СТР. 44**

- 7. ОТЧУЖДЕНИЕ ПОЛЕЗНОГО ТРУДА, СТР. 51**
- 8. ФЕТИШИЗМ, СТР. 54**
- 9. ДЕНЬГИ, СТР. 60**
- 10. НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА, СТР. 65**
- 11. РАБОЧАЯ СИЛА, СТР. 81**
- 12. ЭКСПРОПРИАЦИЯ, СТР. 84**

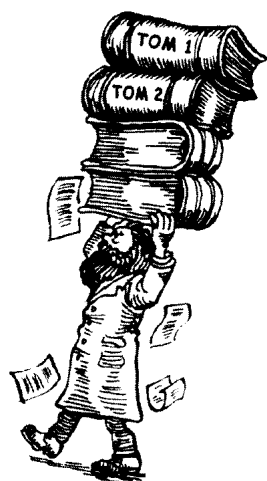
13. **УРОК ИСТОРИИ**, СТР. 87
14. **ФОРМИРОВАНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА**, СТР. 92
15. **ПРИБАВОЧНАЯ ЦЕННОСТЬ**, СТР. 108
16. **НОРМА ПРИБАВОЧНОЙ ЦЕННОСТИ**, СТР. 123
17. **РАБОЧАЯ СИЛА И КЛАССОВАЯ БОРЬБА**, СТР. 143
18. **УНИЧТОЖЕНИЕ НАЕМНОГО ТРУДА**, СТР. 154

А ЗАКОНЧИТЕ ЗДЕСЬ...

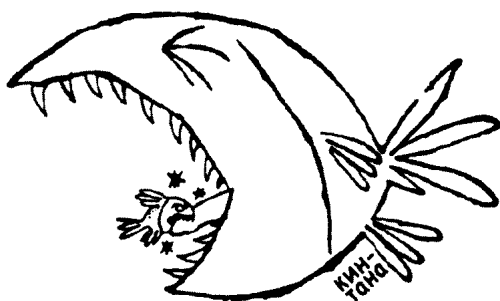
Эпилог (2014), СТР. 175

*Крах и его последствия
Кризис капитализма?*

- **ТЕПЕРЬ — ПОЖАР**, СТР. 175
- **ЭТО ВООБЩЕ ЕЩЕ КАПИТАЛИЗМ?** СТР. 186
- **ЗОВИТЕ ДОКТОРА МАРКСА**, СТР. 192
- **ЧЕМ ВЫШЕ ЛЕТАЕШЬ, ТЕМ БОЛЬШЕЕ ПАДАТЬ**, СТР. 196
- **КОЛЕСА ТОРГОВЛИ МОГУТ ОСТАНОВИТЬСЯ.**
ОСТАНОВЯТСЯ ЛИ? СТР. 201

ЧТО ЕЩЕ ПОЧИТАТЬ? СТР. 206

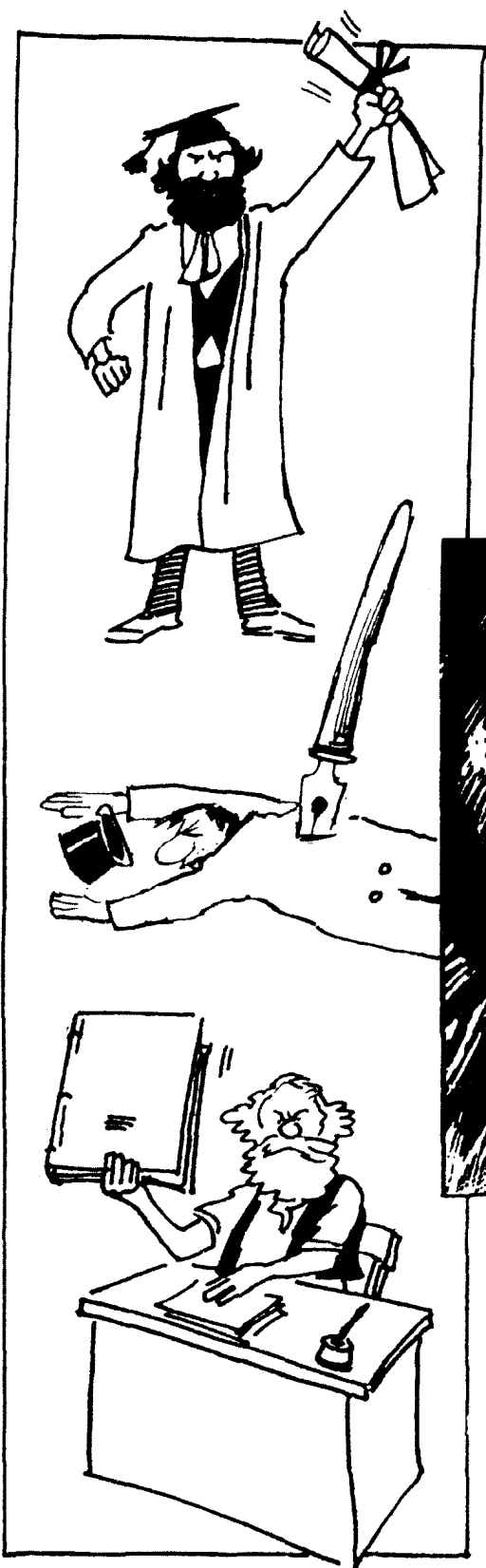
Карл Маркс родился в 1818 году в Германии, в городе Трире, неподалеку от французской границы. Тогда едва отгремели Наполеоновские войны, а до опубликования новаторской работы **Давида Рикардо**¹ «Начала политической экономии» оставался еще целый год.

ДАВИД
РИКАРДО
(1772–1823)

Промышленная революция уже была в разгаре (Ватт изобрел паровой двигатель в 1769 году), в Европе возникали все новые и новые фабрики.

¹ Давид Рикардо — классик политической экономии, последователь, а затем оппонент Адама Смита. Приверженец концепции экономического либерализма, не допускающего государственного вмешательства в экономику, предполагающего свободные предпринимательство и торговлю.

Получив докторскую степень по философии в Университете Йены, Маркс вскоре обратился к революционной политике. Он пришел к выводу, что капитализм угнетает и эксплуатирует рабочих. Анализ того, как именно это происходит, и организация рабочих для замены капитализма коммунизмом стали делом жизни Маркса.

Маркс оставался страстным революционером до самой своей смерти в 1883 году. Он никогда не сомневался, что рабочий класс может и должен прекратить производство ради прибыли и построить общество, основанное на «свободном обобществлении труда» для производства товаров потребления.

Neue

Rheinische Zeitung

Organ der Demokratie.

N 301.

Mün., Samstag, den 19.

1844.

Хотя «Капитал» стал для Маркса работой всей жизни — это огромное, многотомное сочинение было начато в середине 1840-х годов и полностью так и не окончено, — Маркса нельзя назвать кабинетным революционером.

ГЕОРГ
ГЕГЕЛЬ

ЛЮДВИГ
ФЕЙЕРБАХ

В 1842 году, работая редактором *Rheinische Zeitung*¹ в отсталой, абсолютистской Пруссии, Маркс (которому в то время было всего 24 года) быстро увлекся политикой. Уже будучи философом-радикалом — толкователем и критиком идей **Гегеля** и **Фейербаха**, — Маркс был поражен восстанием силезских ткачей² и бедственным положением угнетаемых виноградарей Мозеля.

¹ Rheinische Zeitung (в пер. с нем. «Рейнская газета») — издание либеральной направленности, выходившее в Кельне в начале 1840-х годов.

² Первое самостоятельное выступление рабочего класса в Германии в июне 1844 года.

Как журналист, Маркс имел определенную позицию относительно описываемых столкновений, решительно становился на защиту восставших силезских ткачей и настаивал на том, что у них есть демократические права.

У ВАС ЕСТЬ
НА ЭТО
ПРАВО!

ОН ОТСТАИВАЛ ВЕКОВОЕ ПРАВО
КРЕСТЬЯН СОБИРАТЬ ДРЕВЕСИНУ
В ЛЕСАХ — ПРАВО, В КОТОРОМ
ОНИ ОГРАНИЧИВАЛИ НОВЫЙ ЗАКОН.

Прусские власти становились все более недовольны Марксом и в итоге через несколько месяцев решили и вовсе закрыть *Rheinische Zeitung*. Немецкие современники Маркса сочли такой поворот событий столь драматичным, что Маркс стал в некотором роде знаменитостью: на этой политической карикатуре он изображен в образе мифического **Прометея**, прикованного к скале за кражу огня у богов, которым он поделился со страдающим человечеством.

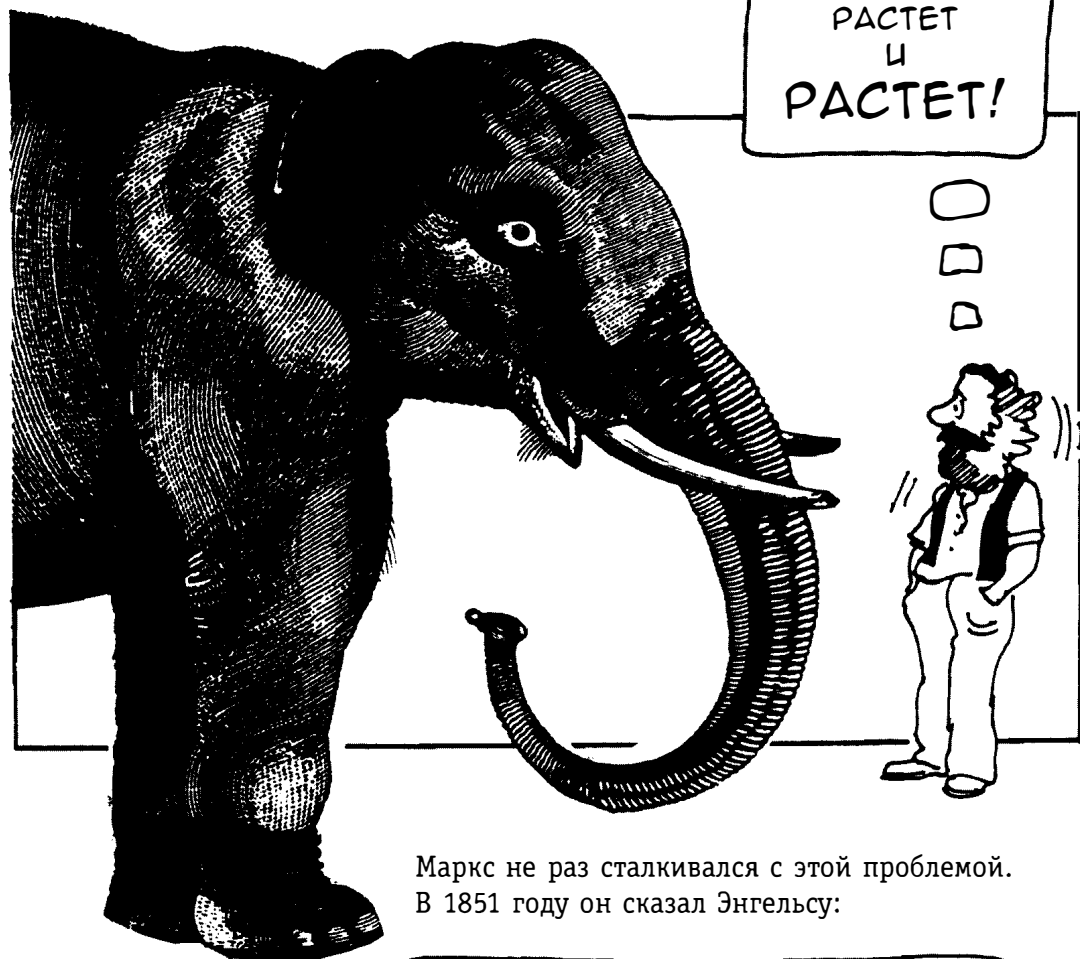

С этого момента начались скитания Маркса. Изгнанный из Германии, он отправился во Францию, откуда его тоже выдворили... и в конце концов, много лет спустя, он оказался в Англии.

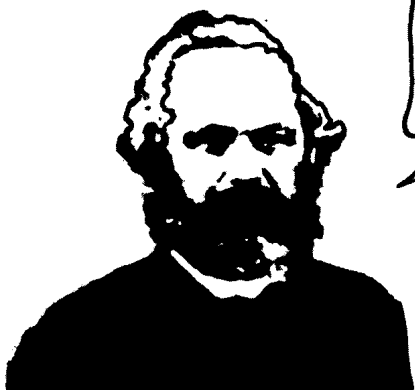

Во Франции Маркс обратился к социализму. Среди первых плодов его начального экскурса в экономику оказалась работа «Святое семейство», написанная совместно с Фридрихом Энгельсом и опубликованная в 1843 году.

В 1845 году Маркс подписал договор на создание «книги по экономике». Маркс полагал, что он быстро завершит работу, и не догадывался, что скоро проект начнет неимоверно расти, становясь все больше и больше...

Маркс не раз сталкивался с этой проблемой. В 1851 году он сказал Энгельсу:

НЕДЕЛЬ ЗА ПЯТЬ Я С ЭТОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЧЕПУХОЙ
ТОЧНО СПРАВЛЮСЬ!

Но на деле прошло целых 16 лет, прежде чем первый том «Капитала» увидел свет. Оставшаяся часть работы была опубликована лишь после смерти Маркса, причем Энгельс выступил ее редактором.

Вскоре после начала активной работы Маркса в сфере экономики Карла и Женни выслали из Франции как «политически нежелательных» иностранцев.

Переехав в Брюссель, Маркс примкнул к тайному «Союзу справедливых» — радикальной организации рабочих, которая вскоре изменила название на «Союз коммунистов». Энгельс тоже присоединился к ней. Когда Маркс окончил работу над своим первым опубликованным трудом по капиталистической экономике — эссе с критикой Прудона под названием «Нищета философии» (1847), его попросили в соавторстве с Энгельсом разработать «Манифест Союза коммунистов», более известный как «Манифест коммунистической партии». Этот невероятно знаменитый памфлет, излагающий теорию классовой борьбы Маркса и Энгельса, был издан в 1848 году, в «год революций».

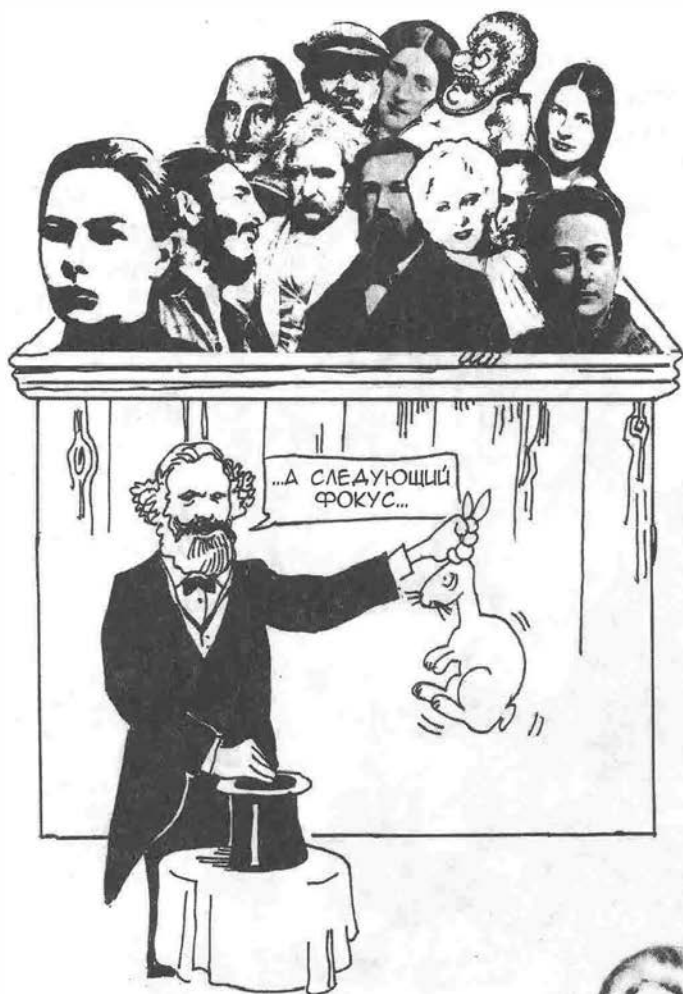
В 1848 году революции разразились во Франции, Германии, Венгрии и других странах. Революции поднимающегося класса капиталистов, который бунтовал против феодальных реакционных сил, сочетались с бунтами ремесленников и рабочих. Маркс и Энгельс поспешили обратно в Германию, чтобы начать издание *Neue Rheinische Zeitung*.

Именно на страницах этой революционно-демократической газеты Маркс опубликовал цикл лекций «Наемный труд и капитал», впервые прочитанный им в 1847 году.

¹ Neue Rheinische Zeitung (в пер. с нем. Новая Рейнская газета) — ежедневная газета социалистической и коммунистической направленности.

После поражения революции в Германии Маркса обвинили в подстрекательстве к мятежу, но после пламенной речи, обращенной к присяжным, он был оправдан.

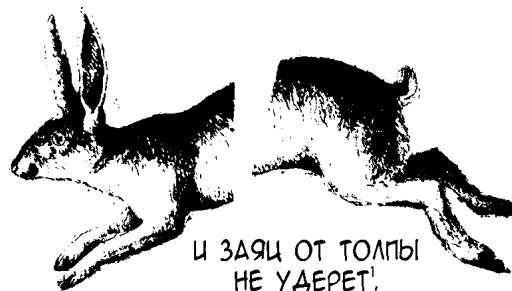
И все же Карла и Женни снова выслали из Германии. На этот раз они отправились в Англию, где поселился и Энгельс (его отец владел фабрикой в Манчестере).

Маркс стал зарубежным корреспондентом The New York Herald Tribune и нескольких других газет, включая венскую Die Presse, и занимался этим в течение следующих 12 лет.

Сначала Маркс и Энгельс пытались сохранить «Союз коммунистов», но вскоре сочли это нецелесообразным. В отсутствие массового движения в свою поддержку союз превратился в эмигрантский кружок, спорящий по мелочам в политической изоляции.

Маркс посвятил себя журналистике и изучению капитализма.

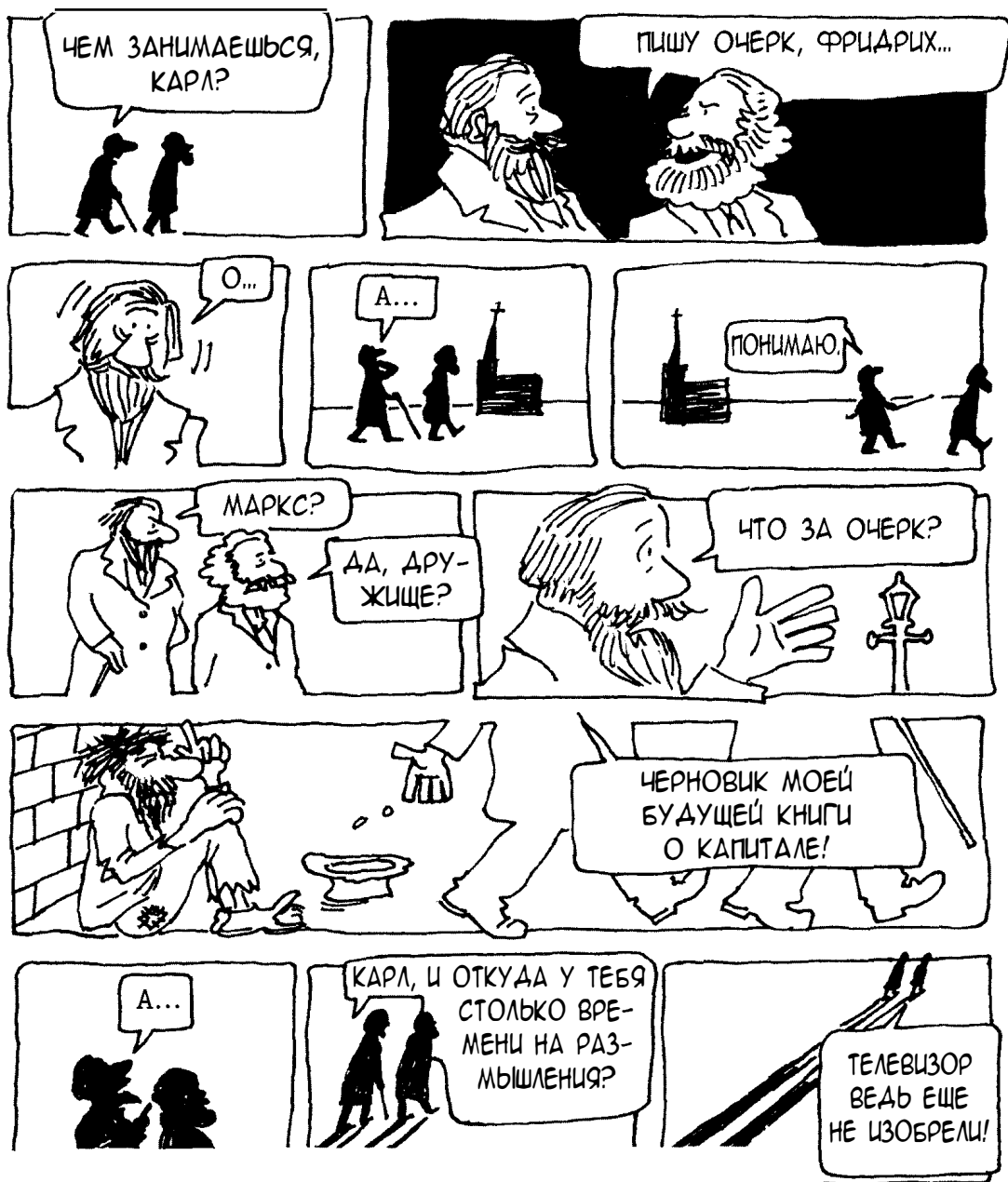

уф-ф-ф!
Я В БРИТАНСКИЙ
МУЗЕЙ!

К 1858 году Маркс смог набросать черновик планируемой «критики политической экономии» объемом 1400 страниц. Этот черновик, известный под названием «Очерк критики политической экономии», стал самостоятельной работой, предвосхитившей большую часть тем «Капитала». Это настоящий *подвиг* непревзойденной глубины и охвата.

¹ Оригинальная подпись к картинке представляет собой непереводимую игру слов: в английском языке есть идиома *split hairs* (буквально: «рассекать волоски на части»), которая означает «спорить по мелочам, занудствовать», а слово *hair* (волосы) сходно по звучанию со словом *hare* (заяц), поэтому нарисованный заяц и рассечен пополам. (Прим. перев.)

В 1859 году Маркс опубликовал работу «К критике политической экономии», в которой обобщил целый ряд основных идей, развитых в «Очерке». Это невероятно ценный пролог к **«Капиталу»**, который имеет гораздо большее значение для понимания «теории ценности»¹ Маркса, чем обычно представляется. В вопросе денег он даже более детален, чем сам **«Капитал»**...

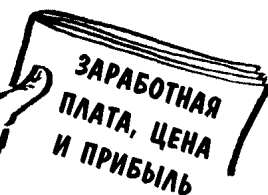
¹ Существуют разные мнения относительно перевода на русский язык немецкого термина Wert, который Маркс обильно использует в своих работах. В советский период применялся в основном термин «стоимость», который, однако, не охватывает всей широты понятия, так как Wert не ограничивается стоимостным фактором в денежном выражении, но подразумевает совокупность общественно необходимых затрат труда. В настоящем переводе для передачи термина Wert используется более общий термин «ценность». (Прим. перев.)

В 1865 году, будучи лидером «Международного товарищества трудящихся» (которое в то время было только основано, но вскоре стало насчитывать значительное количество членов), Маркс развернуто ответил на аргумент против забастовок, высказанный другим важным членом группы, плотником **Джоном Уэстоном**.

ЭЛЕОНОРА МАРКС

Дочь Маркса **Элеонора** затем опубликовала этот ответ в форме памфлета, в котором в сжатой форме нашли отражение многие идеи ее отца. Эти идеи встретили одобрение в «Международном товариществе трудящихся» (пожалуй, более известном под названием «Первый интернационал»).

Наконец в 1867 году в свет вышел первый том **«Капитала»**, который был тотчас очень тепло встречен рабочей печатью. Капиталистическая печать полностью проигнорировала его.

Маркс почувствовал, что публикация **«Капитала»** стала важной вехой на его жизненном пути, вооружив рабочее движение необходимым ему теоретическим оружием. В первом томе Маркс показал, что капитализм основан на *эксплуатации* работающих женщин, мужчин и детей. Были проанализированы все основы современного общества, от цен и прибыли до заработной платы и продолжительности рабочего дня. Почему продукты труда являются «товарами», почему деньги столь всемогущи, откуда берет начало капитал и почему случаются экономические кризисы — Маркс подробно разбирает все эти вопросы.

Энгельс, как и остальные участники Интернационала, действительно приложил все усилия для продвижения **«Капитала»**. И все же поначалу книга продавалась не слишком хорошо. Мать Карла **Генриетта** жаловалась:

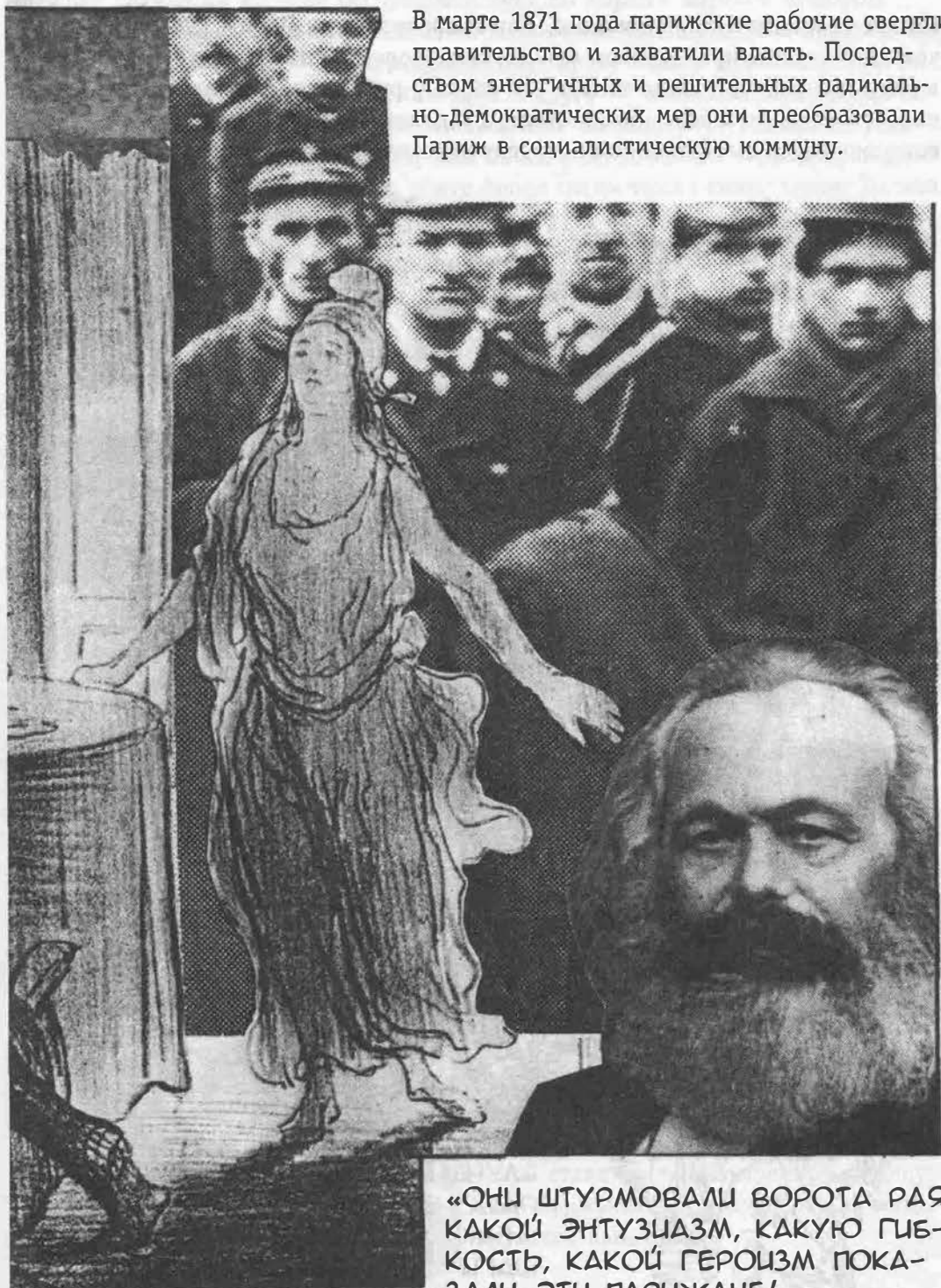

* ТАКОЙ СОВЕТ МАРКС ДАЛ СВОЕЙ ПОДРУГЕ ФРАНИСКЕ КУГЕЛЬМАН.

В 1871 году была создана ПАРИЖСКАЯ КОММУНА! Во время Франко-прусской войны 1870 года вспыхнуло серьезное восстание парижских рабочих и мелких независимых предпринимателей. Ужасно недовольные гнетом беспринципного племянника первого императора Наполеона Луи Наполеона Бонапарта, рабочие Парижа решили взять в свои руки контроль над собственными жизнями.

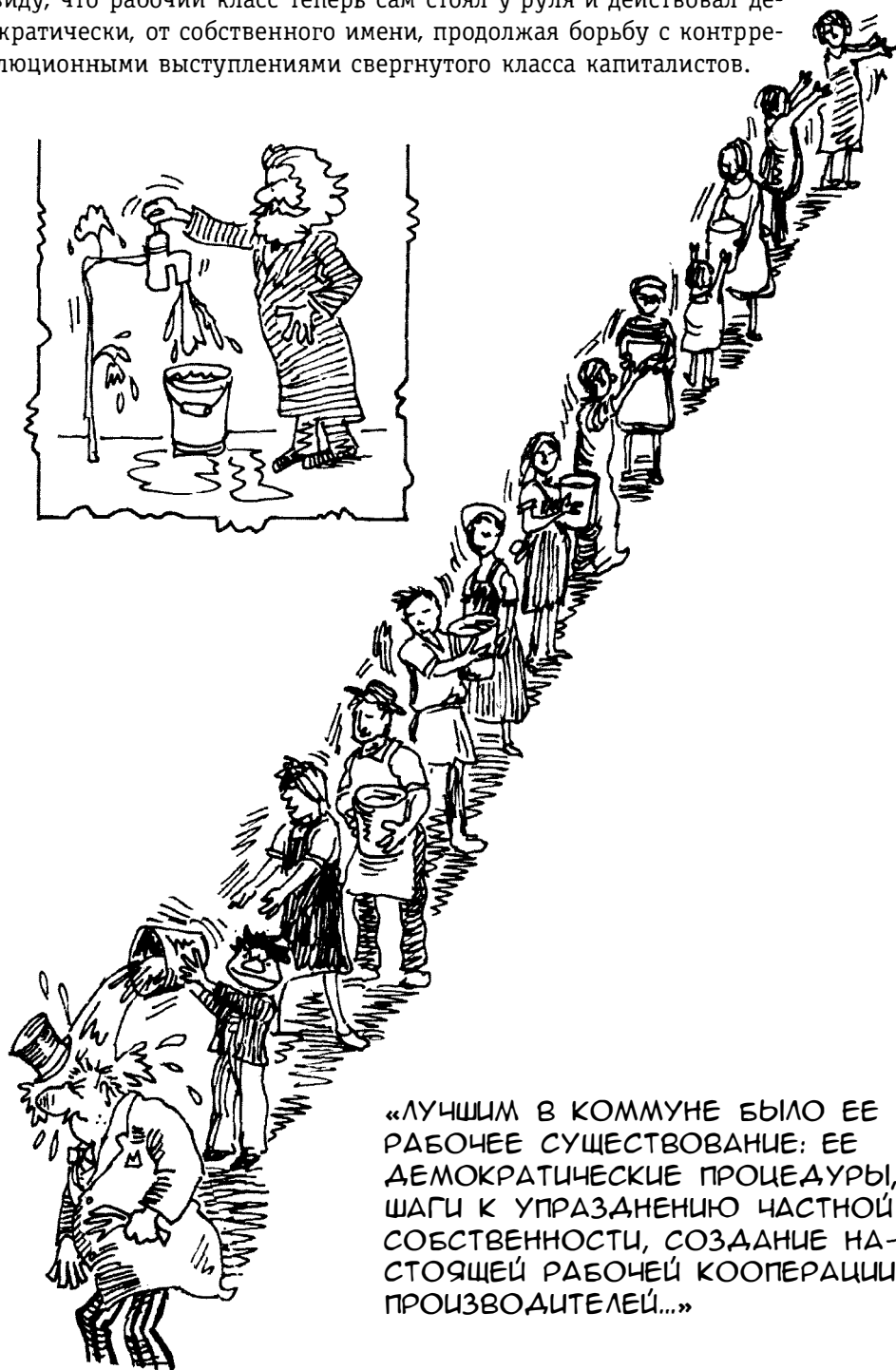

В марте 1871 года парижские рабочие свергли правительство и захватили власть. Посредством энергичных и решительных радикально-демократических мер они преобразовали Париж в социалистическую коммуну.

«ОНИ ШТУРМОВАЛИ ВОРОТА РАЯ. КАКОЙ ЭНТУЗИАЗМ, КАКУЮ ГИБКОСТЬ, КАКОЙ ГЕРОИЗМ ПОКАЗАЛИ ЭТИ ПАРИЖАНЕ!»

Говоря от имени Интернационала, Маркс провозгласил Парижскую коммуну первым проявлением «диктатуры пролетариата». Он имел в виду, что рабочий класс теперь сам стоял у руля и действовал демократически, от собственного имени, продолжая борьбу с контрреволюционными выступлениями свергнутого класса капиталистов.

«ЛУЧШИМ В КОММУНЕ БЫЛО ЕЕ РАБОЧЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ: ЕЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ, ШАГИ К УПРАЗДНЕНИЮ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, СОЗДАНИЕ НАСТОЯЩЕЙ РАБОЧЕЙ КООПЕРАЦИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ...»

Но тут случилось кое-что беспрецедентное по меркам военной истории. Через два славных месяца существования Коммуны французская и прусская армии — еще недавно готовые перегрызть друг другу глотку и не питающие ни капли нежных чувств по отношению друг к другу — объединились против парижских рабочих. Вскоре военное наступление на Коммуну увенчалось успехом. Последовал Белый террор, гораздо более жестокий, чем террор Французской революции 1793 года. Было убито более сотни тысяч коммунаров. Тысячи других были отправлены в ссылку.

«Париж захвачен. Наконец-то сражение окончено, порядок восстановлен, и везде готова воцариться спокойствие». Маршал Мак-Магон¹

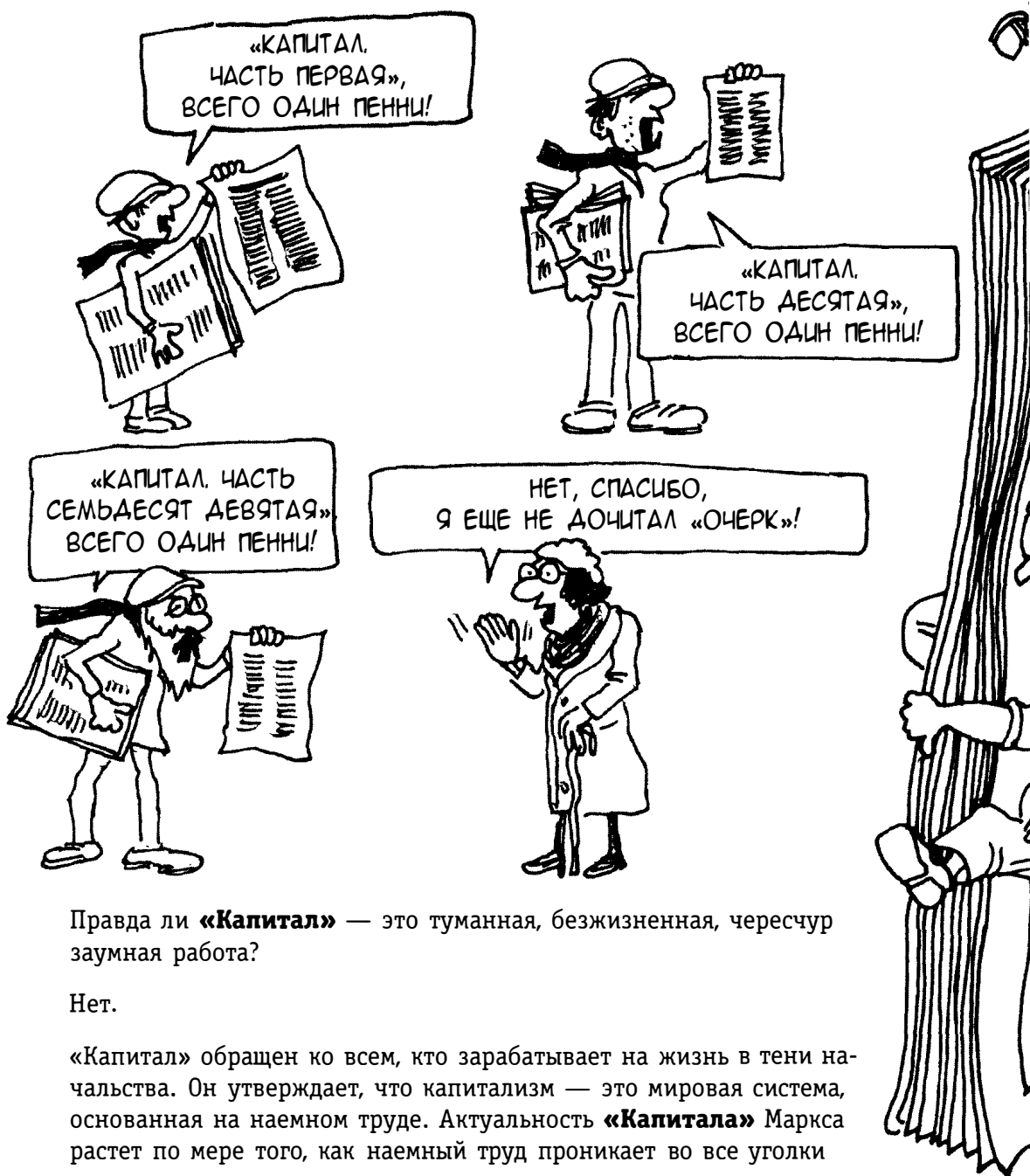

Такой стала месть разъяренной французской буржуазии, опирающейся на мощь прусской кавалерии.

¹ МАРИ-ЭДМ-ПАТРИС-МОРИС ДЕ МАК-МАГОН — ГРАФ, ГЕРЦОГ МАДЖЕНТСКИЙ, ФРАНЦУЗСКИЙ ВОЕНАЧАЛЬНИК И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ, СЕНАТОР, МАРШАЛ ФРАНЦИИ.

Именно в этот судьбоносный момент Маркс решил переработать **«Капитал»** для издания на французском языке. В 1872—1875 годах он был опубликован в качестве серии грошовых памфлетов, обращенных к парижским рабочим.

Французский издатель Маркса Лашатр был коммунар в изгнании. Цель Маркса заключалась в том, чтобы объяснить свой анализ капитализма и классовой борьбы тем, кто сумел пережить Коммуну. Он надеялся, что так они смогут снова объединиться и выработать новую стратегию.

Правда ли **«Капитал»** — это туманная, безжизненная, чересчур заумная работа?

Нет.

«Капитал» обращен ко всем, кто зарабатывает на жизнь в тени начальства. Он утверждает, что капитализм — это мировая система, основанная на наемном труде. Актуальность **«Капитала»** Маркса растет по мере того, как наемный труд проникает во все уголки земного шара.

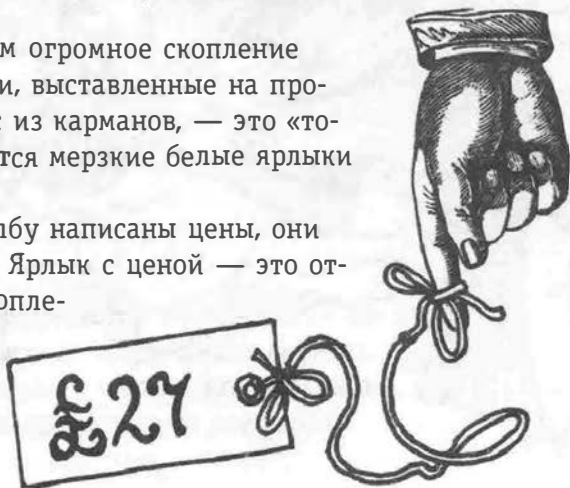
1. ТОВАРЫ

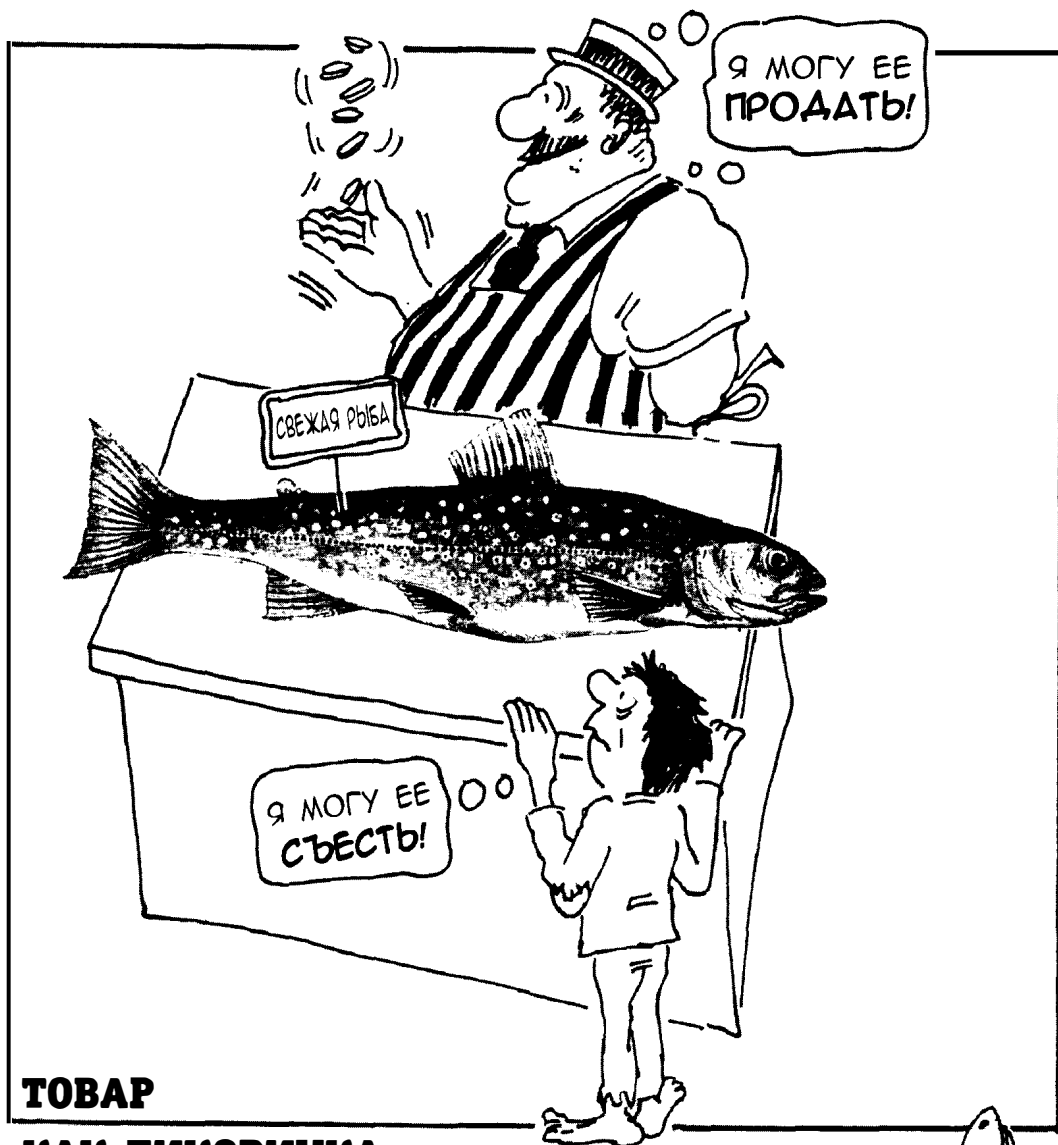
Люди *создают* товары, *продают* товары, *покупают* товары. И вся суэта происходит вокруг товаров.

Каждый день мы со всех сторон видим огромное скопление товаров. Все привычные для нас вещи, выставленные на продажу, готовые выманить деньги у нас из карманов, — это «товары», на каждом из которых красуются мерзкие белые ярлыки со знакомыми символами.

Так выглядят товары — у них на лбу написаны цены, они говорят на языке долларов и центов. Ярлык с ценой — это отличительный знак любого товара. Скопление товаров, масса предметов с наклеенными на них ярлыками — вот что можно назвать **БОГАТСТВОМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**.

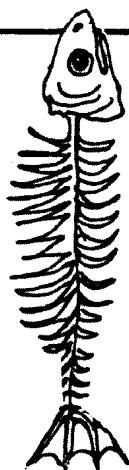

ТОВАР

КАК ДИКОВИНКА

Товар — это диковина, поскольку он ведет двойную жизнь. Он представляет собой продукт труда, изготовленный не только для **потребления**, но и для **обмена**. Продукт «на продажу» обретает качество, не представленное в природе, — «обмениваемость». Будучи товаром, он пригоден не только к *потреблению*, но и к *обмену*.

Меха, к примеру, можно использовать либо для защиты от холода, либо для привлечения денег. Специями можно приправлять еду, а можно их продавать. Здесь и проявляется уникальное качество продукта как товара. Он обладает двумя измерениями: важно не только, *что он собой представляет*, но и *чего он стоит*. Товар — это не просто объект, это объект, обладающий ценой.

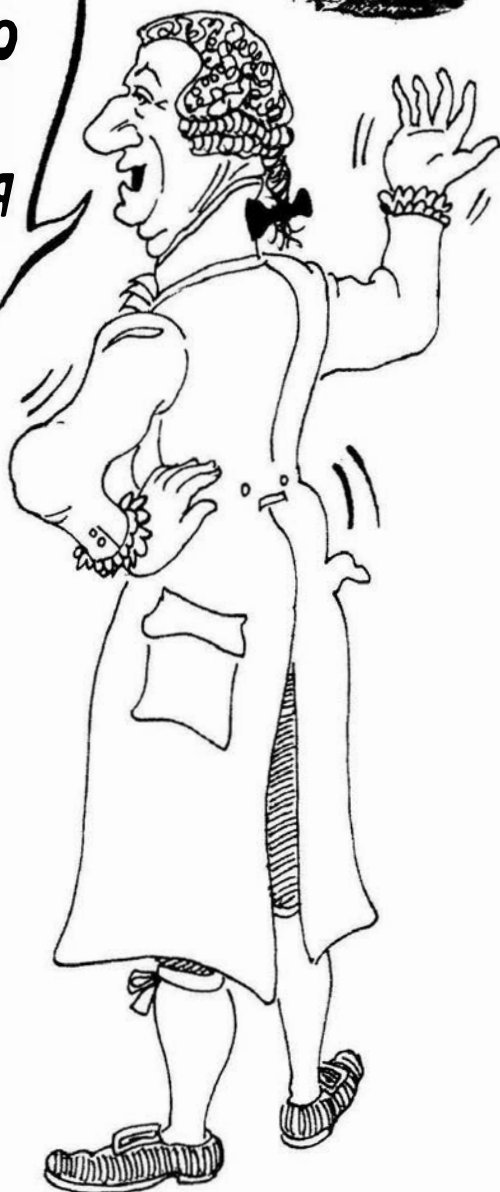

На языке ранней экономики мы вместе с Адамом Смитом можем сказать:

Товар —
это одновременно
ценность
и потребительская
ценность!

О БОЖЕ, КАК
ВСЕ СЛОЖНО!
Я ПРОСТО ХОТЕЛА
КУПИТЬ НОСКИ!

Чтобы постичь ценность, мы должны полностью понять взаимоотношение потребительской ценности и ценности в общем смысле.

Вместе потребительская ценность и ценность являются двумя сторонами товара — они представляют собой противоположные полюса его двойной жизни.

«Потребительской ценностью обладает любой объект внешнего мира, который мы находим необходимым, полезным или приятным. Используя свойства полезной вещи, мы таким образом удовлетворяем свои потребности или желания».

Здесь явно нет никакой загадки! Будучи полезным продуктом, товар не является диковиной. Но товар представляет собой гораздо большее, чем просто потребительскую ценность.

Материально полезная в качестве потребительской ценности, роза и общественно полезна (готова к обмену) в качестве товара. Прекрасная и благоухающая, она также имеет свою цену — ее можно продать за доллар или обменять на горсть шоколадных конфет.

Словом, товар ценен и для потребления, и для обмена.

2. ПРОДУКТЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ

До зарождения капитализма (в Европе XV века) и даже после него (практически до наших дней) производство в большей части мира было производством продуктов для потребления. Платья шились, чтобы их носили, а не продавали. Конфеты делали, чтобы их ели, а не обменивали. Только становление капитализма привело к господству производства продуктов на обмен.

Во времена Аристотеля — примерно в 220 году до нашей эры — торговля была живой, но крайне незначительной частью экономической жизни. В общем-то «экономикой» Аристотель называл производство продуктов для потребления. Производство продуктов на обмен Аристотель называл «хрематистикой».

ВСЕ, ЧЕМ МЫ ВЛАДЕЕМ, МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ДВУМЯ СПОСОБАМИ: НАДЛЕЖАЩИМ И НЕНАДЛЕЖАЩИМ. САНДАЛИ, К ПРИМЕРУ, НАДЛЕЖАЩИМ ОБРАЗОМ ИСПОЛЬЗУЮТСЯ В КАЧЕСТВЕ ОБУВИ.

НО ЭТИ ЖЕ САНДАЛИ МОЖНО ОБМЕНЯТЬ НА ЕДУ ИЛИ ДЕНЬГИ. ОБМЕН ТОЖЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ СПОСОБ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЕЩИ, НО ЭТОТ СПОСОБ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ НАДЛЕЖАЩИМ ИЛИ ПЕРВИЧНЫМ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ САНДАЛИ... АРИСТОТЕЛЬ

...ДЛЯ
УБИЙСТВА
МОШЕК!

То же самое относится и к рабовладельческой древности — Древнему Египту, Древней Греции, Карфагену, Риму и другим государствам. Хотя рабы производили продукты для потребления *другими* — их хозяевами, — они редко производили продукты на обмен. Товары также редко производили европейские крепостные, китайские крестьяне, индийские патриархальные семьи и рабочие других докапиталистических обществ.

Целью и результатом докапиталистического производства была *потребительская ценность*, а не меновая ценность. Производство на *продажу* ради получения *прибыли* обычно считалось грешным, неверным жизненным путем, подпитываемым алчностью, гордостью, чревоугодием и тщеславием.

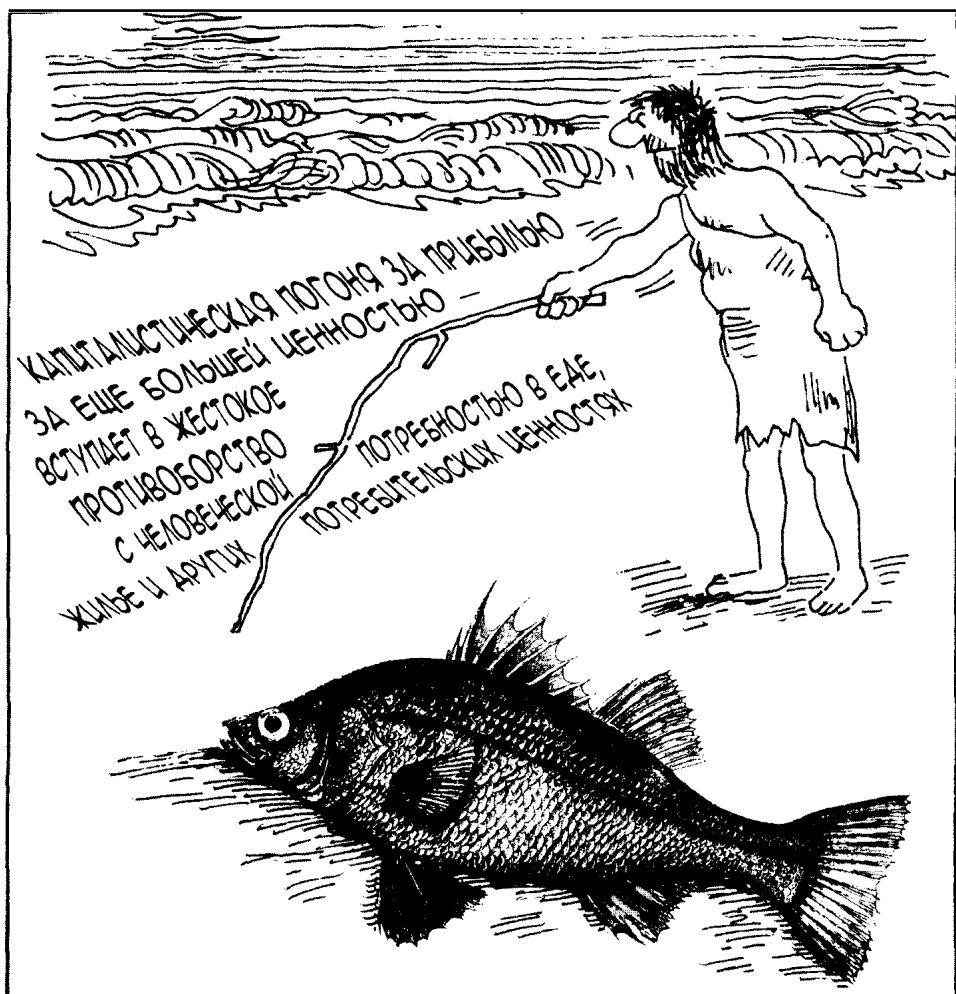

Неотъемлемой чертой продукта производства обмениваемость стала лишь в капиталистическом обществе. Следовательно, двойную жизнь в качестве ценности и потребительской ценности продукт также ведет только в капиталистическом обществе.

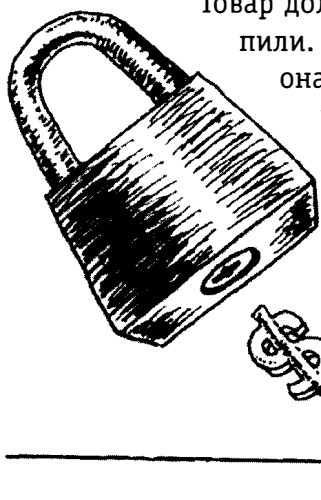
3. ОТЧУЖДЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ЦЕННОСТИ

Если мы хотим досконально разобраться в капиталистическом производстве, нам прежде всего нужно понять, что соседство ценности товара и его потребительской ценности не является ни мирным, ни гармоничным. Напротив, ценность и потребительская ценность вступают в противодействие. Капиталистическая погоня за прибылью — за еще большей ценностью — вступает в жестокое противоборство с человеческой потребностью в еде, жилье и других потребительских ценностях.

Мы сейчас говорим об искажении, осквернении и вытеснении продукта в качестве полезного объекта — о его неправильном использовании в качестве *потребительской ценности*. Чем сильнее продукт рассматривается в качестве ценности, тем больше он *отчуждается* в качестве потребительской ценности.

Товар должен быть или казаться полезным, чтобы его купили. Но одной полезности недостаточно, более того, она не является главным признаком, который отличает товар. Чтобы быть товаром, продукт должен *продаваться с целью потребления.*

Продажа — необходимое условие потребления. Без обмена потребления быть не может. Если товар не продается, его полезность постепенно сходит на нет.

Я НАЗВАЛ ЭТО «КОЛЕСОМ».
ТЕПЕРЬ МНЕ НУЖНА ТОЛЬКО
ЛОДКА... И РЫНОК.

Таким образом, «неестественный» обмен становится на пути у «естественного» потребления.

КАК ЧАСТО ГОВОРЯТ, КАПИТАЛИСТЫ
НЕ ДЕЛЯТСЯ С РАБОЧИМИ:

Возьмем, к примеру, буханку хлеба. Пока она лежит в супермаркете, ее полезность можно считать скрытой. Хотя она пригодна для еды, она должна подтвердить свою *меновую ценность*, прежде чем ее смогут съесть. Если никто ее не купит, она заплесневеет прямо на полке, хотя люди вокруг будут голодать.

То же самое относится к любому другому товару: **НЕТ ПРОДАЖИ — НЕТ ПОТРЕБЛЕНИЯ**. Это принцип частной собственности. Товары производятся не для раздачи. Капиталисты не делятся с рабочими.

Другим примером искажения потребительской ценности в результате производства на обмен является *саботаж* продукта. Качество продукта интересно предприятию только с позиции продаж. Если продажи не падают, предприятие с радостью будет сокращать расходы, экономя на рабочих, мерах предосторожности и материалах и, как правило, производя бесполезные, опасные и даже смертоносные продукты. Разве вам не знакомы следующие ужасы?

- Машины, «небезопасные на любой скорости»
- Ядовитое детское питание
- Пропитанная канцерогенами пища
- Атомные электростанции без должной изоляции
- Опасные медикаменты
- Небезопасные химические фабрики
- Продукты, загрязненные асбестом, ртутью и т. п.

И так далее.

4. ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО

Другим примером того, как меновая ценность заслоняет собой потребительскую ценность, является так называемое «перепроизводство». Время от времени производство приводит к тому, что называют «избытком» товаров. В результате падают цены и снижается прибыль — к досаде и ужасу капиталистов. Рынок, как говорят, «перенасыщен». Чтобы изменить положение вещей, предприятия намеренно и охотно уничтожают часть продукта. Зачем? Просто чтобы поднять цены и прибыль. И не важно, что людям негде жить, нечего есть и нечем лечиться. С позиции прибыли «перенасыщение» рынка — это катастрофа. Ее нужно ликвидировать. Не посредством свободной *раздачи* людям избыточных потребительских ценностей — боже, нет! А посредством их *уничтожения*.

СОЖЖЕНИЕ
«ИЗБЫТОЧНЫХ»
ПОМИДОРОВ
В США

Такое происходило, к примеру, во время Великой депрессии 1930-х годов. Сельскохозяйственные предприятия оказались погребены под «избытком» свиней и молока, из-за чего цены резко упали.

В результате огромное количество свиней убили, а молоко вылили, чтобы обезопасить прибыль, хотя многие столкнулись с голодом. Чтобы прибыль оставалась *высокой*, предложение *сокращается*.

Само собой, производство ограничивается.

Например, в США используется не более 70% общих производственных мощностей. Существенная часть общего производственного аппарата простаивает, не говоря уже о том, что миллионы рабочих не могут найти себе место.

Как видим, капитализм требует, чтобы продукты были повсеместно обеспечены обмениваемостью. Предприятия большее значение придают не сути объекта, а его *ценности* — тому, за сколько его можно *продать*.

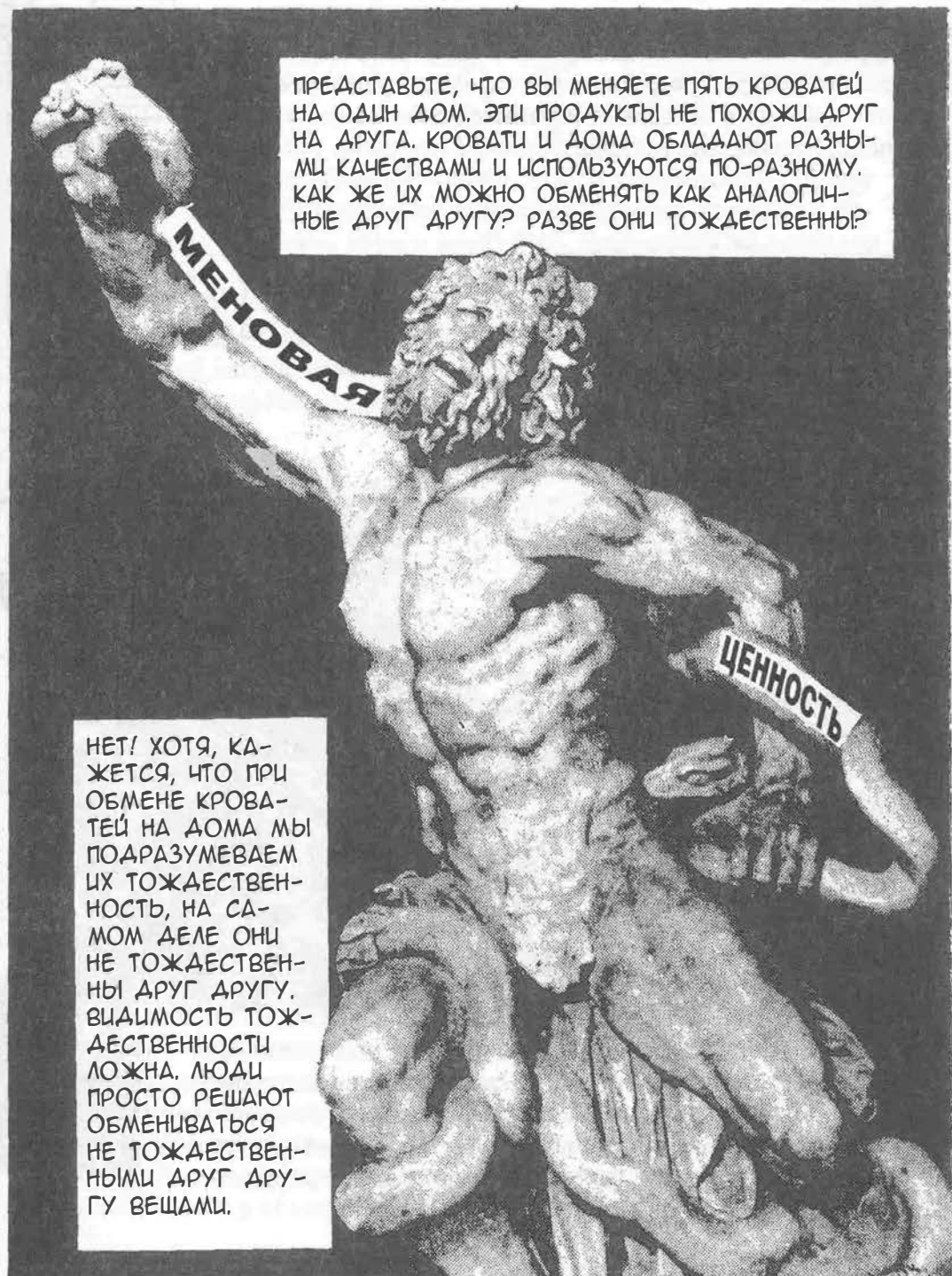

5.

Если ценность существует и проявляется только при обмене, нам необходимо понять сущность обмена. Здесь нам снова поможет Аристотель.

ПРЕДСТАВЬТЕ, ЧТО ВЫ МЕНЯЕТЕ ПЯТЬ КРОВАТЕЙ НА ОДИН ДОМ. ЭТИ ПРОДУКТЫ НЕ ПОХОЖИ ДРУГ НА ДРУГА. КРОВАТИ И ДОМА ОБЛАДАЮТ РАЗНЫМИ КАЧЕСТВАМИ И ИСПОЛЗУЮТСЯ ПО-РАЗНОМУ. КАК ЖЕ ИХ МОЖНО ОБМЕНЯТЬ КАК АНАЛОГИЧНЫЕ ДРУГ ДРУГУ? РАЗВЕ ОНИ ТОЖДЕСТВЕННЫ?

НЕТ! ХОТЯ, КАЖЕТСЯ, ЧТО ПРИ ОБМЕНЕ КРОВАТЕЙ НА ДОМА МЫ ПОДРАЗУМЕВАЕМ ИХ ТОЖДЕСТВЕННОСТЬ, НА САМОМ ДЕЛЕ ОНИ НЕ ТОЖДЕСТВЕННЫ ДРУГ ДРУГУ. ВЗАИМОСТЬ ТОЖДЕСТВЕННОСТИ ЛОЖНА. ЛЮДИ ПРОСТО РЕШАЮТ ОБМЕНИВАТЬСЯ НЕ ТОЖДЕСТВЕННЫМИ ДРУГ ДРУГУ ВЕЩАМИ.

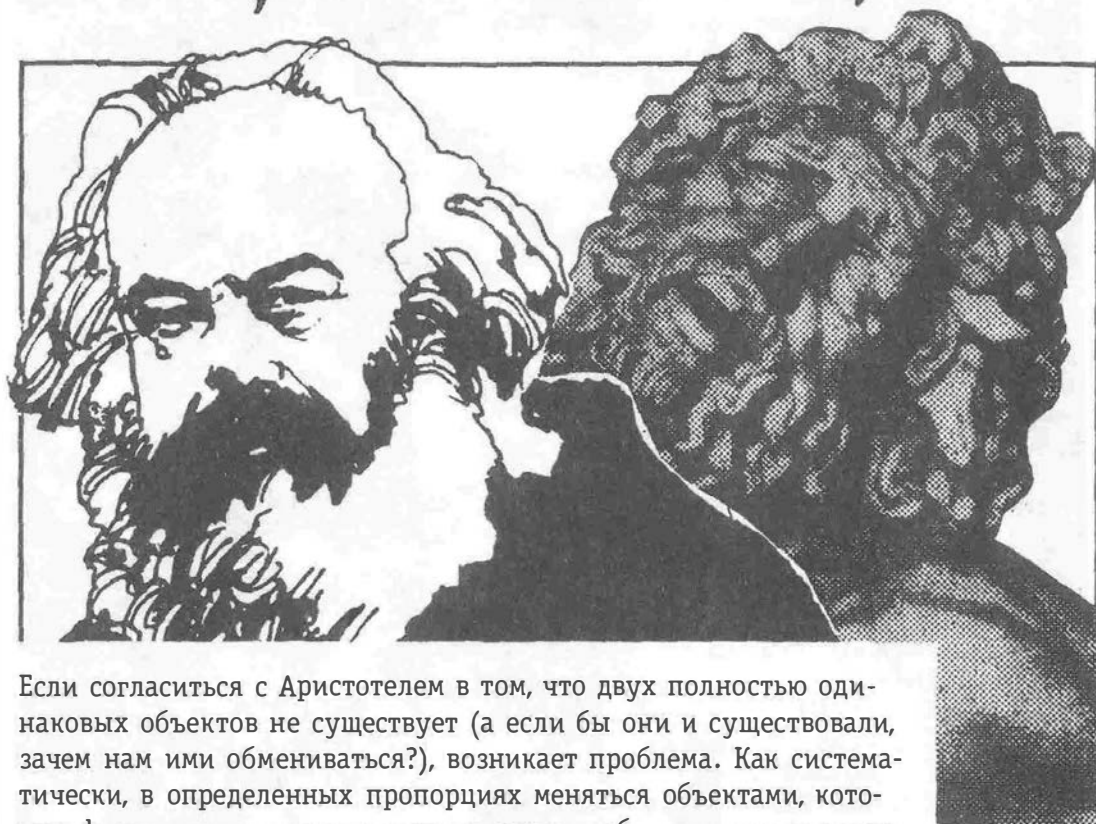

Однако в итоге Аристотель пришел к выводу, что настоящая тождественность товаров невозможна. Он заявил, что не существует двух одинаковых объектов. Хотя этот вывод и оказался ошибочным, Аристотель, по крайней мере, серьезно задумался над проблемой «тождественности» при обмене. Это делает его на голову выше большинства современных экономистов, которые не допускают и мысли о том, что обмен неразрывно связан с принципом тождественности. То, что цена товара при равновесии спроса и предложения *именно такова* (не больше и не меньше), доказывает, что в ее основе лежит кое-что еще.

ЭТО «КОЕ-ЧТО ЕЩЕ» —
Я НАСТАИВАЮ — ТРУД!

ВЫ МНЕ НА НОГУ
НАСТУПИЛИ!

Если согласиться с Аристотелем в том, что двух полностью одинаковых объектов не существует (а если бы они и существовали, зачем нам ими обмениваться?), возникает проблема. Как систематически, в определенных пропорциях меняться объектами, которые физически не похожи друг на друга и обладают различными свойствами?

Представьте на минутку, что существуют всего два объекта — пусть это будут олень и бобер — и всего два их владельца (оба охотники). Допустим, чтобы поймать оленя, нужен один день, а чтобы поймать бобра — семь. Если оба охотника одинаково опытни в поимке обоих животных, то обмен одного бобра на одного оленя кажется нерациональным. Зачем обменивать продукт семидневного труда на продукт однодневного? Зачем охотиться семь дней, чтобы в итоге остаться с оленем, которого можно поймать и за один день?

Такой обмен возможен — что может ему помешать? Любой производитель может совершить неравный обмен либо по незнанию, либо по собственному желанию. Но все меняется, когда мы говорим о *систематическом* обмене товарами, то есть о капитализме. Обмен товарами здесь регулируется на основании *рабочего времени*. В материальном отношении товары могут быть совершенно не похожими друг на друга, но кое-что общее у них все же есть — количество человеческих усилий, затраченных для их производства или присвоения. Это дает основу для обмена. В соответствии с этим стандартом семь оленей тождественны одному бобру, так как для их поимки необходимо одинаковое количество труда.

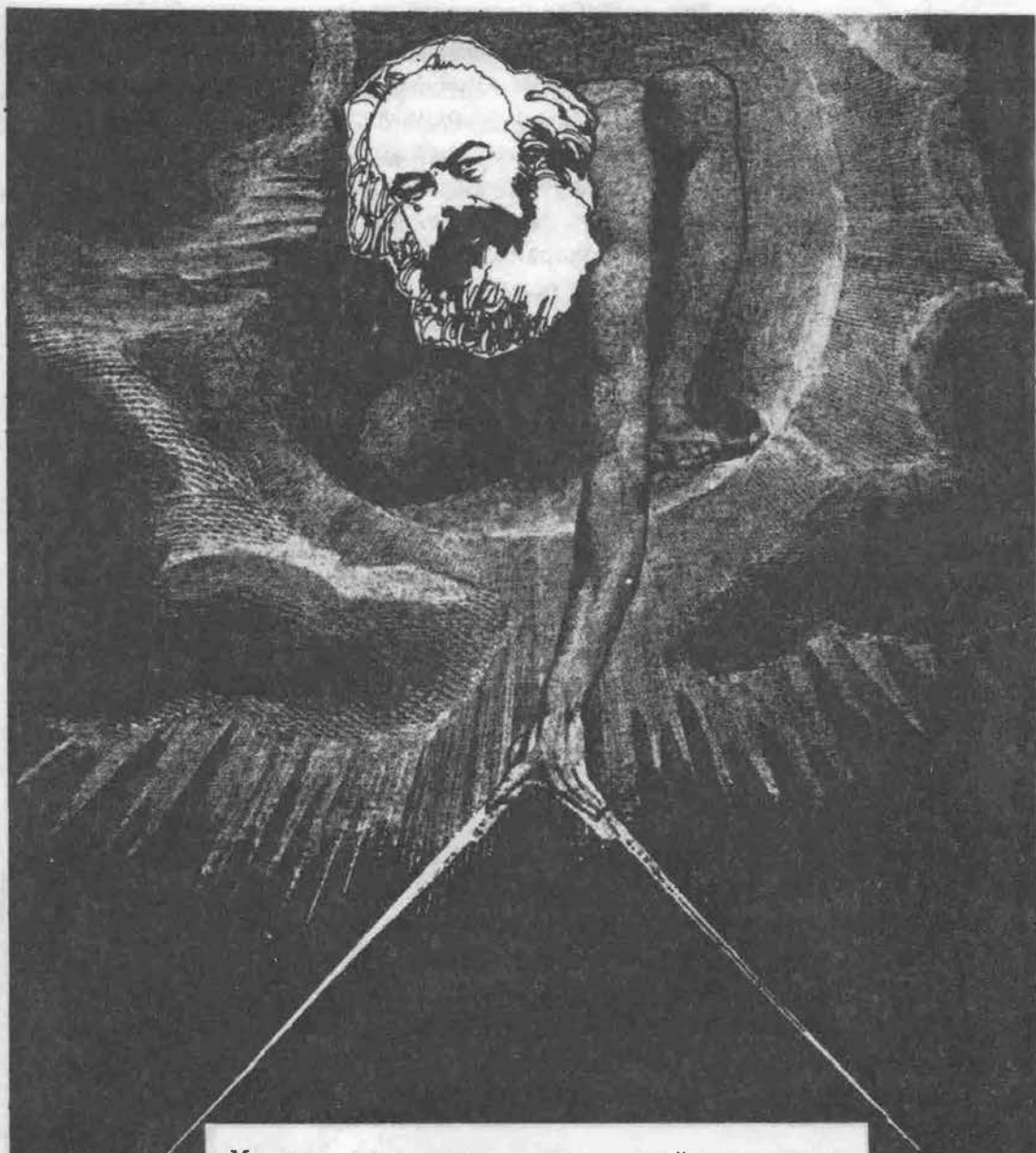
Тут возникает проблема: что значит, что продукт «заключает в себе» труд?

Это значит, что в производство продукта «вкладывается» определенное количество труда. В процессе производства материальный объект, существовавший до производства, подвергается изменениям. Суть объекта меняется, когда к нему прилагается труд. Этот труд в итоге остается заключенным в объекте, то есть *заклученным внутри* материальной вещи.

До начала работы объект уже располагает определенной формой, дарованной ему природой. Труд *присовокупляется* к этому, изменяя форму объекта. В этом отношении задача труда «материализуется» — *вкладывается* в объект.

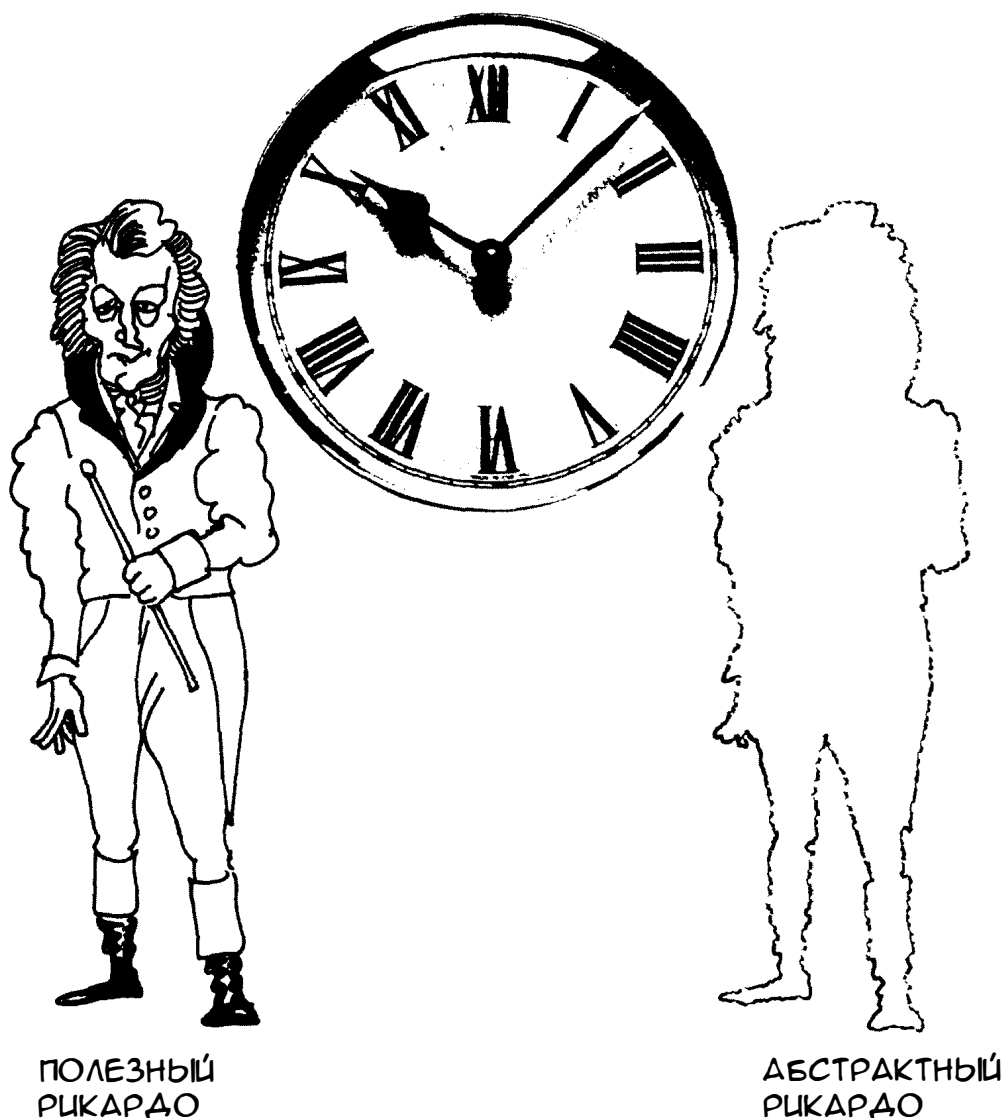
6. АБСТРАКТНЫЙ ТРУД

Мы только что сказали, что основой для сравнения разных товаров служит количество труда, необходимого для производства каждого из них. Но здесь возникает проблема: о каком *именно* типе труда идет речь? Если полезный труд способствует *полезности* продукта, то что делает его *обмениваемым*? Какой тип труда, к примеру, превращает розу в *товар*? Полезный труд?

Нет. В этом заключалась ошибка **Давида Рикардо**. Он прекрасно понял, что ценность являет собой *заключенный в объекте труд*, но не смог полностью проанализировать это утверждение. Главное — Рикардо не дошел до концепции *абстрактного труда*...

Хотя разные типы труда не являются тождественными в материальном смысле, их можно считать таковыми. Это жизненно важно! Это и есть наш секрет.

Не тождественные в материальном смысле различные формы полезного труда — скажем, изготовление часов и изготовление кроватей — *могут считаться тождественными* для облегчения обмена. Действия, требующие различных навыков, различных процессов и различных инструментов, могут признаваться *одинаковыми*, чтобы продукты различного труда могли считаться тождественными.

Иными словами, **ПОЛЕЗНЫЙ ТРУД** может считаться **АБСТРАКТНЫМ ТРУДОМ**.

Прежде чем подробно разбирать абстрактный труд, полезно определить первое различие:

ПОЛЕЗНЫЙ ТРУД

Работа как она есть, с уникальными материальными свойствами

Заклучен в потребительской ценности

АБСТРАКТНЫЙ ТРУД

Работа, которую *рассматривают* так, словно она *не имеет* отличительных черт

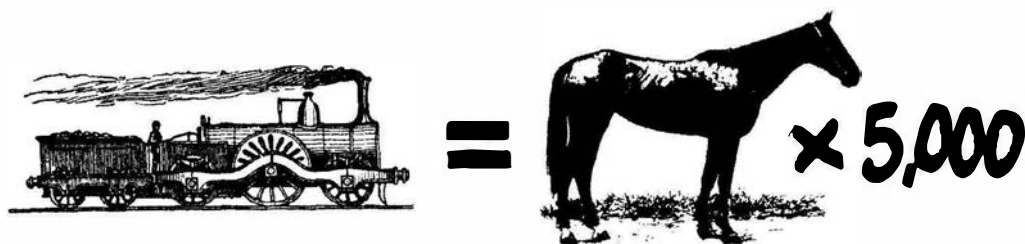
Заклучен в ценности

Например, когда портные и ткачи обмениваются продуктами, они представляют свою работу не такой, какой она является на самом деле, а простой и ясной, трудом *в чистом виде*. Приравнивая одно пальто к 20 ярдам ткани, мы приравниваем *изготовление пальто* (работу портного) к *изготовлению ткани* (работе ткача). Сравниваются *продукты*, а вместе с ними — и вложенный в них труд. Обмениваться продуктами — значит считать их тождественными.

Без отличительных черт весь труд *одинаков*. X часов одного безликого труда равняются X часам другого безликого труда. Таким образом, абстрактность позволяет произвести обмен. Равные количества абстрактного труда можно обменивать друг на друга. Сам факт обмена превращает абстрактный труд в реальный. Продукт проявляет себя в качестве товара, в котором заключена ценность.

Производители обычно не думают: «Ага! Обменивая часы на кровать, я одновременно отрицаю материальные качества обоих продуктов, считаю их качественно тождественными и тем самым причисляю их к результатам не полезного, а абстрактного труда».

Но именно этим люди и занимаются... что бы там они ни думали.

Когда дворец обменивают на некоторое количество жестянок с ваксой, труд, вложенный в изготовление каждого из продуктов, *де факто* считается идентичным. То же самое происходит и когда собрание сочинений Шекспира обменивается на определенное количество унций табака. Само собой, потребительская ценность продуктов различается — как различается и полезный труд, соответствующий этой потребительской ценности. *Они являются ценностями.*

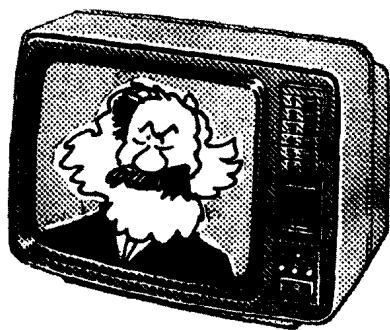
Это означает, что качественно *неравный* полезный труд, заключенный в них, считается количественно равным. Обменивая часы, платья, кровати или дома, мы не обращаем внимания на их материальные качества. В основе этого лежит то, что мы не обращаем

внимания на материальную разницу между изготовлением часов, пошивом платьев, изготовлением кроватей и строительством домов. Определенное количество часов, сделанных из металла, стекла и драгоценных камней, обменивается на определенное количество кроватей, сделанных из дерева, гусиных перьев, пористой резины и ткани, — поскольку различные типы *труда*, необходимого для их изготовления, *считаются тождественными*. Нельзя сказать, что внутри товара скрываются два типа труда. Скорее, *полезный* труд, неотъемлемый от продукта в качестве потребительской ценности, может считаться качественно абстрактным, чтобы облегчить обмен.

Как бы медленно вы ни работали, производимый вами товар содержит лишь то количество «тождественного» рабочего времени, которое затрачивает на его изготовление *средний* производитель. Если вы попытаетесь установить цену на свой продукт на основании реального времени, которое было потрачено на его изготовление, вы вскоре поймете, что количество *реального* времени, затраченного на полезный труд, ни на что не влияет. Важно, сколько *общественного стандартного* труда — то есть — требуется на изготовление продукта.

Средний, тождественный труд — вот на что люди обращают внимание. Он может внезапно меняться по причинам, не зависящим от природы конкретного, полезного труда.

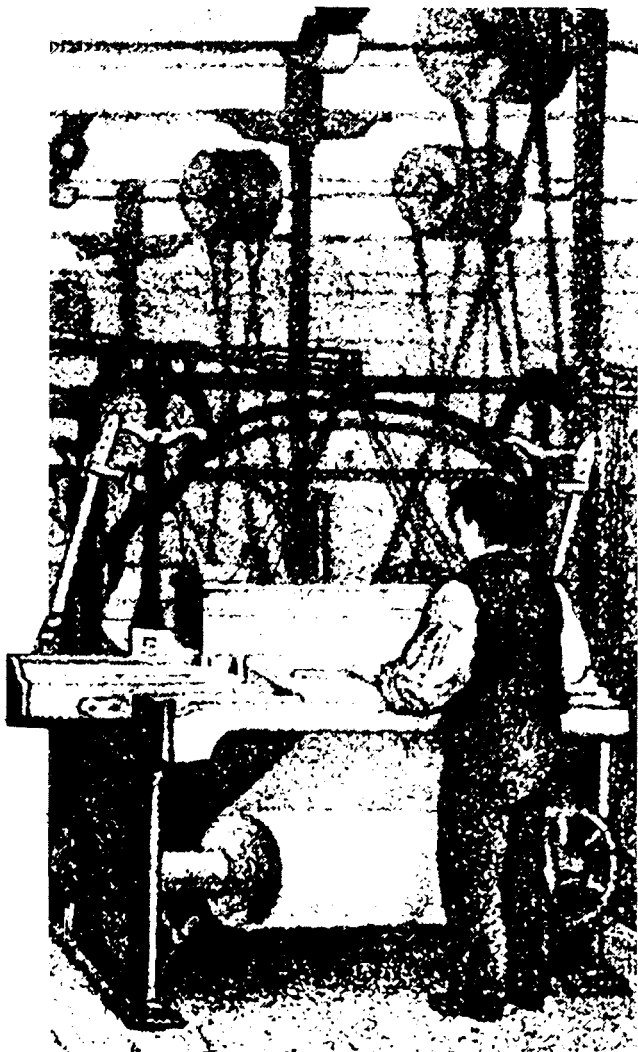

ДО ИЗОБРЕТЕНИЯ
МЕХАНИЧЕСКОГО
ТКАЦКОГО СТАНКА
ТКАЩИ, ИСПОЛЬЗОВАВ-
ШИЕ РУЧНЫЕ СТАН-
КИ, РАСХАЖИВАЛИ
С КУЧЕЙ БАНКНОТ
ЗА ШЛЯПНОЙ ЛЕНТОЙ.

ПОСЛЕ ЕГО ИЗОБРЕ-
ТЕНИЯ ШЛЯПЫ ИМ ПРИ-
ШЛОСЬ ПЕРЕВЕРНУТЬ...

Например, когда в Англии изобрели механи-
ческий ткацкий станок, время на изготовление
тканей сократилось вдвое. Ткачи, которые ис-
пользовали ручные ткацкие станки и не могли
себе позволить механические, теперь обнаружи-
ли, что их продукт стал вдвое менее ценен —
не потому, что изменился их собственный, ре-
альный труд, а потому, что изменился уровень
общественного стандартного труда.

Поэтому нужно четко понять, что «тожде-
ственный» труд — это не *реальный*, *матери-*
альный труд, а труд, который считается *обще-*
ственно абстрактным трудом.

7. ОТЧУЖДЕНИЕ ПОЛЕЗНОГО ТРУДА

Если, как мы уже сказали, любой товар «содержит в себе» или «заключает в себе» абстрактный ТРУД, где же его найти? Возьмем, к примеру, пальто. Может, абстрактный ТРУД находится в подкладке? В рукавах? В воротнике? Нет. Каким бы поношенным и потрепанным ни стало это пальто, содержащийся в нем абстрактный ТРУД в материальном смысле нам никогда не найти.

ПОКА НИ ОДНОМУ ХИМИКУ НЕ УДАЛОСЬ НАЙТИ ЦЕННОСТЬ В ЧАСАХ, В ПАЛЬТО ИЛИ В ЛЮБОМ ДРУГОМ ТОВАРЕ. РАССМОТРИТЕ ЧАСЫ ПОД МИКРОСКОПОМ! ВЗГЛЯНИТЕ НА НИХ В ТЕЛЕСКОП! ПЕРЕВЕРНИТЕ ИХ ВВЕРХ НОГАМИ, ВЫВЕРНИТЕ НАИЗНАНКУ, ИЗУЧИТЕ СО ВСЕХ СТОРОН — ЧТО БЫ ВЫ НИ ДЕЛАЛИ, ВАМ НЕ УВИДЕТЬ, НЕ УСЛЫШАТЬ, НЕ ПОЩУПАТЬ И НЕ ОЩУТИТЬ ЦЕННОСТЬ НА ВКУС. ВЫ ПРОСТО УВИДИТЕ САМУ ВЕЩЬ — В НАШЕМ СЛУЧАЕ, ЧАСЫ. НО ВАМ НИКОГДА НЕ УВИДЕТЬ И НЕ УСЛЫШАТЬ РЕАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА, ВОВЛЕЧЕННОГО В АБСТРАКТНЫЙ ТРУД.

Чувственное восприятие может распознать только полезные вещи и полезный труд. Так как ценность нематериальна, ее невозможно ощутить в материальном смысле. Это общественная, призрачно общественная реальность. «Ценность товаров прямо противоположна грубой предметности их тел; в нее не проникает ни один атом материи».

ТОЧНО ТАК ЖЕ И КОРОЛЬ ЯВЛЯЕТСЯ КОРОЛЕМ —
ЭТО РЕЗУЛЬТАТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ!

Король — это человек, который, как и любой другой человек, отличается от остальных своей внешностью, манерами и характером.

Посмотрев на него, нельзя сказать, что он король, ведь он кажется обычным человеком. Но монарха считают королем. Может, у него и нет «божественного права» на престол, но он все же является королем, так как его подданные считают его своим государем. Ему дарована «королевская власть».

Королевская власть и качества имеют общественную, а не естественную природу.

Ни один коронер, обследующий тело скончавшегося монарха, не обнаружит в его крови признаки принадлежности к королевскому роду. (На самом деле кровь монархов не голубая.)

С естественной, вещественной точки зрения, король — это просто человек. Его материальные возможности не отличаются от возможностей других людей. Но с общественной точки зрения, в своих действиях, в том, как его приветствуют остальные, король является тем, кем его представляют подданные.

Люди делают его королем, *относясь* к нему с почтением и подобострастием.

То же самое относится и к ценности. Ни один полезный предмет в материальном смысле не заключает в себе абстрактного ТРУДА.

Полезный предмет может быть товаром, в котором заключена ценность, только если его *считают* товаром. Но если его считают товаром, в *общественном* смысле он им и *становится*.

СМОТЯ НА БРИЛ-
ЛИАНТ, НЕЛЬЗЯ
СКАЗАТЬ, ЧТО
ЭТО ТОВАР. КОГ-
ДА ОН СЛУЖИТ
ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ИЛИ
МЕХАНИЧЕСКОЙ
ПОТРЕБИТЕЛЬ-
СКОЙ ЦЕННОСТЬЮ
НА ГРУДИ КУР-
ТИЗАНКИ ИЛИ
В РУКЕ РЕЗЧИКА
СТЕКЛА, ЭТО ПРО-
СТО БРИЛЛИАНТ,
А НЕ ТОВАР.

В природе товаров не существует. Просто попробуйте найти ценность в тайнике Дэйви Джонса¹, или в центре земли, или в космосе. И правда, ничто не обладает «обмениваемостью» в отсутствие людей. Обмен — это акт человеческих взаимоотношений. Обмениваемость — это свойство, существование которого возможно только в контексте человеческих общественных отношений. Но обмениваемость имеет право на существование, даже будучи неестественной. Люди могут делать полезные вещи обмениваемыми, производя их на обмен. Когда обмен становится универсальным, систематическим принципом производства — как это происходит в капиталистическом обществе, — обмениваемость превращается в общественно реальный атрибут продуктов в целом. «Призрачная» ценность очень, очень реальна. Попробуйте выжить в капиталистическом обществе, не покупая и не продавая вещи! За незначительными исключениями, в капиталистическом обществе *каждый* продает и покупает товары.

¹ Вымышленное место из параллельного мира, упоминается в фильме «Пираты Карибского моря. Проклятие Черной жемчужины».

8. Фетишизм

Слово **«фетишизм»** означает верование в то, что конкретные объекты — скажем, религиозные идолы или слитки золота — обладают мистическими силами.

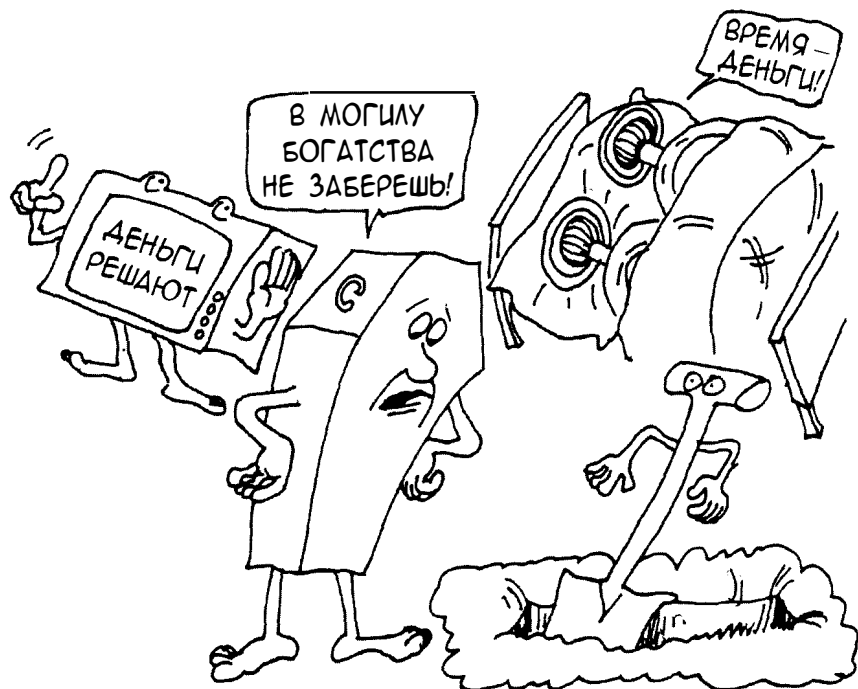
Фетиш — это именно такой объект.

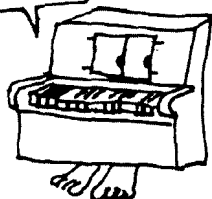
Происходящее от латинского «делать», слово **«фетиш»** относится к созданным человеком объектам, которые наблюдатели считаютместищем сверхъестественных сил, будь они священными или демоническими.

Современные критики, начиная с де Бросса и Конта, рассматривают фетишизм в качестве этапа в истории религий. Маркс утверждает, что он существует и сегодня, являясь неотъемлемой частью мира товаров, — и называет его **товарным фетишизмом**.

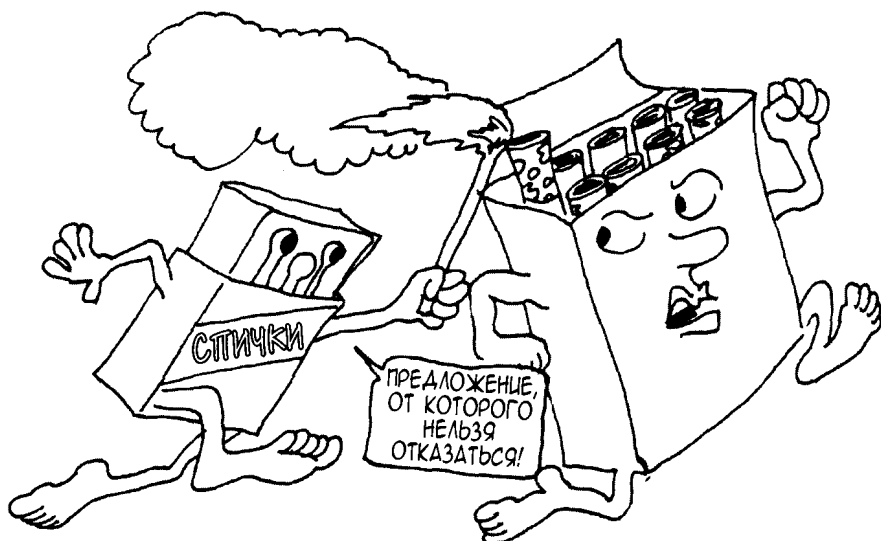
Это верование, что продукты труда, помимо обычных материальных черт, обладают невидимой, но неотъемлемой *«меново́й ценно́стью»*...

СТАНУ ТВОИМ
ЗА ПЕСНЮ!

Товары вступают во взаимодействие естественным и спонтанным образом...

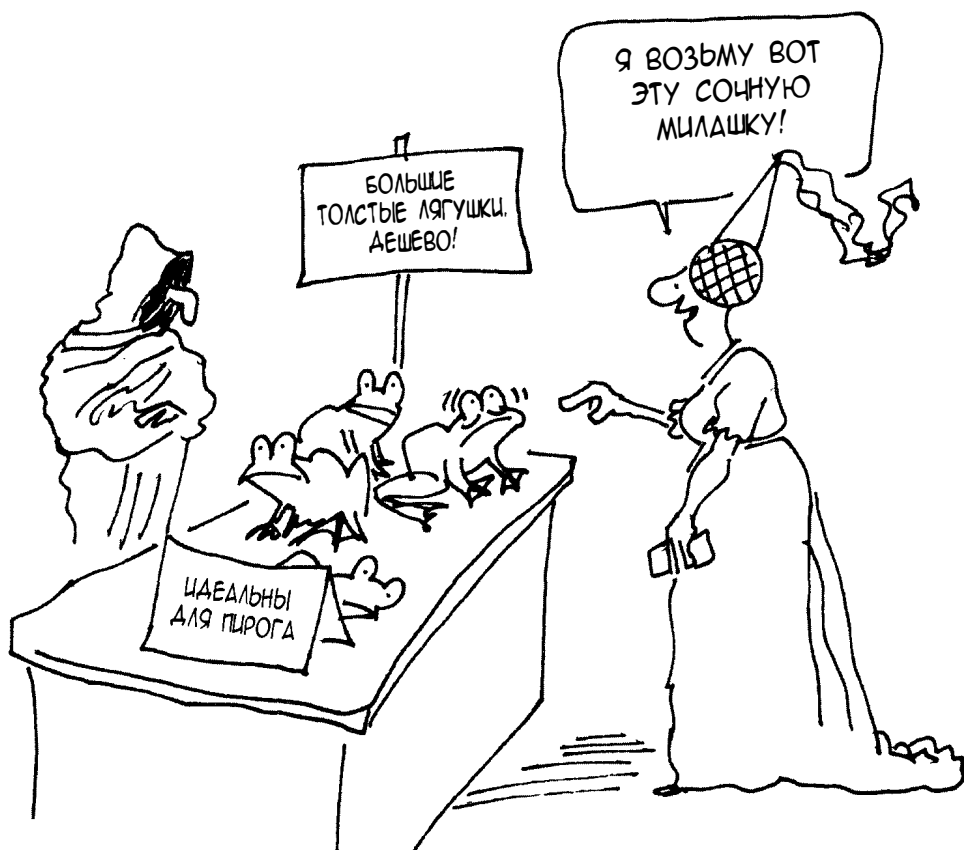

На самом деле общество разделяет свой труд между множеством «частных производителей», которые вступают во взаимодействие, обмениваясь продуктами своего труда. Именно этот процесс преобразует простые потребительские ценности в магические ценности.

Хотя товары и деньги обладают особой властью, эта власть неестественна. Она фактически является продуктом человеческого воображения. Люди редко понимают, что деньги и товары имеют способность к обмену только потому, что люди относятся друг к другу как к частным производителям. Производя товары в изоляции от остальных, которые тоже работают «частным образом», производители должны производить их на обмен.

Продукты могут менять собственника только посредством обмена. Без обмена частный производитель яблок будет иметь только яблоки! Чтобы получить вино, книги, обувь и другие продукты, производители должны покидать свое личное пространство хотя бы ради совершения обмена.

Ни один производитель не может использовать неограниченное количество любой потребительской ценности. В какой-то момент продукт производителя *перестает* быть для него потребительской ценностью и может вернуть себе ценность только в процессе обмена, когда какой-либо другой производитель признает его потребительской ценностью.

Кажется, что яблоки обмениваются на деньги (а посредством этого и на вино, книги и так далее) *естественным* путем, оправдывая тем самым присущую им обмениваемость. Товары как будто притягивают деньги точно так же, как магнит притягивает железо. Кажется вполне естественным, что товары обладают определенными ценами, что они «стоят» именно столько — не больше и не меньше. Это и есть фетишизм.

КАРЛ, СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЗАКОН ПРИРОДЫ, ПОСТАНО-
ВЛЯЮЩИЙ, ЧТО ЛЮДИ ДОЛЖНЫ ЧАСТНЫМ ОБРАЗОМ
ПРОИЗВОДИТЬ ПРОДУКТЫ НА ОБМЕН?

И СУЩЕСТВУЕТ ЛИ
ВЫСШИЙ ПРИНЦИП,
ПО КОТО-
РОМУ...

...НЕВОЗМОЖНО ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ПРОИЗВОДСТВО
СОВМЕСТНО, РАДИ ОБЩЕГО ПОТРЕБЛЕНИЯ,
А НЕ РАДИ ПРИБЫЛИ?

НЕТ, ФРЦДРИХ! ГЛАВНЫМ ОБ-
РАЗОМ КООПЕРАЦИЮ ЗАТРУД-
НЯЮТ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ:

ОБЩЕСТВО КОНТРО-
ЛИРУЮТ КА-
ПИТАЛИСТЫ
И БЮРОКРА-
ТЫ, А ОБЫЧ-
НЫЕ РАБОЧЕ
СЛИШКОМ ПЛО-
ХО ОРГАНИ-
ЗОВАНЫ И
НЕДОСТАТОЧНО

УВЕРЕНЫ В СЕБЕ, ЧТОБЫ
ВЕРИТЬ В СОБСТВЕННЫЕ ТВОР-
ЧЕСКИЕ СИЛЫ, А НЕ ВО ВЛАСТЬ ДЕНЕГ
И ЭКОНОМИКИ. А ЕЩЕ СУЩЕСТВУЮТ...

9. ДЕНЬГИ

Ценность существует в трех формах: в качестве *товаров, денег и капитала*.

- **ТОВАРЫ** — это потребительские ценности, произведенные на обмен.

- **ДЕНЬГИ** — это универсальный товар, эквивалентный всем остальным.

- **КАПИТАЛ** — это деньги, инвестированные с целью получения большего количества денег.

Чтобы перейти к рассуждению о *капитале*, то есть высшей форме ценности, мы должны лучше понять деньги. Откуда при обмене товарами появляются деньги? Как деньги становятся капиталом и получают господство при обмене товарами?

В самом простом случае — когда отдельный товар обменивается на один эквивалентный товар — ценностные отношения недостаточно крепки. Решить, сколько «общественного среднего» труда потребовалось на изготовление какой-либо вещи, можно лишь наугад. Но когда продукты в основном производятся на обмен, ценностные отношения становятся более прочными. Когда одно пальто = 20 метрам ткани = 10 килограммам чая = 40 килограммам кофе = 20 граммам золота, обменные курсы становятся более фиксированными и менее беспорядочными. Все больше продуктов начинает считаться результатами абстрактного труда. В итоге возникает система производства товаров, в которой относительная ценность множества различных товаров становится фиксированной.

ДЕНЬГИ — ЭТО СТАНДАРТНАЯ МЕРА ЦЕННОСТИ
ВСЕХ ТОВАРОВ. ОНИ ПОЯВЛЯЮТСЯ, КОГДА
КОЛИЧЕСТВО ТОВАРОВ РАСТЕТ,
А ВМЕСТЕ С НИМ
РАЗВИВАЕТСЯ
И КАПИТАЛИЗМ.

ПРОСТИТЕ, СЭР,
КАКОВА ДЛИНА ВАШЕЙ
НОГИ С ВНУТРЕННЕЙ
СТОРОНЫ?

ЕЕ ВПОЛНЕ
ХВАТАЕТ,
ЧТОБЫ Я
ДОСТАВАЛ
ДО ПОЛА!

Когда один условный товар сравнивается не с одним эквивалентным товаром, а с несколькими, его ценность независимо выражается целым рядом эквивалентов. Но взглянем на это с другой стороны. Можно также сказать, что по отношению к каждому товару в этом ряду эквивалентов «один условный» товар сам становится эквивалентом. Если этот один товар используется, чтобы определять ценность многих, он превращается в *деньги*. Роль денег он играет наиболее полно, когда его повсеместно признают единственным эквивалентным товаром, который выражает — и определяет — ценность всех остальных товаров.

ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО БЕЗ ДЕНЕГ
У ВАС НИЧЕГО НЕ БУДЕТ.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЭКВИВА-
ЛЕНТ НИЧЕМУ... ЭТО НИЧЕГО!

ЗОЛОТО

Исторически *золото* было товаром, который использовали в качестве денег практически повсеместно. С появлением «золотого стандарта» стало возможным сказать, что 1 пальто = 15 долларам или что 20 метров ткани = 15 долларам. Пальто и ткань по-прежнему могут выступать продуктами обмена, но теперь нам более привычно использовать в процессе сделки *деньги*. Тожественность пальто и ткани выражается не прямо, а через их отношение к золоту (с использованием его названия в одной из валют — долларах, фунтах и т. д.). Золото становится высшей силой, когда оно превращается в единственный товар, обмениваемый на все остальные. Пальто и ткани теперь обмениваются *только* на деньги. То же самое относится и ко всем обычным товарам (за редким исключением).

Но золото — и его бумажные, медные и прочие заменители — может обмениваться на *любой* другой товар. Именно это и превращает его в деньги и отличает от всех остальных товаров.

Драматург Бен Джонсон подчеркнул саму суть реальной общественной силы денег, когда сказал:

О ЗОЛОТО, СВЯТЫНЯ,
БОГ НЕМОЙ,
ТЫ ЯЗЫКИ РАЗВЯЗЫВАЕШЬ
ЛЮДЯМ;
ХОТЬ НИЧЕГО САМО ТЫ
НЕ ТВОРИШЬ,
ТВОРИТЬ ТЫ ЧТО УГОДНО
ЗАСТАВЛЯЕШЬ.

«ВОЛЬПОНЕ»¹

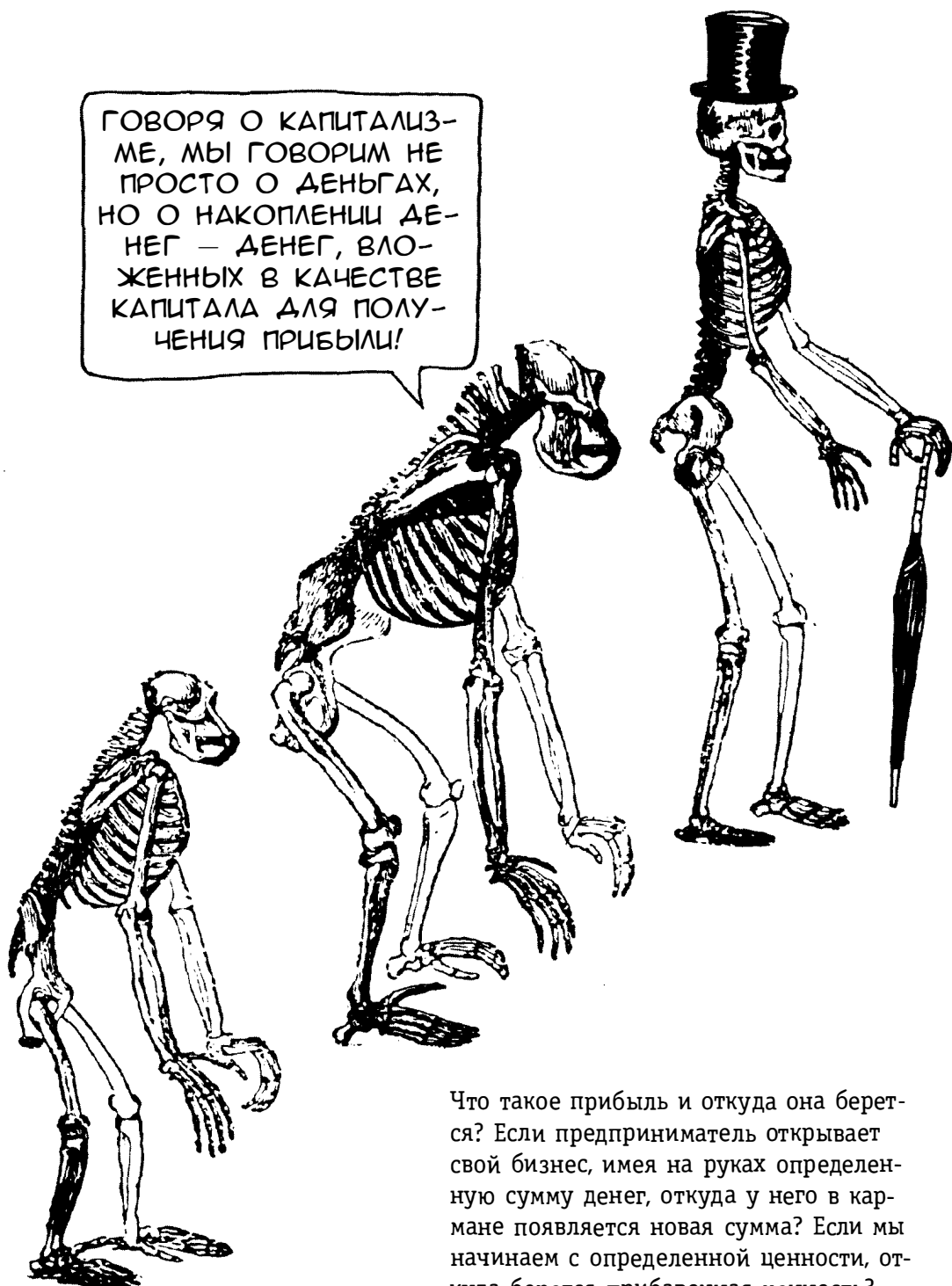
В большинстве древних обществ золото было просто одним продуктом среди остальных. Теперь это — единственный универсальный товар, единственный продукт, который продается при любых условиях. Оно движется быстрее и дальше, оно является... **СУПЕРТОВАРОМ!** И его власть лишь усиливается, когда оно выступает в качестве капитала. Будучи капиталом, деньги действительно заставляют людей «творить что угодно».

¹ Перевод П. Мелковой.

10. НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

ГОВОРЯ О КАПИТАЛИЗМЕ, МЫ ГОВОРим НЕ ПРОСТО О ДЕНЬГАХ, НО О НАКОПЛЕНИИ ДЕНЕГ — ДЕНЕГ, ВЛОЖЕННЫХ В КАЧЕСТВЕ КАПИТАЛА ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ПРИБЫЛИ!

Что такое прибыль и откуда она берется? Если предприниматель открывает свой бизнес, имея на руках определенную сумму денег, откуда у него в кармане появляется новая сумма? Если мы начинаем с определенной ценности, откуда берется прибавочная ценность?

КАРЛ, ТВОЕ РЕШЕНИЕ ЭТОЙ ПРОБЛЕМЫ – ЭТО ТВОЕ ГЛАВНОЕ ДОСТИЖЕНИЕ!

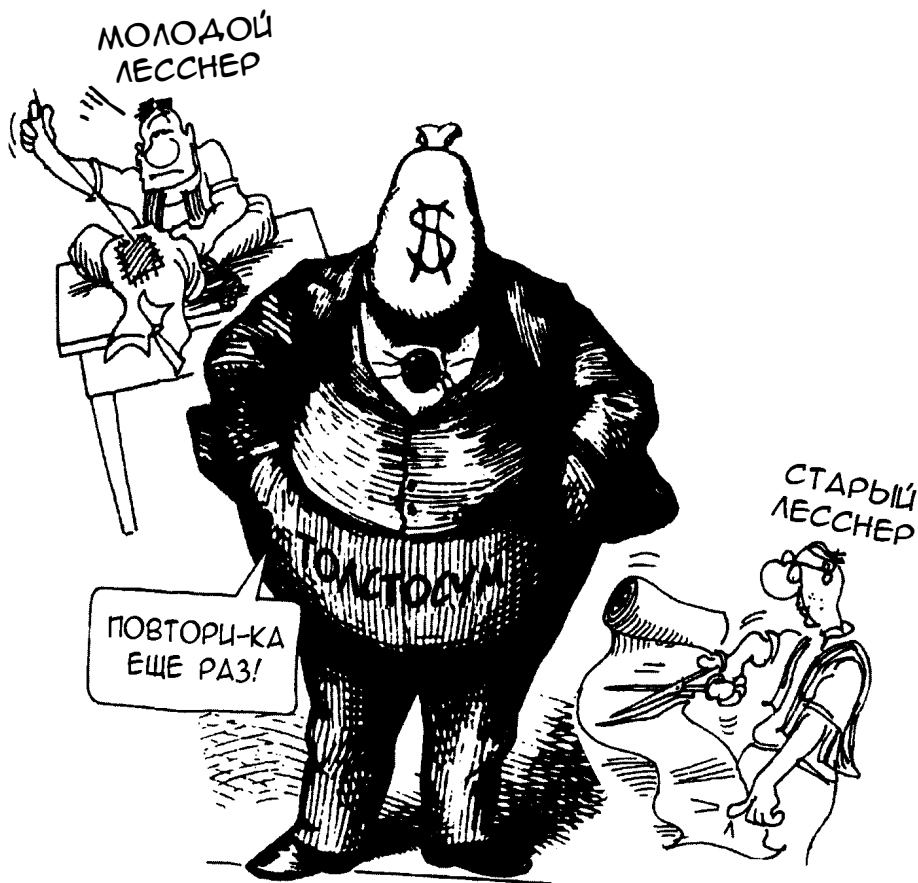

ФРИДРИХ, ЛЮДИ ВЗАИМОДЕЙСТВУЮТ С ДЕНЬГАМИ ДВУМЯ ОСНОВНЫМИ СПОСОБАМИ. РАБОТАЯ ПО НАЙМУ ИЛИ НА СЕБЯ, НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬ **ПРОДАЕТ**, ЧТОБЫ ПОКУПАТЬ, А КАПИТАЛИСТ **ПОКУПАЕТ**, ЧТОБЫ ПРОДАВАТЬ!

Как это работает?

Возьмем нашего друга Лесснера, работающего портным по найму, его отца, работающего портным на себя, и капиталиста Толстосума.

Каждый из них взаимодействует с деньгами по-своему.

И Лесснер, и его отец продают, чтобы покупать. Один продает свое умение шить пальто (Лесснер), другой продает сами пальто (отец Лесснера). Оба они продают конкретные, востребованные товары.

Отец шьет и продает пальто не ради денег как таковых, а ради возможности с их помощью получить еду, жилье и другие товары.

ЧЕМ ХОРОШО ОДЕТЫЙ
АЖЕНТЛЬМЕН ОТЛИЧАЕТСЯ
ОТ ПРЕСЫТИВШЕГОСЯ ПСА?

То же самое относится и к молодому Лесснеру. Он продает свое умение не по любви, а ради денег; в обмен он получает заработную плату, которая позволяет ему приобретать необходимые для жизни вещи.

АЖЕНТЛЬМЕН
НОСИТ КОСТЮМ,
А СОБАКА —
ЛИШЬ ШТАНЫ.

Здесь мы видим цикл
ТОВАР (Т) — ДЕНЬГИ (Д) — ТОВАР (Т) (Т-Д-Т),
где Деньги становятся шагом на пути
от производства Товаров к покупке Товаров

Для нашего Толстосума дела обстоят иначе. Он участвует в происходящем не как непосредственный производитель, а как *владелец денег*. Его цель — покупать товары и продавать их. Он тратит деньги, чтобы получать деньги.

ТЕПЕРЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬ ВЫСТУПАЕТ В КАЧЕСТВЕ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ПРИХОДИТ НА РЫНОК НЕ С ПРОДУКЦИЕЙ, А С ДЕНЬГАМИ, КОТОРЫЙ ПОКУПАЕТ НЕ ТО, ЧТО ЕМУ ХОЧЕТСЯ, А ТО, ЧТО ДЛЯ ЛИЧНЫХ НУЖД ЕМУ НЕ ТРЕБУЕТСЯ. СЛОВOM, ОН ПОКУПАЕТ, ЧТОБЫ ПЕРЕПРОДАТЬ КУПЛЕННОЕ.

ЭЛЕОНОРА
МАРКС

ПРИВЕТ, ДЕРЕВНЯ!

Для капиталиста деньги — это альфа и омега обмена. Толстосум живет в обратном цикле по отношению к Т-Д-Т:
ДЕНЬГИ (Д) — ТОВАР (Т) — ДЕНЬГИ (Д)

Толстосум тратит деньги не просто, чтобы получить такую же сумму денег. Он не вкладывает 10, чтобы получить свои 10 назад.

Нет, Толстосум стремится получить больше, чем он тратит, чтобы нажиться на обмене.

СЫР!

Жертва «отвратительной жажды золота», Толстосум, с энтузиазмом гонится за ценностью, желая богатеть все больше и больше.

ЕГО ЛИЧНОСТЬ, А ТОЧНЕЕ
ЕГО КАРМАН, — ЭТО ТОЧКА,
ОТКУДА
ПРОИС-
ХОДЯТ

ДЕНЬГИ
И КУДА
ОНИ ВОЗВРА-
ЩАЮТСЯ.

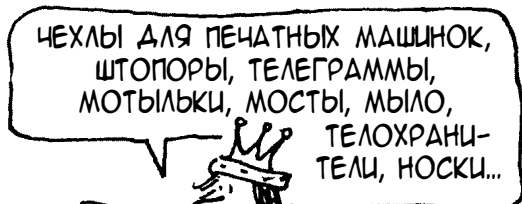
«БОЛЬШЕ ЦЕННОСТЕЙ ЗА МЕНЬШИЕ
ДЕНЬГИ» — вот девиз капиталиста.

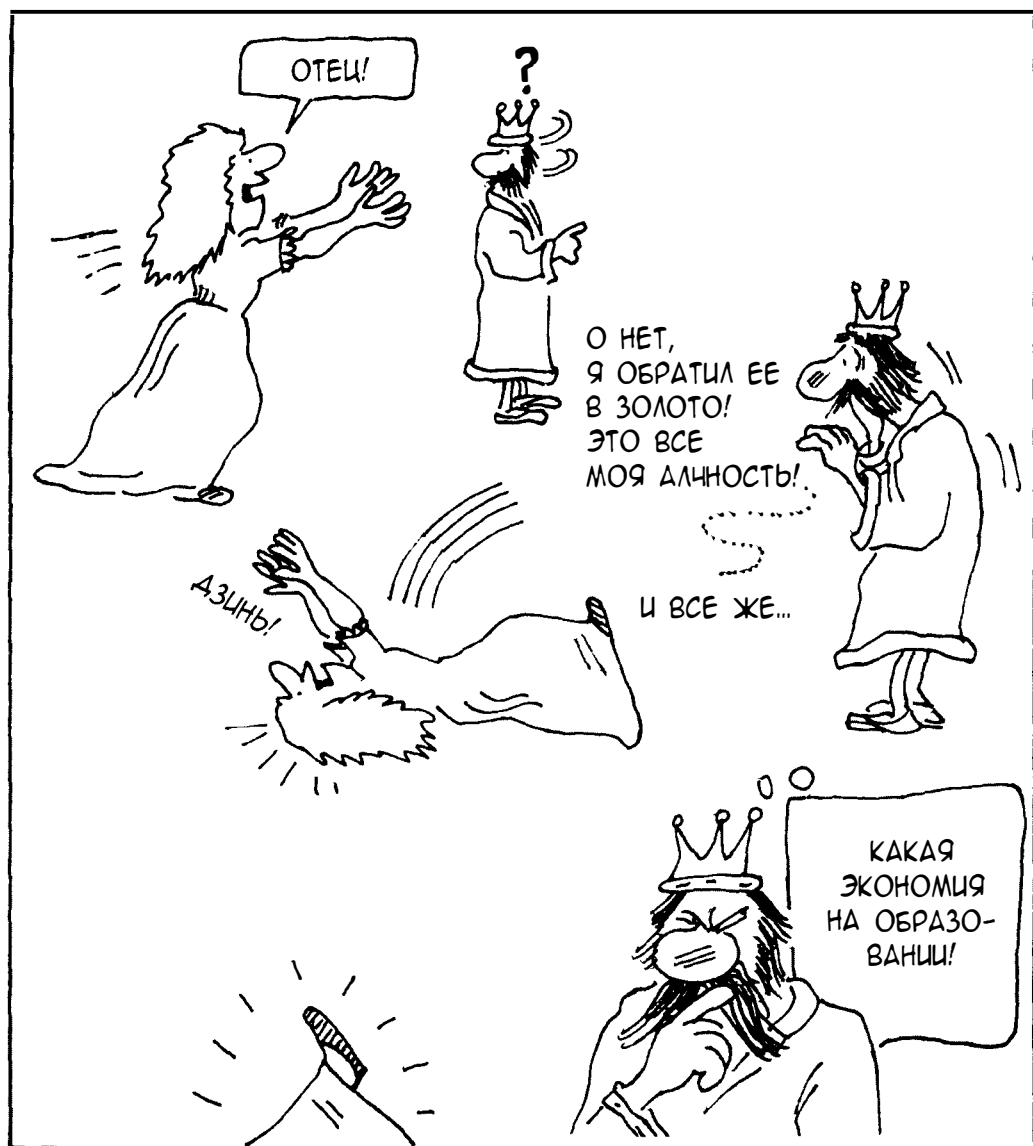

Удивительное свойство денег заключается в том, что при правильном использовании они производят прибыль. Деньги делают деньги! Начальная сумма денег D производит большую сумму денег D' (произносится: Д-штрих).

Капиталистический цикл представляет собой не просто $D-T-D$, а $D-T-D'$, где D' больше D . Именно здесь и кроется происхождение прибавочной ценности, то есть разницы между D' и D . Начальная сумма денег заменяется большей суммой. Толстосум действительно получает «больше ценностей за меньшие деньги».

МИДАС-МОНЕТАРИСТ

Деньги, используемые для производства денег, представляют собой «самовозрастающую ценность», или *капитал*. Мы сейчас говорим о начальной сумме D . Вложенный капитал приводит к появлению прибавочной ценности, то есть разницы между D и D' . Эта прибавочная ценность принимает три основные формы: форму **прибыли**, **процентов с капитала** и **ренты**.

Часть прибавочной ценности используется, чтобы выплатить проценты на D , так как Толстосум, вероятно, одолжил хотя бы часть своего начального капитала. Другая часть прибавочной ценности используется, чтобы выплатить ренту, так как Толстосум, вероятно, арендует хотя бы часть используемой им земли и оборудования.

Оставшаяся часть называется *прибылью* — прибавочной ценностью, которая поступает прямо к Толстосуму и которой он может распоряжаться по своему усмотрению.

Прибыль можно использовать двумя основными способами: либо в качестве *дивидендов* для личных утех Толстосума, либо в качестве *капитала*, то есть *свежих Д*, *второго поколения Д*, для новых вложений с целью получения следующей порции прибавочной ценности.

ЕСЛИ ВЫЧЕСТЬ ИЗ D' ПРОЦЕНТЫ С КАПИТАЛА, РЕНТУ И ДИВИДЕНДЫ, У НАС ОСТАНУТСЯ НОВЫЕ D . ЕСЛИ КОЛИЧЕСТВО ЭТИХ D , КОТОРЫЕ МОЖНО НАЗВАТЬ D^2 , БОЛЬШЕ, ЧЕМ НАЧАЛЬНОЕ КОЛИЧЕСТВО D , ТО КАПИТАЛ НАКОПЛЕН!

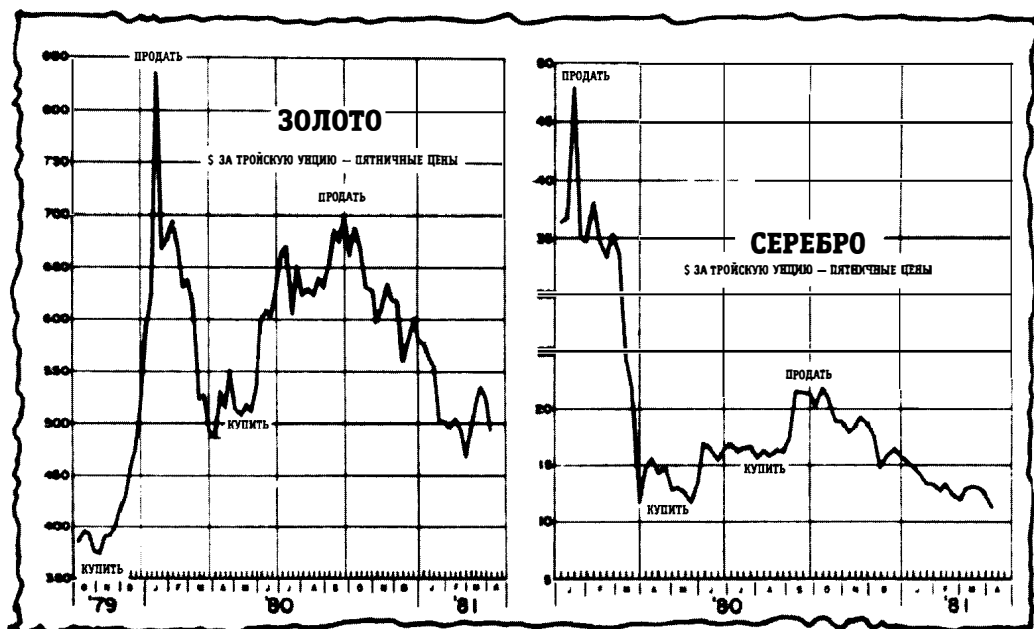
Хотя богатство капиталистического общества представляется накоплением товаров, на самом деле оно является накоплением *капитала*. Накопление капитала — важнейший принцип капитализма, экономическая задача и процесс, на фоне которого остальные задачи просто меркнут. Капитализм — это просто название системы производства, основанной на накоплении капитала.

Как видим, получение прибыли — это способ накопления капитала. Прибыль становится движущей силой системы, как ветер для парусного корабля или уран для ядерного реактора.

Деньги доказали свою способность увеличиваться в объеме. Как гусыня, несущая золотые яйца, деньги показали, что они обладают мистической силой добавлять себе ценности. Деньги рожают деньги. «Богатые богатеют». В качестве капитала деньги аккумулируются при вложении. Рождается прибыль.

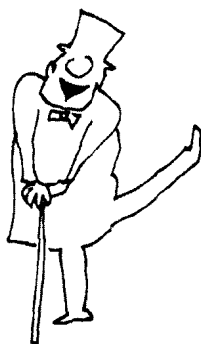

Хлопая самого себя по плечу, Толстосум в свойственной ему манере замечает, что прибыль появляется в результате «дешевой покупки и дорогой продажи», то есть *обмена*.

ДЕШЕВЛЕ
КУПИТЬ

ДОРОЖЕ
ПРОДАТЬ

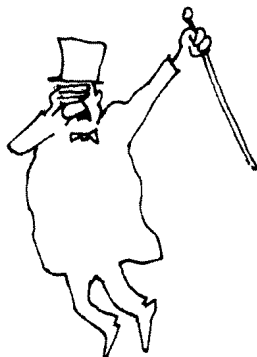
С ПРИБЫЛЬЮ
ГОРЯ НЕ БУДЕШЬ
ЗНАТЬ!

ДОРОЖЕ
КУПИТЬ

ДЕШЕВЛЕ
ПРОДАТЬ

ПРИДЕТСЯ
ЛАПТЕМ ЩИ
ХЛЕБАТЬ!

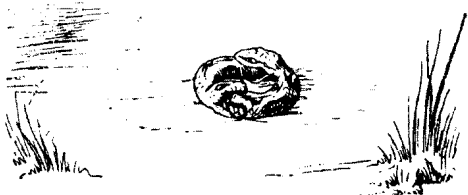
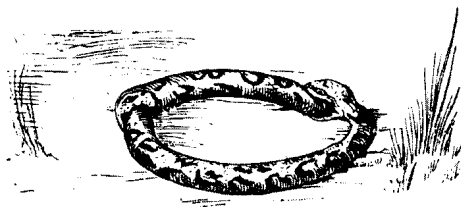

Допустим, Толстосум продает свои товары дороже их ценности. Он продает то, что стоит 100, — за 110, добавляя наценку в 10. Но что мешает остальным продавцам поступать точно так же? Если такое случится, наш Толстосум понесет убытки: *заработанное* в качестве продавца он *потеряет* в качестве покупателя.

Само собой, ничто не может сдержать мошенничество и теневой бизнес. Но *в целом* назначать слишком высокие цены на продукты не позволяет конкуренция. Соперничество между капиталистами, конкурирующими за ограниченные рынки и прибыль, приводит к тому, что цены обычно не сильно превышают истинную ценность товаров. В результате товары, как правило, продаются по своей цене с точки зрения среднего, общественно необходимого труда.

Толстосуму, конечно, хочется брать больше за свои продукты, но в таком случае его конкуренты помешают ему, продавая тот же товар по более низкой цене. Выручка от наценки нивелируется низкими показателями продаж — если Толстосума и вовсе не вытеснят из бизнеса.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ КОНКУРЕНЦИИ

Наконец, представьте себе конкретный пример мошенничества. Пусть мистер А сумел обмануть мистеров Б и В. Получит ли он прибавочную ценность? Нет! Может, что-то он и получит, но лишь за счет обманутых джентльменов. *Новой* ценности в этом случае создано не будет.

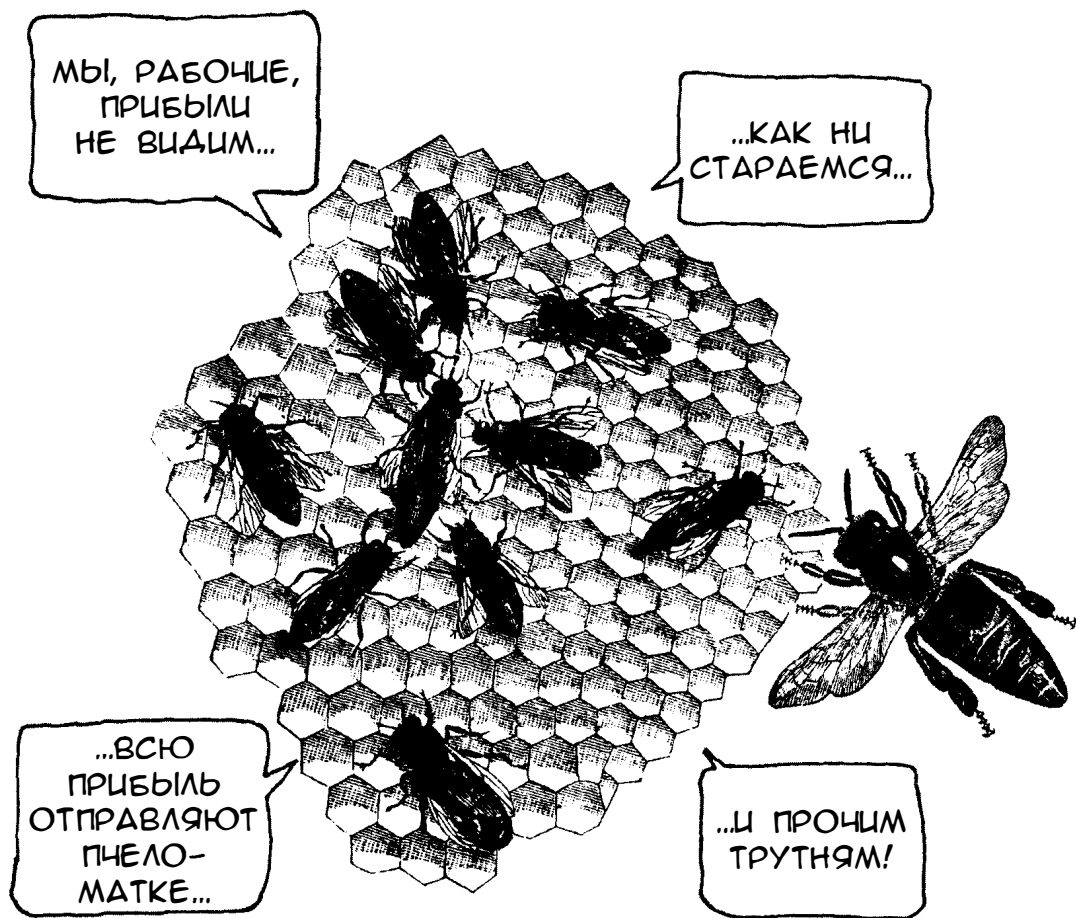
ЦЕННОСТЬ ПОМЕНЯ-
ЛА ВЛАДЕЛЬЦА, НО
НЕ БЫЛА СОЗДА-
НА ЗАНОВО, А ПРИ-
БЫЛЬ — ЧТОБЫ БЫТЬ
ИСТИННОЙ — ДОЛЖНА
СОЗДАВАТЬСЯ ЗА-
НОВО. СОВЕРШЕН-
НО ОЧЕВИДНО, ЧТО
В ПРОЦЕССЕ МОШЕН-
НИЧЕСТВА КАПИТАЛ
НЕ СОЗДАЕТСЯ.

ЭЛЕОНОРА МАРКС

Когда в дело вступают монополии, кое-что изменяется, но не на фундаментальном уровне. Хотя монополисты и могут поднять цены выше истинной ценности товаров, так как их не сдерживает конкуренция, следовательно, они вольны получать «случайную» прибыль, прибыль обычно не становится результатом деятельности монополий.

Без монополий, даже когда производство осуществляется в условиях идеальной конкуренции, прибыль является главной целью. Не забывайте, накопление капитала начинается на основе конкуренции. Поэтому для объяснения сути прибыли нужно посмотреть на все это с другой стороны...

Капитал создается не только в процессе обмена как *побочный продукт* купли-продажи, но и в процессе производства. Именно процесс производства отделяет друг от друга D и D' . Это мы и должны понять, если хотим разобраться в происхождении капитала.

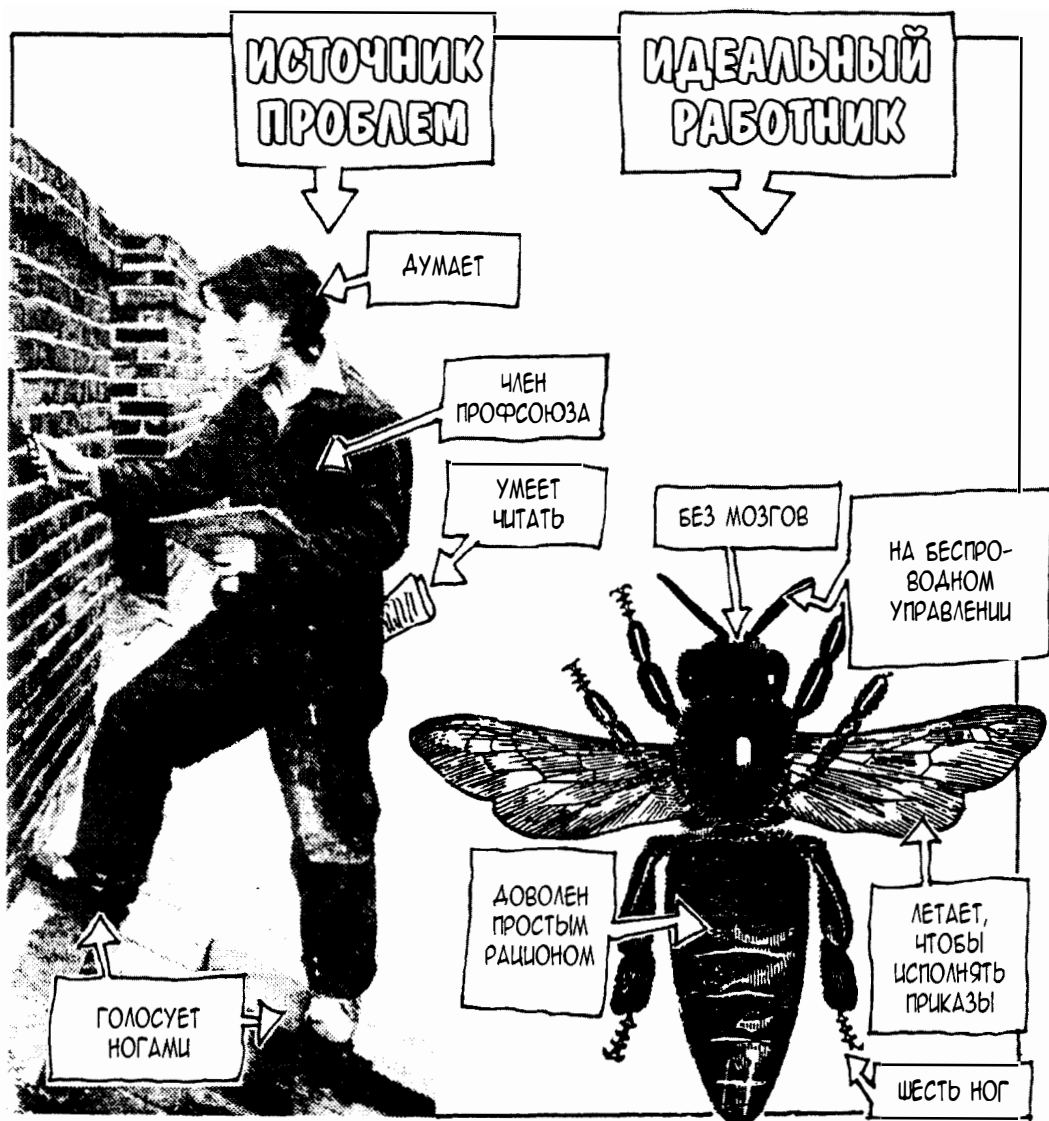
В: В ЧЕМ СИЛА ДЕНЕГ?

О: ПРОСТО Д-Т, СИЛА ПОКУПАТЬ ТОВАРЫ.

В: НО Д-Т, КАК МЫ ВИДИМ, НЕ СОЗДАЕТ
ПРИБАВОЧНУЮ ЦЕННОСТЬ. ЧТО ЖЕ ЕЕ
СОЗДАЕТ?

О: ДЕЙСТВИЯ ТОВАРОВ В ПРОЦЕССЕ
ПРОИЗВОДСТВА.

В: ЧТО-ЧТО?!

В цикле Д-Т-Д' происходит не только обмен. Толстосум не просто перепродает те же самые товары, которые покупает. Напротив, Толстосум покупает товары, которые способствуют появлению новых товаров.

Если ценность произведенных товаров не выше ценности купленных товаров, Толстосум не получит прибыли. Поэтому Толстосуму должно посчастливиться найти на рынке особый товар, который при покупке можно использовать для создания прибавочной ценности. Когда такое происходит, Толстосум вытягивает счастливый билет! Ему везет, ведь он находит на рынке особый, создающий прибавочную ценность товар.

Я ГОВОРЮ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЕ, О СПОСОБНОСТИ К ТРУДУ, О НАБОРЕ УМСТВЕННЫХ И ФИЗИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕМ ЖИВУЮ ЛИЧНОСТЬ.

Эй ты, бородааты! А ну-ка подними!

11. РАБОЧАЯ СИЛА

Если деньги представляют собой супертовар, то человеческая рабочая сила — это супер-пупер-товар. Капитализм заключается в том, что рабочая сила покупается за деньги для создания прибавочной ценности. Деньги могут работать в качестве капитала только посредством покупки рабочей силы — и это единственный способ накопления капитала.

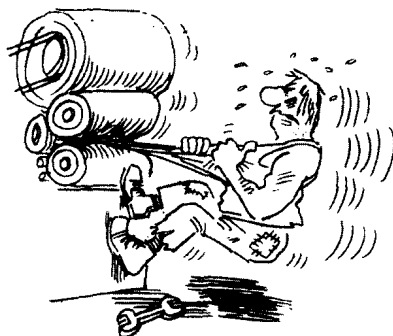
Капитализм всецело зависит от товаризации рабочей силы. Но как? Какой исторический процесс привел к тому, что человеческая способность к труду превратилась в товар? В результате чего непосредственные производители превратились в пролетариат, в продавцов рабочей силы, в рабочих?

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ, ПОЛНАЯ БУДЕТ ПОЗЖЕ...

ЧУМА

ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ВОЙНА

ОТДЫХ

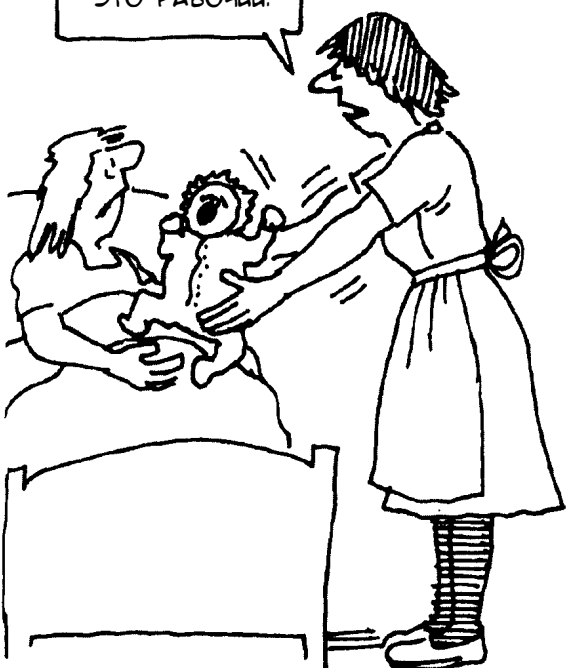

«Мы по опыту знаем, что для производства денег хватает относительно слабого развития товарооборота. Но капитал требует не просто оборота денег и товаров. Капитал появляется только тогда, когда владелец денег, то есть владелец фабрик, средств производства и т. п., находит на рынке свободного работника, то есть продавца рабочей силы. Это неперемнное условие и заключает в себе всю мировую историю. Капитал появляется на этой основе, провозглашая наступление новой эпохи в общественном производстве».

«Но как объяснить тот странный факт, что на рынке присутствуют покупатели (владеющие деньгами, землей и станками) и продавцы (владеющие лишь рабочей силой, собственными руками и головами)? Как происходит, что один класс постоянно покупает, чтобы получить прибыль и богатеть, а рабочий класс постоянно продает свою рабочую силу, просто чтобы сводить концы с концами?»

К НЕЩАСТЬЮ,
ЭТО РАБОЧИЙ!

Одно несомненно: природа не рождает ни капиталистов, ни рабочих. Социальные классы не обрушиваются на нас с неба и не встают полностью сформированными из земли. В частности, существование буржуазии (правлящего класса) и пролетариата (рабочего класса) является следствием длительного исторического развития.

12. ЭКСПРОПРИАЦИЯ

ЭТОТ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС Я НАЗЫВАЮ «ЭКСПРОПРИАЦИЕЙ НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ». ОН ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В СЕРИИ СОБЫТИЙ И СТОЛКНОВЕНИЙ, В РЕЗУЛЬТАТЕ КОТОРЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛИ ОТРЫВАЮТСЯ ОТ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА.

Средства производства критически важны. К ним относятся орудия труда, станки, здания, сырье и материалы, ресурсы и прочие необходимые для производства вещи. Производство являет собой активную комбинацию человеческой энергии — рабочей силы — и производственных ресурсов — средств производства.

Когда производственные ресурсы контролируются непосредственными производителями, рабочая сила и средства производства комбинируются органическим образом. Взять, к примеру, фермеров, которые выращивают пшеницу, или ремесленников, которые делают шляпы: имея в своем полном распоряжении все необходимые орудия и материалы для работы, они просто *используют* производственные ресурсы. В результате производство становится независимым и самообеспечивающимся.

«Но что, если забрать землю, скот, энергетические ресурсы? Что останется в руках у производителя, если он окажется лишенным орудий труда? Он превратится в вечногo скитальца, обладающего лишь рабочей силой».

Эта экспроприация производителя становится главной исторической предпосылкой для становления капитализма. Некогда единые, средства производства и рабочая сила теперь разлучены. Капиталист овладевает средствами производства. Без средств производства у непосредственного производителя не остается ничего — кроме рабочей силы. Чтобы выжить, производителю приходится продавать собственную рабочую силу в обмен на жалование, тем самым превращаясь в пролетария.

Таким образом рабочая сила и средства производства воссоединяются, однако комбинируются уже не органическим образом, а искаженно, как игрушки в руках капиталиста.

Пролетарий чувствует себя униженным и зависимым от капиталиста, так как тот «предоставляет ему работу», «шанс свести концы с концами» и получить доступ к средствам производства. Хотя пролетарий выполняет весь продуктивный труд, только капиталист контролирует производство, просто владея средствами производства, что позволяет ему покупать рабочую силу, а следовательно, владеть и ею.

13. УРОК ИСТОРИИ

Исторически экспроприация непосредственных производителей впервые произошла в Англии в XV, XVI и XVII веках, а затем распространилась на всю Европу и большую часть мира. В некоторых регионах этот процесс еще продолжается, а производители по всей планете становятся работниками по найму. Давайте обратимся к началу этого процесса в Англии, на этом чудесном острове, земле света и гармонии, где и родились капитал и пролетариат. Эта история страшна и кровава...

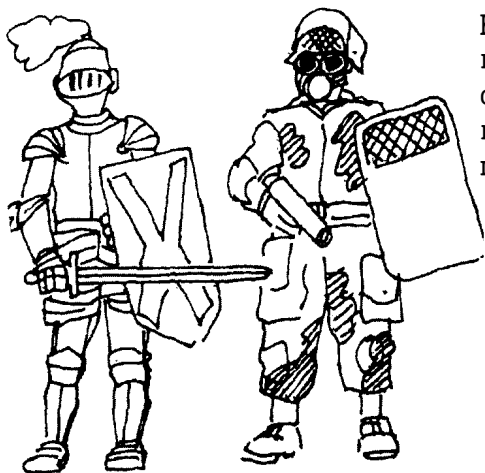

Многие моралисты и политики рассказывают нравоучительную историю, созданную специально для того, чтобы мы узнали счастливые начала богатства и бедности. «Давным-давно, — говорят они, — было два типа людей: к первому относилась трудолюбивая, умная и, что особенно важно, прижимистая элита, а ко второму — ленивые мерзавцы, которые проматывали все свое состояние. В конце концов случилось так, что вторым стало нечего продавать, кроме собственных шкур. От этого первородного греха и берет начало бедность большинства (которому, несмотря на свой труд, нечего продавать, кроме самих себя) и богатство меньшинства (которое постоянно возрастает, хотя богачи уже давно не работают)».

На самом деле важную роль в истории сыграли завоевания, порабощения, грабежи и убийства. Не только рабочий класс, но и нищета, богатство, колониализм и все остальное возникли не по вине дрянной «человеческой природы», а в результате серьезных нападков всяческих начальников и аристократов на обычных людей.

В эксплуатации нет ничего нового. Под «эксплуатацией» подразумевается контроль класса угнетателей над *прибавочным трудом*.

БРИТАНИЯ,
1480 г.

БРИТАНИЯ,
1980 г.

В рабовладельческом обществе класс эксплуататоров правил с позиции силы. То же самое происходило и позже, когда крепостные были прикреплены к земле и не имели права переезда.

Однако в капиталистическом обществе работников сдерживает «боязнь голода». Сила тоже используется — когда забастовки и протесты выходят из-под контроля, — но только в качестве крайней меры. В спокойные времена гнет нужды — нужды в работе, в зарплате — не позволяет работникам протестовать против извлечения прибавки из их труда.

Новой чертой капиталистического общества также является то, что *прибавочный труд* становится прибавочным **абстрактным** трудом, или тем, что Маркс назвал *прибавочной ценностью*.

Но что такое прибавочный труд?

Помимо труда, необходимого для выживания, — *необходимого труда*, — люди могут выполнять и дополнительный труд, производя прибавочный продукт. Такой труд и называется *прибавочным трудом*. Способность к прибавочному труду развивается постепенно. Сначала, в наиболее примитивных обществах, рабочая сила является относительно неразвитой: люди умеют только заниматься воспроизводством, выживать, собирать фрукты и ягоды и т. п. Однако посредством напряженного саморазвития люди учатся выполнять более сложные функции, например заниматься ремеслами и земледелием.

ЖЕНЩИНА,
ХВАТИТ СТРОГАТЬ
ЭТУ НИКЧЕМНУЮ
ПАЛКУ, ЛУЧШЕ
ПОМОГИ МНЕ
ИСКАТЬ КОРЕШКИ!

**КОГДА АДАМ ПАХАЛ,
А ЕВА ПРЯЛА,
КТО БЫЛ ТОГДА
ДВОРЯНИНОМ?**

Когда рабочая сила наконец развивается до такого уровня, который позволяет появление прибавочного труда, человеческое существование радикально изменяется.

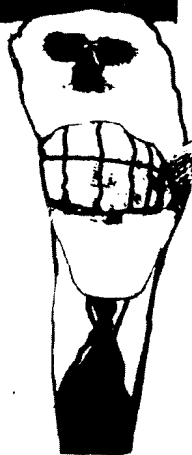
НА САМОМ ДЕЛЕ ВСЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА НАЧИНАЕТСЯ В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ТРУД ПРИМИТИВНОЙ СЕМЬИ ПРОИЗВОДИТ БОЛЬШЕ ПРОДУКТОВ, ЧЕМ НЕОБХОДИМО ДЛЯ ЕЕ ВЫЖИВАНИЯ. В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА СЕМЬЯ (!) ОТДАЕТ ЧАСТЬ СВОЕГО ТРУДА НЕ ТОЛЬКО НА ЖИЗНЕННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ (СРЕДСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ), НО

ТАКЖЕ И НА ОРУДИЯ ТРУДА И МЕХАНИЗМЫ (СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА), ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ СТАНОВИТСЯ ОСНОВОЙ ВСЕГО ОБЩЕСТВЕННОГО, ПОЛИТИЧЕСКОГО И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОГРЕССА.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Когда самые ранние общинные культуры ушли в небытие, прибавочный труд попал под влияние классов угнетателей, которые сменяли друг друга. В рабовладельческих обществах, от Древней Греции до Нового Света, прибавочный труд (как и необходимый труд) контролировали рабовладельцы. В феодалных культурах крепостные занимались прибавочным трудом, несколько дней в неделю работая на земле своего хозяина. В каждом случае все сливки снимал вооруженный класс владельцев — рабовладельцев и землевладельцев. «Эксплуатация» — это не что иное, как контроль угнетателей над прибавочным трудом угнетаемых.

14. ФОРМИРОВАНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

В капиталистическом обществе прибавочный труд забирается у пролетариата в форме прибавочной ценности. Принцип этого легче всего понять, разобрав историю об экспроприации производителя. Нам стоит обратить внимание на тот период английской истории, когда огромные массы мужчин, женщин и детей внезапно были силой отлучены от их средств производства и отправлены на рынок труда в качестве продавцов рабочей силы. В основе этого процесса лежала экспроприация земли у крестьян.

Я СВОБОДНЫЙ КРЕСТЬЯНИН
И ВЛАДЕЮ ЛИШЬ МАЛЕНЬ-
КИМ КУСОЧКОМ ЗЕМЛИ.

НО МНЕ БОЛЬШЕ
НЕ НУЖНО РАБОТАТЬ
НА БАРОНА.

И ЭТО УЖ
ЛУЧШЕ, ЧЕМ
РАБОТАТЬ
НА ФОРДА...
...ИЛИ ЖДАТЬ
ВЫХОДА
«ОЧЕРКА».
ВСЕ РАВ-
НО Я ЧИТАТЬ
НЕ УМЕЮ.

К концу XIV века в Англии практически не осталось крепостных. Подавляющее большинство населения составляли свободные крестьяне. В отличие от более ранних времен эти крестьяне относительно немного работали на феодалов, вместо этого трудясь на земле, которая находилась у них в общинной или частной собственности. Хотя кое-где и оставались громадные угодья феодалов, гораздо более типичными были небольшие крестьянские наделы.

Жестокая экспроприация этих небольших наделов и их собственников прошла в несколько этапов. Так сформировался неимущий пролетариат. Первый шаг к этому сделала монархия. Желая усилить королевскую власть и ослабить феодалов, монарх распорядился разогнать группы слуг, которые окружали дворянство.

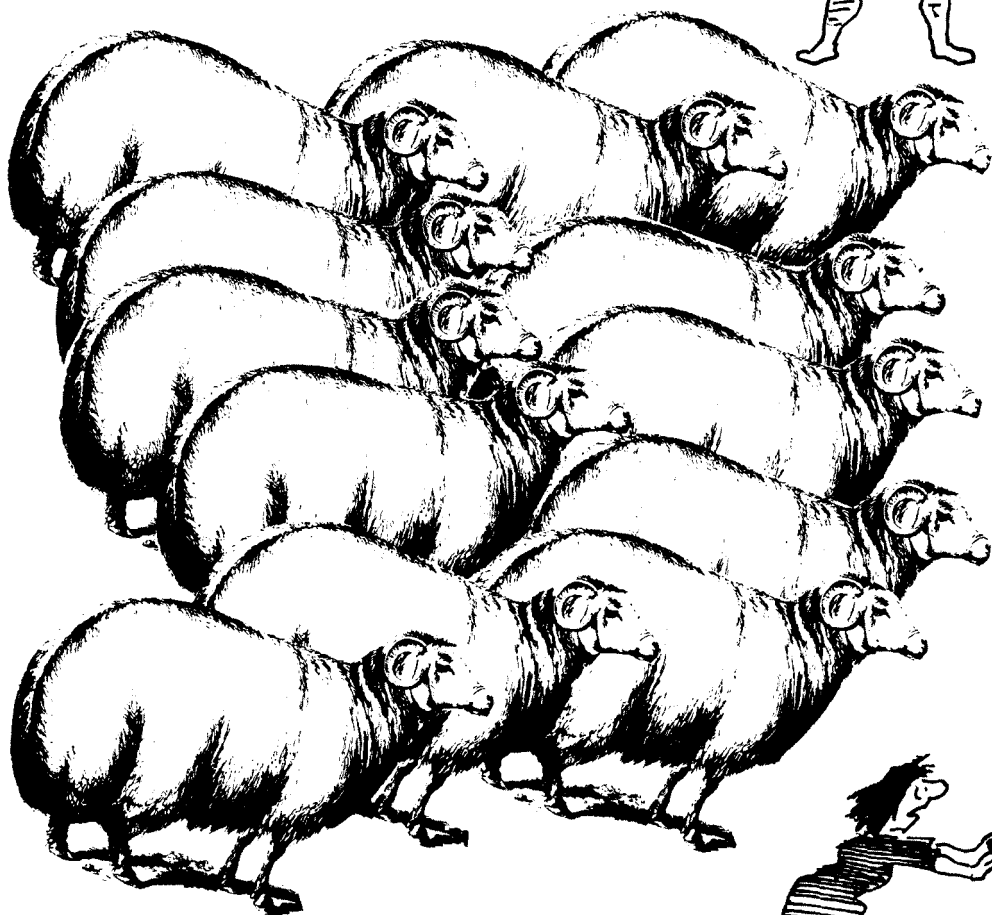

Эти слуги стали первыми, кого в значительном количестве выгнали на ранний рынок рабочей силы.

Демонстративно выступив против этого, крупные феодалы создали несравнимо больший по численности пролетариат, силой отбирая у крестьян наделы в отчаянной попытке усилить аристократическую власть.

Прямой импульс к этому процессу экспроприации дал быстрый рост шерстяных мануфактур во Фландрии и итоговый рост цен на шерсть. В погоне за деньгами, этой высшей силой, дворянство решило превратить фермерские наделы в пастбища для овец.

САМО СОБОЙ, МЫ
НАЗЫВАЕМ ЭТО «БЕГ-
СТВОМ КРЕСТЬЯНСТВА»!

Чтобы сделать это, оно направило всю свою военную мощь на крестьян в жестокой и успешной в итоге попытке согнать их с земли, в процессе грабя и разоряя бесчисленное количество деревень.

Указ времен Генриха VIII говорит о последовавшем за этим переходе контроля над средствами производства из одних рук в другие: «Многие фермы и крупные стада овец сосредоточились в руках малого количества людей, в то время как огромное число людей лишилось средств для прокорма себя и своих семей».

Министр Генриха Томас Мур в «Утопии» описал удивительную страну, где

ОВЦЫ ПОЖИРАЮТ
ЛЮДЕЙ ЦЕЛИКОМ.

Как заметил Фрэнсис Бэкон:

ЭТО ВЕДЕТ
К ПАДЕНИЮ
ЛЮДЕЙ,
ГОРОДОВ,
ЦЕРКВЕЙ
И ВСЕГО
ОСТАЛЬНОГО.

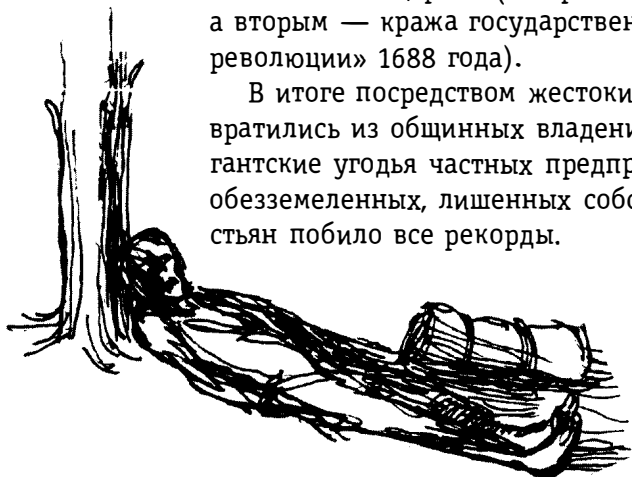

Некогда владевшие несколькими акрами земли крестьяне теперь стали практически безземельными. И по сей день типичному работнику не всегда удается разбить хотя бы крошечный сад.

В XVI веке процесс экспроприации получил два новых ужасных импульса: первым стала кража колоссального количества земель католической церкви (во время протестантской Реформации), а вторым — кража государственных земель (во время «Славной революции» 1688 года).

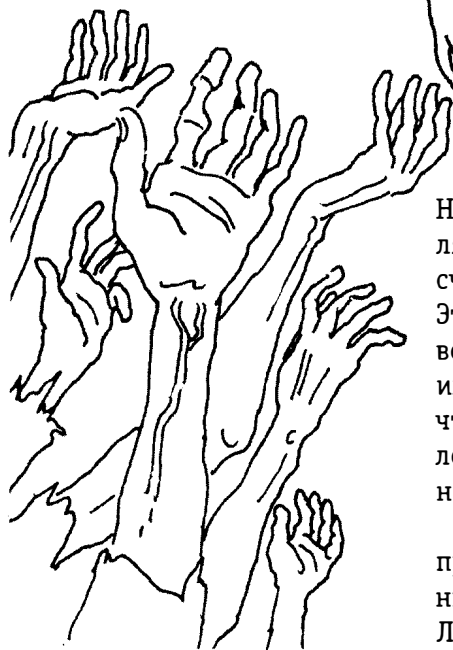
В итоге посредством жестоких действий земли Англии превратились из общинных владений и небольших наделов в гигантские угодья частных предприятий. Тем временем количество обезземеленных, лишенных собственности и всяческих прав крестьян побило все рекорды.

Куда же отправились эти крестьяне?

НИЩЕ ПОВСЮДУ,
И ВЕЗДЕ ИХ
УГНЕТАЮТ.

Так королева Елизавета I сказала после поездки по Англии. Вскоре ей пришлось официально признать нищету и ввести налог в пользу бедных.

Но власти предрежащие в целом не проявляли никакой доброты по отношению к несчастному крестьянству. Как раз наоборот. Этим и без того истерзанным людям подвергли новому насилию, чтобы превратить их в пассивный и покорный рабочий класс, чтобы натаскать их для жизни в промышленном строе, чтобы сломать их самих и их непокорный дух.

Развивающаяся промышленность могла принять на работу далеко не всех сорванных с места экспроприацией крестьян. Лишенные возможности продолжать привычную жизнь, практически не имея шанса устроиться на работу по найму, многие из этих несчастных превратились в попрошаек, грабителей и бродяг.

Государство быстро показало свое сострадание к обедневшим крестьянам, приняв драконовы законы, в соответствии с которыми бродяги и попрошайки приравнивались к преступникам.

- В 1530 году, при Генрихе VIII, бродяги за первое нарушение приговаривались к порке кнутом, за второе — лишались уха, а за третье — их казнили. При этом никто не предлагал им помощь в поиске работы.

- В 1547 году, при Эдуарде VI, любой человек, отказывающийся работать — неважно, где и с какими средствами производства, — объявлялся рабом.

- В 1572 году, при Елизавете I, незарегистрированные попрошайки 14 лет и старше приговаривались к порке и их клеймили. За второе нарушение следовала смертная казнь.

ДРУЗЬЯ, РИМ-
ЛЯНЕ, БРОДЯГИ,
ДА ОБРАТИТЕ
КО МНЕ СВОИ
УШИ!

НАДЕЮСЬ, ОНИ
НЕ УЗНАЮТ, ЧТО
Я В ЖИЗНИ ПАЛЕЦ
О ПАЛЕЦ НЕ
УДАРИЛ!

«Так было экспроприровано крестьянство Англии. Крестьян выгнали из домов, превратили в бродяг, а затем стали сечь, клеймить и истязать по преувеличенно жестоким законам, чтобы привить им дисциплину, необходимую для системы наемного труда».

«Обнаружение золота и серебра в Америке, уничтожение, порабощение и погребение местного американского населения в шахтах, начало завоевания и разграбления Индии и превращение Африки в угодня для охоты на чернокожих — все эти идиллические картины сопровождали зарождение капиталистического производства».

**ДЖОН БУЛЛЬ¹ ОБОГНУЛ
ВЕСЬ МИР, ЧТОБЫ НАЙТИ
ЗЕМЛЮ ДЛЯ ЗАХВАТА.
ОН УКРАЛ ПАРУ ОСТРОВОВ
НА ЗАПАДЕ
И НАЗВАЛ ИХ СВОЕЙ
ВЕСТ-ИНДИЕЙ**

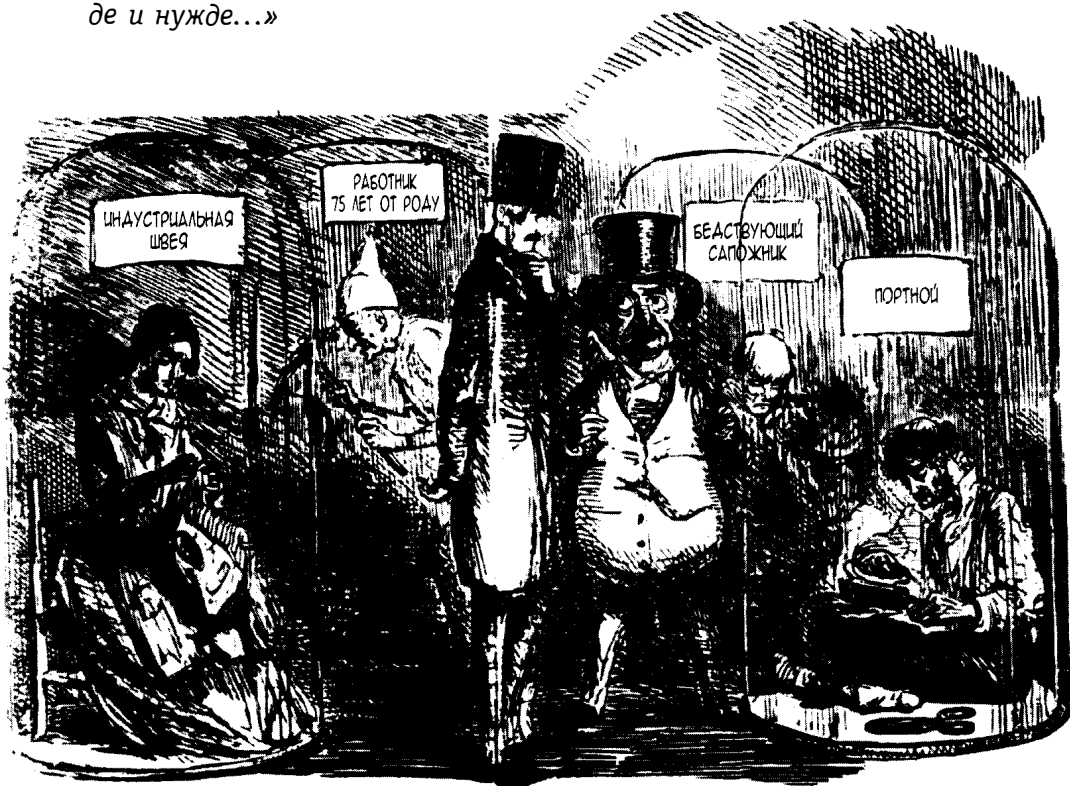
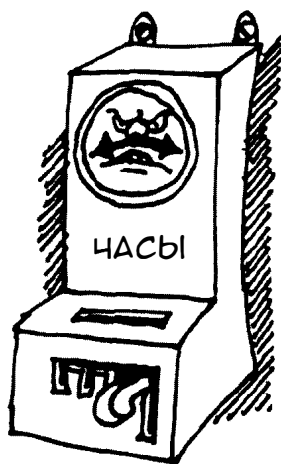

Сначала капитал мог поглотить только часть избыточного населения, сорванного с земли, вследствие чего оставались толпы безработных попрошайек и бродяг. Но постепенно капиталистическое производство набирало импульс. Шли годы, проходили века — и в конце концов подавляющее большинство населения Англии превратилось в пролетариев. То же самое произошло и в остальном мире.

¹ Джон Булль (букв. пер. с англ.: Джон Бык) — собирательный образ типичного англичанина. Персонаж произошёл от простоватого фермера, появившегося в памфлете английского публициста Джона Арбетнота «История Джона Булля» (1727).

Жестокие методы и суровые законы, посредством которых безземельное население изначально приучали к трудовой дисциплине, теряли свою необходимость, по мере того как капиталистическое производство стабилизировалось, становясь «обычной» формой производства.

«Теперь молчаливое принуждение экономических связей санкционирует превосходство капиталиста над работником. Само собой, прямая экстраэкономическая сила до сих пор находит применение, но только в крайних случаях. В обычных обстоятельствах рабочих вполне можно оставить на милость производственных отношений — они все равно будут бояться потерять работу и оказаться в голоде и нужде...»

Так как рабочие не обладают средствами производства, у них нет иного выбора, кроме как «свободно» продавать свою рабочую силу. Именно таким образом пролетариат становится ведущим актером на экономической сцене.

«ЭКСПОНАТЫ, КОТОРЫЕ НЕ ПОПАДУТ НА ВСЕМИРНУЮ ВЫСТАВКУ». ЖУРНАЛ «ПАНЧ», 1851 ГОД

Пролетарии отличаются от явно несвободных работников вроде рабов или крепостных в двух отношениях. В отличие от рабов они «вольны» продавать свою рабочую силу; в отличие от крепостных они «свободны» от земли и других средств производства. Такова двойственная основа хвальной «свободы» буржуазного общества.

Рабочие, как ликующе замечал Иеремия Бентам¹, наслаждаются «свободой», «равенством» и «правом» на собственность.

СВОБОДОЙ, так как и покупатели, и продавцы вольны заключать сделки с другими.

РАВЕНСТВОМ, так как покупатели и продавцы взаимодействуют в качестве собственников простых товаров, обменивая эквивалентные вещи.

СОБСТВЕННОСТЬЮ, так как покупатели и продавцы живут, обмениваясь тем, чем они владеют.

¹ Иеремия Бентам — английский философ-моралист и правовед, социолог, юрист, один из крупнейших теоретиков политического либерализма, родоначальник одного из направлений в английской философии — утилитаризма.

Но, покидая сферу обмена и входя в тайную обитель производства, на пороге которой висит табличка: «Вход только по делу», главные герои начинают вести себя несколько иначе.

Собственник денег теперь выходит на первый план как капиталист, собственник рабочей силы следует за ним в качестве его работника. Первый самодовольно ухмыляется и думает только о деле, второй наполнен покорностью и страхом. Здесь мы говорим об *отчуждении труда* — о подчинении работника чуждой власти. Будучи прямым следствием продажи рабочей силы, зависимое положение работника является неотъемлемой чертой статуса рабочей силы в качестве товара. Заключая в себе ложную свободу — «свободу» вступать в подчиненную роль, отчуждение труда представляет собой жизненно важную предпосылку для его эксплуатации.

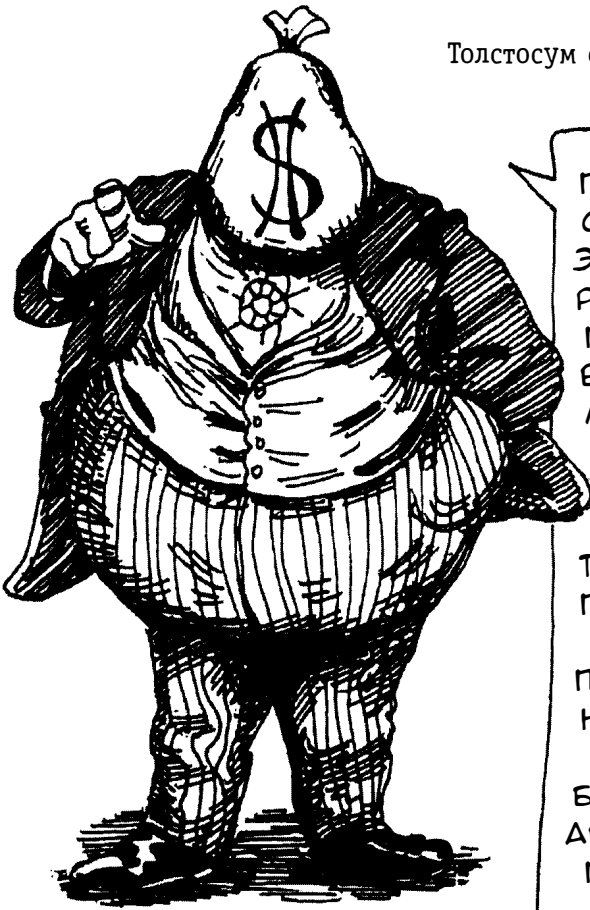
Свобода работника — любопытная вещь. В целом очевидно, что работник, будучи участником товарообмена, свободен делать только одно — продавать время и энергию за заработную плату. Есть разные начальники и разные рабочие места, но работники могут не вступать с ними во взаимодействие, только если им не нужно «зарабатывать на жизнь». Все знают, что существует только два типа работников: работающие и безработные.

Продавая рабочую силу, работники теряют контроль над тем, что они делают. Что производится и как — в чем цели и способы труда — на эти вопросы может ответить только капиталист. А *итог* труда — сам продукт, — без сомнения, принадлежит не производителю, а капиталисту.

Чем заниматься работнику, определяет чужая воля, которую заботят не работники, а прибыль. Мотивы рабочих в производстве не берутся в расчет, их вытесняет мотив получения прибыли.

Толстосум строго наставляет работника:

ПРОСТО ДЕЛАЙ, ЧТО
СКАЗАЛИ! ТЕБЯ ДЛЯ
ЭТОГО И НАНЯЛИ! ЗА
РАССУЖДЕНИЯ ТЕБЕ
ПЛАТИТЬ НЕ БУДУТ!
В СВОБОДНОЕ ВРЕ-
МЯ ЗАНИМАЙСЯ ЧЕМ
ХОЧЕШЬ, НО ЗДЕСЬ
ДЕЛАЙ ТО, ЧТО
Я ГОВОРЮ! НЕ
ТВОЕ ДЕЛО, ЧТО ТЫ
ПРОИЗВОДИШЬ. ЕСЛИ
ТЕБЕ НЕ НРАВИТСЯ
ПРОИЗВОДИТЬ НЕРВ-
НО-ПАРАЛИТИЧЕСКИЙ
ГАЗ, НЕЙТРОННЫЕ
БОМБЫ, ДЕФЕКТНЫЕ
АВТОМОБИЛИ ИЛИ НА-
ПИЧКАННУЮ ХИМИЕЙ
ЕДУ, ИЩИ РАБОТУ
В ДРУГОМ МЕСТЕ.
ЯСНО ТЕБЕ?

Работников не спрашивают, что произво-
дить и зачем.

«Инвестиционные решения» — как и зачем
использовать рабочую силу и средства про-
изводства, производить, к примеру, ядерное
оружие или конфеты, — принимает исклю-
чительно капитал.

УСЕРДНО РАБОТАЙ

ПОСТОЯННО
УЛЫБАЙСЯ
И СЛЕДИ
ЗА СОБОЙ

НЕ ЖАЛУЙСЯ

НЕ ПРОЯВЛЯЙ ИНИЦИАТИВУ

НЕ НАЗЫВАЙ
СВОЮ ДУШУ
СВОЕЙ

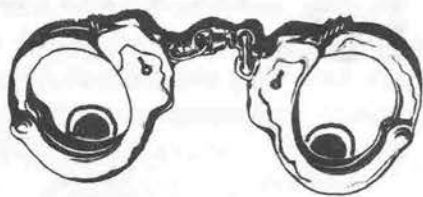
Продавая рабочую силу — что только формально считается актом «доброй воли», — работник лишается контроля над трудом. Таким образом труд, *использование* рабочей силы, *отчуждается*, как в целом отчуждается и использование товаров. Разница в том, что однажды проданную рабочую силу уже нельзя вернуть себе.

Хотя полезность хлеба и подавляется, пока он ожидает продажи, по крайней мере, хлеб может быть съеден, когда продажа произошла. Использование рабочей силы, напротив, в самой полной степени отчуждается *после* ее продажи.

Несмотря на то что рабочий класс может разными способами противостоять тирании капиталистов, этот протест организуется на свой страх и риск. Работников можно уволить. Капиталист может перестать покупать рабочую силу. В таком случае работник окажется отрезанным не только от *средств производства*, но и от *средств существования*. Хотя противостояние, само собой, возможно и необходимо, суть от этого не меняется: быть рабочим — значит, быть зависимым от капиталиста.

И закон на стороне Толстосума. Как-ни-как он ведь покупает у вас рабочую силу? Значит, она принадлежит ему, а потому он может распоряжаться ею по собственному усмотрению. Если у вас есть возражения, обратитесь в полицию или в суд. Вы быстро выясните, что использование рабочей силы принадлежит лишь одному полноправному, законному владельцу — Толстосуму.

ПОЛИЦИЯ ПРИМЕНЯЕТ ОРУЖИЕ ДЛЯ РАЗГОНА ЗАБАСТОВКИ. США, 1932 ГОД

15. ПРИБАВОЧНАЯ ЦЕННОСТЬ

Отчуждение труда представляет собой фундаментальную предпосылку для его эксплуатации. Проданная для использования, рабочая сила должна *отчуждаться*, чтобы ее могли эксплуатировать. Тогда она становится источником прибавочной ценности.

Наценка на товары *не создает* прибавочную ценность; ее *создает* эксплуатация рабочего класса.

Как это возможно?

Люди много тысячелетий, со времен первой земледельческой революции, обладают способностью осуществлять прибавочный труд. В наши дни, в капиталистическом обществе, главным результатом прибавочного труда является *прибавочная ценность*. Помните Д-Т-Д? Капитал стремится к увеличению — к умножению, — чтобы после вложения задействовать более абстрактный труд, чем ранее.

Толстосум хочет покупать еще больше рабочей силы, еще больше средств производства. Для этого ему необходимо еще больше денег. Увеличение денежной массы подпитывается эксплуатацией работника.

ХОТЯ У МАРКСА БЫЛО
НЕМАЛО ДОСТОЙНЫХ
ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ —
ПЕТТИ, БУАГИЛЬБЕР,
ФРАНКЛИН, ГАЛЦАНИ,
СТЮАРТ, КЕНЭ,
РИКАРДО, — ИМЕННО
ИДЕИ МАРКСА
ПОЗВОЛИЛИ
ОБЪЯСНИТЬ
ПРИБАВОЧНУЮ
ЦЕННОСТЬ. МАРКС
ВЫЯСНИЛ, ЧТО
ЦЕННОСТЬ РАБОЧЕЙ
СИЛЫ МОЖЕТ БЫТЬ
НИЖЕ ЦЕННОСТИ
ПРОДУКТА
ТРУДА. В ЭТОМ
И ЗАКЛЮЧАЕТСЯ
СЕКРЕТ
ПРИБАВОЧНОЙ
ЦЕННОСТИ,
КОТОРЫЙ ОН
НАКОНЕЦ-ТО
РАСКРЫЛ.

Какова ценность товара? Ответ очень прост: среднее, общественно необходимое рабочее время, необходимое для его производства. Так как в капиталистическом обществе рабочая сила также является товаром, она тоже обладает ценностью. Ее ценностью является среднее рабочее время, необходимое для «производства» работника, для поддержания работника в живом и продуктивном состоянии... Ценность равна тому, какие затраты необходимы для восполнения энергии работника, чтобы его *завтрашняя* рабочая сила примерно равнялась *сегодняшней*.

Исторически работа по воспроизводству рабочей силы ложилась на плечи женщин — жен и матерей...

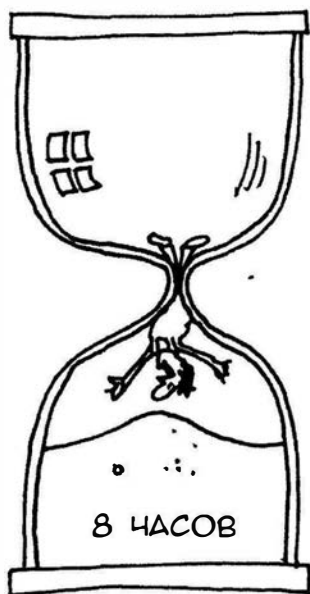
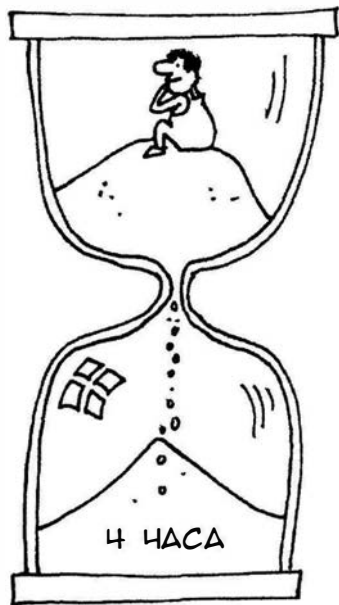
Занимательный факт: работники способны производить товары, более ценные, чем сама рабочая сила.

Возьмем случайного работника. Если затраты на его снабжение средствами существования составляют 50 долларов, капиталист идет на риск, неся эти расходы, если только ценность продукта, производимого работником (скажем, хлеба), не *превышает* 50 долларов. В противном случае капиталист выходит из бизнеса. Но если работник производит товары, которые стоят больше начальных инвестиций, все в порядке. Вложения «работают» — деньги «делаются».

ВРЕМЯ, НУЖНОЕ РАБОТНИКУ, ЧТОБЫ ОБЕСПЕЧИТЬ СЕБЯ

Если же работник производит товары, равные ценности его рабочей силы, и тратит на это лишь *часть* рабочего дня — скажем, 4 часа, — ничто не может помешать капиталисту использовать труд работника *более* 4 часов — скажем, в течение 8 часов. Когда это происходит (а такое происходит повсеместно!), результатом становится *прибавочная ценность*.

ВРЕМЯ, НЕОБХОДИМОЕ ПРИ ДОБАВЛЕНИИ ПРИБАВОЧНОГО ТРУДА.

Четыре часа, необходимые для производства товаров, равных по ценности рабочей силе работника, мы называем (сюрприз!) **НЕОБХОДИМЫМ ТРУДОМ**. *Дополнительное* время, потраченное на производство товаров, мы называем **ПРИБАВОЧНЫМ ТРУДОМ**. Исходя из того, что работник тратит на производство примерно среднее количество рабочего времени, общественно необходимого для этого производства, такой труд признается полностью абстрактной, общественно равной ценностью рабочей силы. Накопленная прибавка — это *прибавочный абстрактный труд*, то есть *прибавочная ценность*.

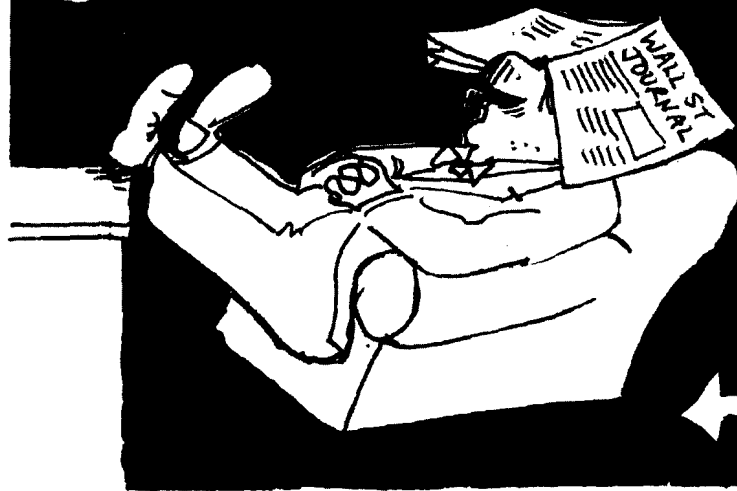
ЕСЛИ РАБОТНИК РАБОТАЕТ ХУЖЕ СРЕДНЕГО, ОН ВСЕ РАВНО МОЖЕТ ПРОИЗВОДИТЬ ПРИБАВОЧНУЮ ЦЕННОСТЬ, НО МЕНЬШЕ.

ТАКОЙ ТРУД СЧИТАЕТСЯ МЕНЕЕ АБСТРАКТНЫМ, ЧЕМ ОН СЧИТАЛСЯ БЫ,

БУДЬ ОН ХОТЯ БЫ СРЕДНИМ. НАПРИМЕР, 8 ЧАСОВ ТРУДА ХУЖЕ СРЕДНЕГО МОГУТ ПРИВЕСТИ К ПРОИЗВОДСТВУ ТОВАРОВ, НА ПРОИЗВОДСТВО КОТОРЫХ ОБЫЧНО ТРЕБУЕТСЯ

ВСЕГО 6 ЧАСОВ. В ТАКОМ СЛУЧАЕ ОНИ БУДУТ ПРИРАВНЕНЫ К 6 ЧАСАМ АБСТРАКТНОГО ТРУДА, НО, ЕСЛИ НЕОБХОДИМЫЙ ТРУД ТРЕБУЕТ ТОЛЬКО 4 РАБОЧИХ ЧАСОВ, ВСЕ РАВНО ОСТАНЕТСЯ ПРИБАВКА

В 2 ЧАСА. ЭТО ТОЛЬКО ПОЛОВИНА ПРИБАВКИ СРЕДНЕГО ТРУДА, НО ВСЕ ЖЕ ЭТО ПРИБАВКА. С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, ЕСЛИ ТРУД РАБОТНИКА НАСТОЛЬКО ХУЖЕ СРЕДНЕГО, ЧТО РАБОТНИК НЕ СПРАВЛЯЕТСЯ С ПРОИЗВОДСТВОМ ТОВАРОВ, ЦЕННОСТИ КОТОРЫХ ДОСТАТОЧНО ДЛЯ КОМПЕНСАЦИИ ЕГО ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, ЕГО НАЧАЛЬНИК ОБАНКРОТИТСЯ.

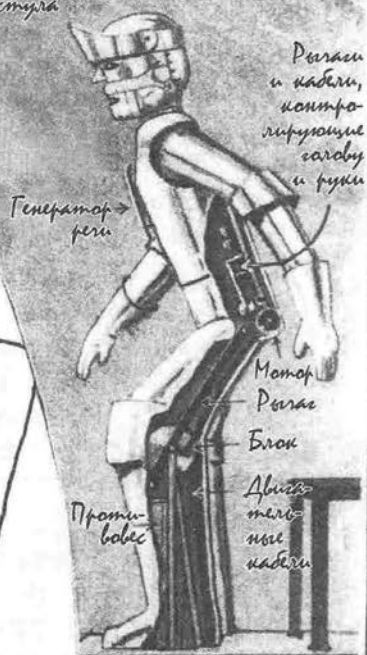

НОРМАЛЬНЫЙ
«СРЕДНИЙ»
УПРАВЛЯЮЩИЙ

Работ берет со стула
и плачется

ВОТ ПОЧЕМУ КАПИТА-
ЛИСТАМ ЖИЗНЕННО НЕ-
ОБХОДИМО ВЛАДЕТЬ
СТАНДАРТНЫМ ОБОРУ-
ДОВАНИЕМ, СДЕЛАН-
НЫМ ПО «ПОСЛЕДНЕМУ
СЛОВУ ТЕХНИКИ», И РА-
БОТНИКАМИ, ОБЛАДАЮ-
ЩИМИ ХОТЯ БЫ СРЕД-
НИМИ НАВЫКАМИ!

ХОТЯ БЫ
СРЕДНИЕ
НАВЫКИ!

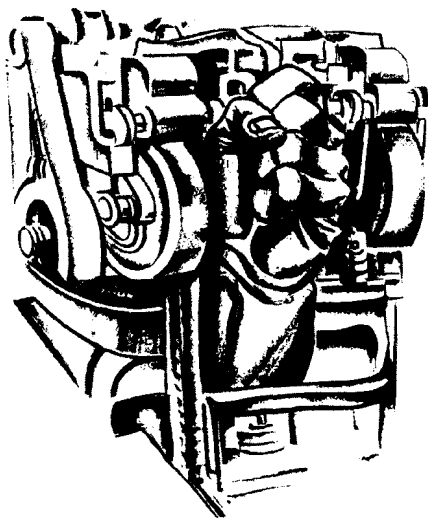
«ПОСЛЕДНЕЕ
СЛОВО
ТЕХНИКИ»

Чтобы запустить процесс производства, Толстосум покупает два типа товаров: уже знакомые нам рабочую силу и средства производства!

Следовательно, деньги работают в качестве капитала двумя основными способами:

1. Покупая живую человеческую энергию и
2. Покупая производственное оборудование и ресурсы (на которые уже было потрачено некоторое количество живой человеческой энергии).

ПРИБАВОЧНАЯ ЦЕЧНОСТЬ становится результатом использования только одного из двух — рабочей силы.

Средства производства также добавляют продукту *ЦЕЧНОСТИ*, но не более, чем содержат сами. А значит, прибавки здесь нет!

ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ

Это дает нам критерий для выделения разных типов капитала. Так как рабочая сила может добавлять товару *различную* ценность и создавать прибавочную ценность, деньги, потраченные на рабочую силу, мы называем ПЕРЕМЕННЫМ КАПИТАЛОМ.

ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ

Так как ценность, добавляемая в производство средствами производства, *неизменна*, деньги, потраченные на средства производства, мы называем ПОСТОЯННЫМ КАПИТАЛОМ.

Почему постоянный капитал не создает прибавочной ценности? Почему, к примеру, участвующие в производстве станки не добавляют товару больше ценности, чем стоят сами?

Возьмем любой товар, пусть это будут часы. Ценность часов представляет собой общее количество среднего труда, социально необходимого для их производства. Верно? Однако это «общее количество» среднего труда включает в себя не только полезный труд, направленный непосредственно на производство часов (труд, необходимый для сборки механизма, соединения шестеренок, установки циферблата и стекла и так далее), но и труд, заключенный в различных инструментах и материалах, необходимых для производства часов.

В этом случае мы говорим о всяческих тонких инструментах и механизмах, а также пружинах, шестеренках, стеклах и т. п.

Толстосум покупает эти инструменты и материалы, чтобы работающий по найму часовщик мог сделать часы.

Как правило, мы подразумеваем, что Толстосум покупает все эти инструменты по себестоимости — то есть происходит эквивалентный обмен, в ходе которого Толстосум платит за оборудование ровно столько, сколько оно стоит с позиции заключенного в нем абстрактного труда.

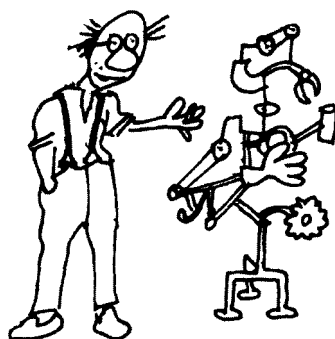
Если все происходит действительно так, использование этого оборудования *не приведет* к созданию прибавочной ценности. Почему? Вот ответ.

ОБЪЯСНЕНИЕ

Представьте на минутку, что Толстосум купил ровно столько инструментов и материалов, сколько необходимо для производства 100 часов. Когда все часы будут готовы, каждый инструмент и каждый материал пойдет в дело.

Допустим, общая ценность этого оборудования составляет 1000 долларов — именно столько платит Толстосум. Если общая ценность часов — это количество среднего труда, общественно необходимого для их производства, то сколько ценности этим часам добавит часовое оборудование? *Ровно столько абстрактного труда, сколько уже содержится в этом оборудовании:* не больше и не меньше. Толстосум платит за определенное количество абстрактного труда, и этот абстрактный труд затем идет в продукт, производство которого оплачивает Толстосум.

ЖАЛЬ, Я СОБРАЛСЯ
В ПАБ, ЧТОБЫ
ДОЧИТАТЬ «ОЧЕРК»!

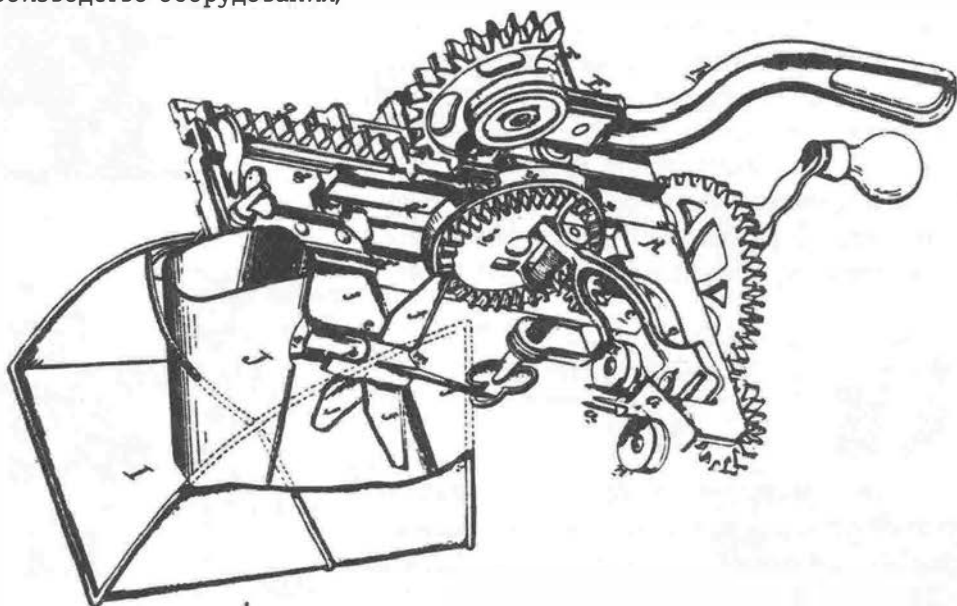
Я ИЗОБРЕЛ МАШИНУ,
КОТОРАЯ САМА
МОЖЕТ СДЕЛАТЬ
100 ЧАСОВ. НО
В ПРОЦЕССЕ...

...ОНА РАССЫПАЕТСЯ.
ТЕПЕРЬ Я НУЖЕН ТОЛ-
СТОСУМУ, ЧТОБЫ ПО-
ЧИНИТЬ ЕЕ И СОЗДАТЬ
НОВУЮ ПРИБАВОЧНУЮ
ЦЕННОСТЬ!

Общая ценность часов складывается из *двух* элементов:

среднего количества рабочих часов, потраченных на производство оборудования,

и среднего количества рабочих часов, потраченных на производство часов.

Как только оборудование произведено, общее количество часов, заключенных в нем, уже *не может измениться*. Если часы продаются по себестоимости, скажем за 5000 долларов, мы можем не сомневаться, что ценность, добавляемая часовщиками, составляет 4000 долларов. Мы уже знаем, сколько среднего труда пошло на производство оборудования: это эквивалент 1000 долларов. Ценность этого оборудования *не может подняться* в ходе процесса производства. Мы не можем притворяться, что в это оборудование идет больше среднего труда, чем в нем уже заключено.

ТЕПЕРЬ ДАВАЙТЕ С ДРУГОЙ
СТОРОНЫ ПОСМОТРИМ НА
СОЗДАНИЕ ЦЕННОСТИ ПРИ
ПРОИЗВОДСТВЕ ТОВАРОВ!

Сырье
(Рабочее
время: 0 ч)

РАБОЧАЯ СИЛА
(Рабочее
время: 3 ч)

ТРУД
5 ч

СРЕДСТВА
ПРОИЗВОДСТВА
(оборудование,
полуфабрикаты)
(Рабочее время: 5 ч)

Прибавка: $5 - 3 = 2$ ч

Скажем, необходимое рабочее
время = 3 часам. Именно столько
нужно, чтобы произвести това-
ры, ценность которых покрывает
ценность средств существования,
необходимых для воспроизвод-
ства рабочей силы.

Пусть рабочая сила приступит к работе без специального оборудования — только с сырьем и навыками, — чтобы сначала произвести средства производства, то есть инструменты и полуфабрикаты, необходимые для производства часов. Допустим, в сырье заключен ноль часов общественно необходимого рабочего времени. Если теперь для преобразования этого истинного «сырья» в инструменты для изготовления часов и полуфабрикаты потребуется 5 часов, то какова ценность часового оборудования? Всего 5 общественно необходимых рабочих часов:

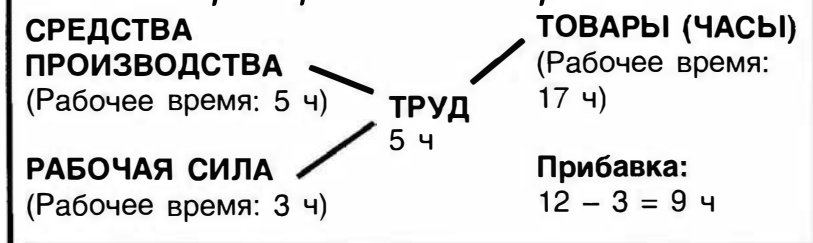
ноль рабочих часов на производство сырья

+

пять часов для преобразования сырья в оборудование.

Так как 3 рабочих часа общественно необходимы для воспроизведения рабочей силы, прибавочный труд здесь = 2 часам: это разница между временем, общественно необходимым для изготовления часового оборудования (5 средних часов), и временем, необходимым для рабочей силы (3 средних рабочих часа).

И тут у нас получится:

Если на производство часового оборудования необходимо 5 часов, а на использование этого оборудования для производства часов необходимо еще 12 часов, какое количество общего общественного необходимого рабочего времени вкладывается в эти часы?

Простая арифметика: $5 + 12 = 17$. Ровно 17 рабочих часов необходимо для производства и использования средств производства для изготовления часов на продажу. Теперь учтена вся общественно необходимая рабочая сила. Но сколько прибавочной ценности создается в процессе производства часов?

Если необходимое рабочее время — ценность рабочей силы — равняется 3 средним рабочим часам, а общее рабочее время — ценность продукта труда — равняется 12 средним часам, разница и представляет собой прибавочную ценность: $12 - 3 = 9$. Исходя из того, что часовщики получают (в форме заработной платы) эквивалент 3 рабочих часов, Толстосум получает (в форме денег) эквивалент 9 рабочих часов. Это и есть прибавочная ценность.

Вносят ли средства производства свой вклад в эту прибавочную ценность? Нет! Общая ценность продукта, без сомнения, включает в себя рабочее время, общественно необходимое для производства средств производства. Как видим, общая ценность часов = 17 рабочим часам: 12 из них идут на производство часов, а еще 5 — на изготовление средств производства. Но прибавочная ценность получается только в случае появления разницы между созданной и ожидаемой ценностями, а больше ожидаемой ценности создает только рабочая сила. Средства производства, использованные в производстве, добавляют только ту ценность, которая в них уже заключена: в нашем случае — 5 рабочих часов.

Само собой, производство средств производства может создавать прибавочную ценность. (Действительно, как мы уже видели, если на производство часового оборудования необходимо 5 рабочих часов, а на воспроизводство рабочей силы — только 3, создается прибавочная ценность.) Но опять же: эта прибавочная ценность создается применением рабочей силы, которая таким образом показывает свою способность производить продукты, более ценные, чем она сама (в нашем случае в соотношении 5:3).

16. НОРМА ПРИБАВОЧНОЙ ЦЕННОСТИ

В Д-Т-Д' основное изменение состоит в переходе от Д к Д'. Теперь его можно записать двумя новыми уравнениями:

1. Капитал = постоянный капитал (с) + переменный капитал (v), или Капитал = $c + v$.
2. Капитал' = постоянный капитал + переменный капитал + *прибавочная ценность*, или Капитал' = $c + v + s$.

с = постоянный капитал

v = переменный капитал

s = прибавочная ценность

Разница между Капиталом и Капиталом' (или между Д и Д', если мы решим обозначить ее иначе) представляет собой *прибавочную ценность*, то есть s.

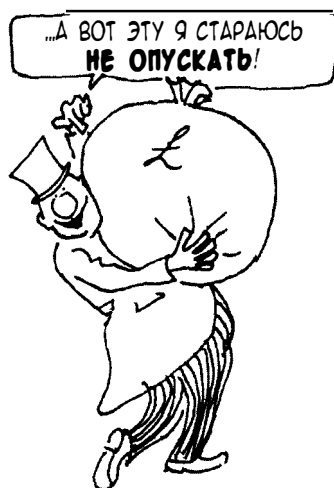
Так как v является источником s, логично сравнить s и v. Прибавочная ценность / переменный капитал — это *норма прибавочной ценности*. Если $v = 5$ и $s = 5$, то $s/v = 1$ — иными словами, норма прибавочной ценности равняется ровно 100%.

НОРМА ПРИБЫЛИ

НОРМА ПРИБЫЛИ — это отношение s к общему вложению, составляющему как постоянный, так и переменный капитал, то есть $s/(v + c)$, или s/Капитал.

Всякий раз, когда с больше нуля, норма прибыли меньше нормы прибавочной ценности. **Это очень важно.** Почему? Потому что это помогает объяснить, откуда появляется тенденция к снижению нормы прибыли, почему капитализм идет к снижению прибылей — словом, почему экономический кризис является обычным явлением в капиталистическом обществе.

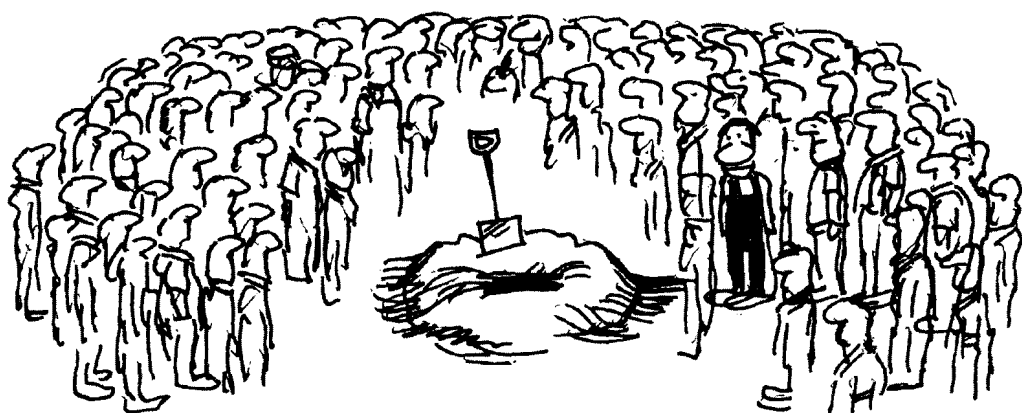
Если с растет, значит, кризис грядет!

Отношение постоянного капитала к переменному называется **ОРГАНИЧЕСКИМ СТРОЕНИЕМ КАПИТАЛА**. Когда с растет относительно v , считается, что органическое строение капитала *растет*. Иными словами, чем больше средств производства используется относительно рабочей силы, тем выше органическое строение капитала.

ВЫСОКОЕ ОРГАНИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ КАПИТАЛА.

НИЗКОЕ ОРГАНИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ КАПИТАЛА.

Как известно, производство капитала имеет тенденцию полагаться на все более мощные средства производства. С каждым днем высокие технологии становятся все сложнее — в производстве начинают использоваться более мощные механизмы, возрастает продуктивность. От простых ручных прялок, ткацких станков, молотков и наковален производство прошло по пути развития до ядерных электростанций, автоматизированных заводов, сложных компьютерных систем и многого, многого другого.

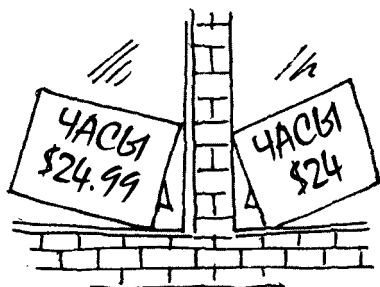

Исторически главной причиной быстрого роста находящихся в руках у капиталистов средств производства является *конкуренция*. Когда Толстосум решает купить рабочую силу и средства производства, чтобы произвести часы, он становится на путь риска. Часы производят и другие фирмы, а рынок не безразмерен. Кто сможет продать часы? Сколько часов можно продать? По какой цене?

Если Толстосуму повезет, именно он, а не его конкуренты захватит большую долю рынка. Однако для этого Толстосуму придется продавать свои продукты как можно дешевле. Если только он не хочет продавать продукты дешевле их себестоимости (что иногда происходит, но все же является исключением из правила), ему придется сокращать среднее рабочее время, общественно необходимое для производства часов. Если на производство часов изначально необходимо 20 часов среднего рабочего времени, то Толстосум должен найти способ производить часы *менее* чем за 20 часов.

Если ему это удастся, он может брать за свой продукт меньше, не теряя прибавочной ценности и завоевывая большую долю рынка. Если его конкурент Богатей найдет способ снизить цены, сократив количество рабочего времени, Толстосуму придется последовать его примеру или же выйти из бизнеса, когда Богатей «захватит рынок».

Если сказать короче, суть в том, что конкуренция заставляет капитал использовать все меньше и меньше времени на производство каждого товара. Сначала Толстосум сокращает время на производство часов с 20 часов до 18. Затем Богатей сокращает его еще сильнее. Так и продолжается эта бескровная война. Однако рубя цены, как мы вскоре убедимся, капиталисты фактически рубят головы, чтобы устранить конкурентов.

КАК СОКРАЩАЕТСЯ
СРЕДНЕЕ РАБОЧЕЕ
ВРЕМЯ?

ПРОСТО, ФРИДРИХ! ПУ-
ТЕМ ПОВЫШЕНИЯ МОЩНО-
СТИ СРЕДСТВ ПРОИЗВОД-
СТВА! НА ПРОИЗВОДСТВО
ИНСТРУМЕНТА, КАК ПРА-
ВИЛО, НУЖНО ГОРАЗДО
МЕНЬШЕ ВРЕМЕНИ, ЧЕМ
ЭТОТ ИНСТРУМЕНТ ЭКОНО-
МИТ ВПОСЛЕДСТВИИ. ИНА-
ЧЕ ЗАЧЕМ ВОООБЩЕ ЕГО
ПРОИЗВОДИТЬ?

ДАЖЕ ЕСЛИ НА ПРОИЗВОДСТВО
ИНСТРУМЕНТА НЕОБХОДИМО СУ-
ЩЕСТВЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО ВРЕМЕНИ
И ЭНЕРГИИ — КАК, НАПРИМЕР, НА
СТРОИТЕЛЬСТВО НЕФТЕПЕРЕРАБА-
ТЫВАЮЩЕГО ЗАВОДА, — ВПОСЛЕД-
СТВИИ ОН ЭКОНОМИТ ГОРАЗДО
БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ И ЭНЕРГИИ. ЕСЛИ
НА СНАБЖЕНИЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ПЕ-
ЧАТНОЙ МАШИНЫ МЕХАНИЗМОМ АВТО-
МАТИЧЕСКОГО ИСПРАВЛЕНИЯ ОШИБОК
ТРЕБУЕТСЯ 70 ЧАСОВ, ЗАТЕМ ЭТОТ
МЕХАНИЗМ СЭКОНОМИТ КОЛОССАЛЬНОЕ
КОЛИЧЕСТВО ВРЕМЕНИ НА ПРОВЕРКУ
ДЕСЯТКОВ ТЫСЯЧ СТРАНИЦ!

(ВАШ АВТОР)
ЗУБ ДАЮ!

А в случае с более мощными механизмами это еще очевиднее.

Золотое правило конкурентной погони за прибылью заключается в том, чтобы производить *больше* товаров по *меньшей* цене — сокращать расходы, сокращая среднее рабочее время, необходимое на производство. Как? Повышая мощность средств производства.

НО ДРУГИЕ РАБОЧЕЕ СКАЗАЛИ:

Правило простое, но следствия из него фундаментальные. Продуктивность в результате скачкообразно возрастает. Мир наводняется товарами, возникает опасность экономического кризиса. Какова связь? Все просто: *s* создается *v*. Прибавочную ценность создает переменный, а не постоянный капитал. Если конкуренция заставляет капитал задействовать большее отношение постоянного капитала к переменному — как, само собой, и происходит, — то норма прибыли ($s / (v + c)$) падает.

Когда на средства производства относительно рабочей силы тратится больше, норма прибыли сокращается. Скажем, к примеру, что изначально $c = 16$, $v = 8$, а $s = 8$ (чтобы получить 100%-ную норму прибавочной ценности, s/v). Если c возрастает, а v и s при этом остаются неизменными, норма прибыли сокращается (даже не смотря на то что норма прибавочной ценности не падает). Скажем, c возрастает до 24. Тогда $s / (v + c)$ изменяется с $8 / (8 + 16) = 1/3$ на $8 / (8 + 24) = 1/4$.

С позиции капиталиста это огромное и пугающее падение.

**БИРЖА
ЗАКРЫТА
ПОЛУДЕННЫЙ
ВЫПУСК**

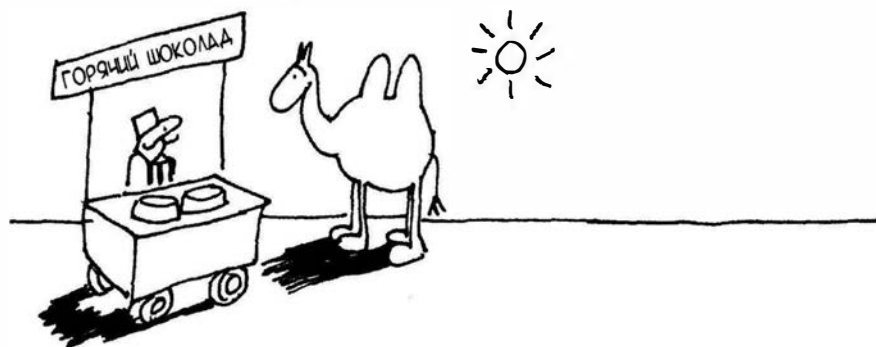

ВСТРЕЧА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ: РЕАКЦИЯ АКЦИОНЕРОВ НА ОБЪЯВЛЕННЫЙ РАЗМЕР ДИВИДЕНДОВ, СОСТАВИВШИЙ 2,5 ДОЛЛАРА.

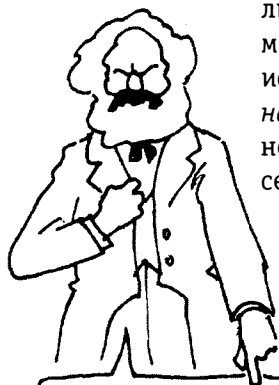
Производство на обмен рискованно: вполне возможно, что продукт не будет продаваться либо в результате конкуренции, либо по иным причинам.

Чтобы риск инвестиций стал оправданным, необходим определенный минимальный шанс на получение прибыли. Если норма прибыли слишком низка, вложение перестает быть разумной тратой денег — риск потерь очень высок, а шанс заработать слишком мал.

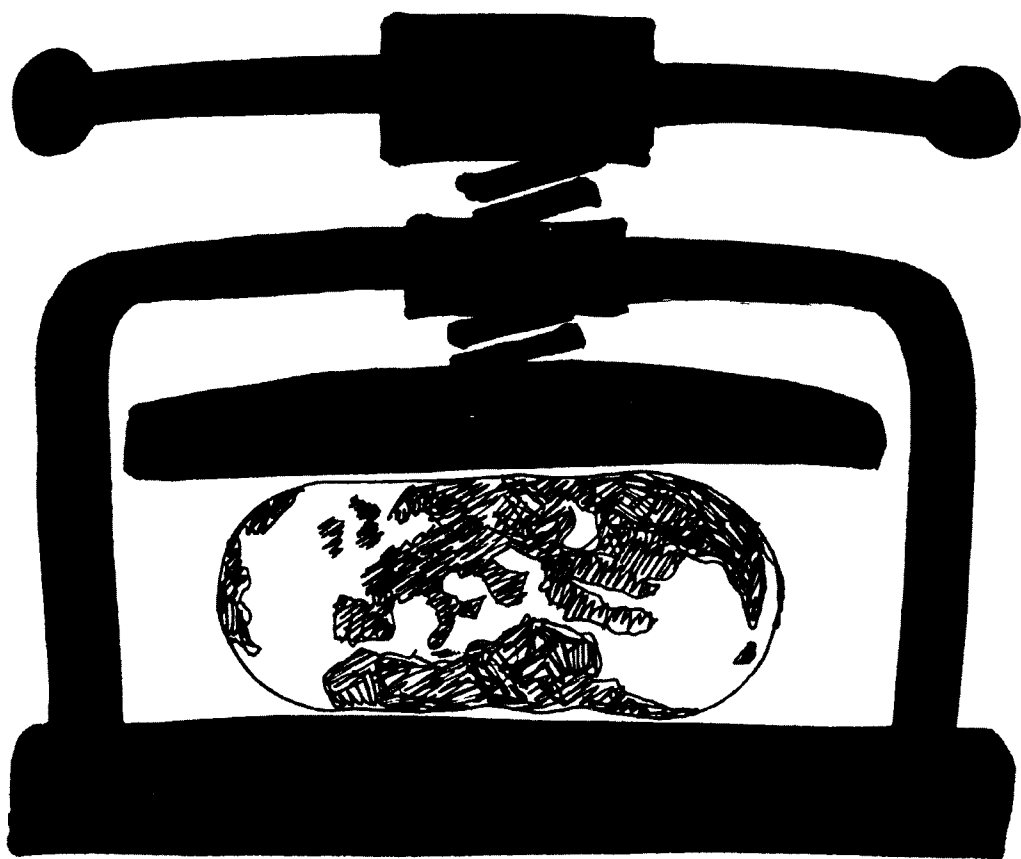
Это еще более верно, когда при вложении речь идет о приумножении миллиардов долларов — такая тенденция обычно совпадает с тенденцией роста органического строения капитала и тенденцией к снижению нормы прибыли.

Это не просто гипотеза. То, что норма прибыли имеет тенденцию падать, подтверждается множеством примеров из экономической истории. Однако эта тенденция не *абсолютна*. Существуют и *обратные тенденции*. Но неужели кто-то еще не заметил, что прибыль сейчас снижается повсеместно?

С ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, МЫ ЗНАЕМ, ЧТО С РАСТЕТ БЫСТРЕЕ, ЧЕМ v . КАЖДАЯ ГОД НА ЕДИНИЦУ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ЗАДЕЙСТВУЕТСЯ ВСЕ БОЛЬШЕ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА. ХОТЯ ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО РАБОТНИКОВ ПО ВСЕМУ МИРУ ТОЖЕ РАСТЕТ, ЭТО ПРОИСХОДИТ МЕДЛЕННЕЕ, ЧЕМ РАСТЕТ ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА. В ИТОГЕ $S/(v + c)$ СО ВРЕМЕНЕМ СНИЖАЕТСЯ. НОРМА ПРИБЫЛИ ПАДАЕТ.

В прошлом снижение прибыли приводило к торговым войнам, которые нередко заканчивались настоящими войнами. Конкуренция приводит не просто к жестоким способам ведения бизнеса, когда Толстосум и Богатей дерутся за цены и рынки, но к ведению жестокого бизнеса. Война — это окончательное средство обеспечения экономического преимущества, позволяющее вашим конкурентам нести все возможные потери, пока вы захватываете ресурсы и рынки напрямую, не вспоминая о благородном этикете обмена. Для победителя война становится прекрасным способом избежать падения прибыли.

¹ Подразумевается ранее упомянутая формула Д-Т-Д
(по-англ.: Money-Commodity-Money)

Некоторые тенденции, обратные к тенденции нормы прибыли падать, весьма важны не только в качестве противовеса, но и сами по себе. Они связаны с v (переменным капиталом) и s (прибавочной ценностью). Если s растет, что может сохранить или повысить норму прибыли? Сравнительный рост s или сокращение v ? Давайте рассмотрим все по порядку.

Если необходимый труд по-прежнему составляет 4 часа, а количество рабочих неизменно, то дополнительную прибавочную ценность можно получить, добавив дополнительные часы к рабочему дню. Рабочий день длиной 8 часов позволит получить 4 часа неоплачиваемого прибавочного рабочего времени, рабочий день длиной 10 часов позволит получить 6, а рабочий день длиной 12 часов удвоит изначальное количество прибавочной ценности. При постоянном v — отсутствии изменений в ценности рабочей силы и в общем количестве работников — s будет расти.

Это называется извлечением **АБСОЛЮТНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ ЦЕННОСТИ**.

Заставляя работника работать дольше, Толстосум стимулирует абсолютное повышение прибавочной ценности. Это чистая, незамутненная радость капиталиста — радость получения прибыли из ничего. Работник воспринимает обязательное исполнение еще большего количества прибавочного труда совсем иначе — это путь к страданиям, к ужасам сверхурочной работы.

Думаете, противоборство капитала и рабочей силы относительно продолжительности рабочего дня случайно? Нет! Начиная с законов XIV века капитал всячески боролся за то, чтобы работники проводили *на работе* как можно больше времени.

На жестокой заре английского капитализма, когда капитал уже был организован, а труд еще нет, происходили всяческие ужасы.

Бесчисленное множество детей 7—12 лет умирали на работе, где их заставляли начинать рабочий день еще до рассвета, а заканчивать в полночь или и того позже.

Ненасытные аппетиты капиталистов, желающих все больше и больше рабочей силы, вели к гибели множества рабочих, старых и молодых.

Большую часть времени условия труда вообще никак не регулировались — работа была бесконечной и опасной пыткой на жарких, темных, грязных и пыльных фабриках и шахтах.

Дети, женщины и мужчины страдали, продолжительность их жизни существенно сокращалась из-за переработок. Даже имея работу, работники этих «темных фабрик сатаны» (как окрестил их поэт Уильям Блейк) оставались нищими и получали всяческие увечья. Домашней жизни у них не было, ведь целые семьи оставались прикованными к станкам...

Единственной силой, которая ограничивала попытки капитала превратить каждый час бодрствования в рабочий час, был сам рабочий класс. Упрямо борясь против могущественного врага — врага, за которым стояло само государство, — рабочие создавали организации, чтобы сократить рабочий день до адекватного периода. Многие их попытки увенчались успехом. Толстосум ворчал, но шел на уступки, захлебываясь горькой желчью: в конце концов рабочий день был сокращен сначала до 10 часов, а затем и до восьми.

Капиталу это претит, он всеми силами противится сокращению рабочего дня и до сих пор ищет способы противодействовать рабочим — к примеру, разыскивая места, где не состоящих в профсоюзах рабочих можно заставить работать по 16 и 18 часов в день.

Во многих местах, особенно там, где промышленность и рабочий класс появились недавно, капиталу все еще это удается.

Вспомните Бангладеш, Вьетнам, Анголу...

Так что битва за *абсолютную прибавочную ценность* продолжается. Показатель s то растет, то падает в разных концах света, и баланс сил между капиталом и рабочей силой постоянно смещается из стороны в сторону. Тут рабочие понижают абсолютную прибавочную ценность — там капитал повышает ее.

Тем временем в битве за прибавочную ценность есть и другие фронты. Скажем, к примеру, что работников заставляют работать *быстрее*. Если ценность рабочей силы неизменна, то так работникам требуется меньше рабочих часов на производство товаров, ценность которых окупает ценность рабочей силы.

Работая быстрее, наш угнетаемый работник за три часа производит то, на что прежде требовалось 4 часа. Если раньше необходимое рабочее время равнялось 4 часам, теперь оно сократилось до трех. Таким образом, даже не удлиняя рабочий день, капитал все же может извлекать дополнительную прибавочную ценность. Так извлекается дополнительный час прибавочного труда, а каждый час прибавочного труда теперь равняется $\frac{4}{3}$ рабочего часа до ускорения работы. Если предположить, что прежний труд был общественно средним, то нынешний, более быстрый труд становится *выше среднего* по интенсивности и в результате приравнивается к *большему* количеству *среднего* труда, чем раньше.

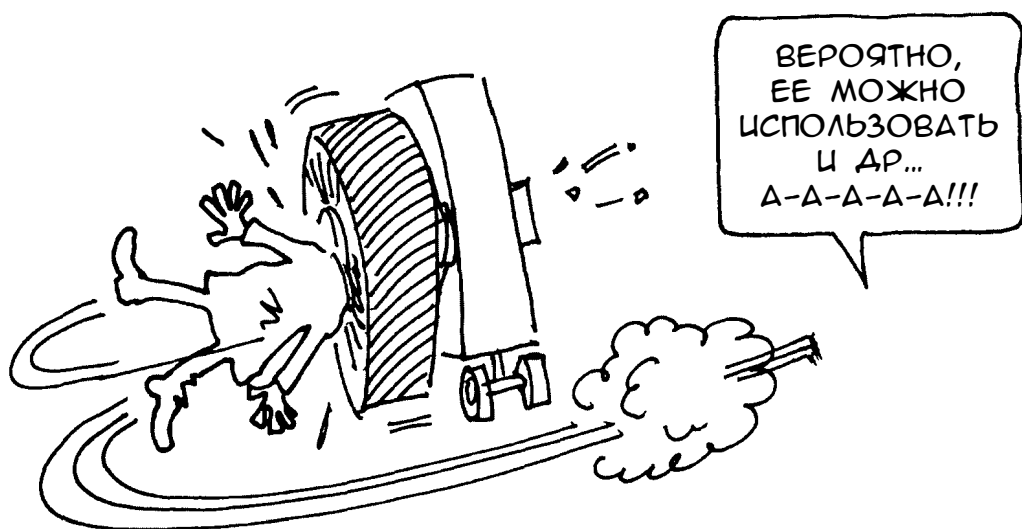

Шесть тысяч машин в день! Боже, Элмер, откуда у тебя столько энергии?

Или же представим, что *ценность рабочей силы снижается*. Это волей-неволей происходит всякий раз, когда уменьшается среднее рабочее время, общественно необходимое для производства средств существования. Посредством повышения продуктивности в пищевой и строительной сфере и подобных областях еду и прочие базовые средства существования можно продавать по более низким ценам.

Когда это происходит, ценность рабочей силы, которая приблизительно равна ценности воспроизводства рабочей силы посредством покупки основных необходимых вещей, также падает. В результате на производство товаров, окупающих затраты на рабочую силу, начинает требоваться *меньше часов*, ведь ценность рабочей силы теперь *ниже*.

Сокращая посвященную необходимому труду часть рабочего дня одним из этих двух способов — ускорением работы или уменьшением ценности рабочей силы, капитал извлекает так называемую ОТНОСИТЕЛЬНУЮ ПРИБАВОЧНУЮ ЦЕННОСТЬ. Не удлиняя рабочий день в абсолютном отношении, капитал все равно успешно повышает *s*, освобождая относительно большую часть рабочего дня для неоплачиваемого прибавочного труда.

И снова *s* растет — вопреки тенденции нормы прибыли падать. И снова защитить себя может только сам рабочий класс.

Предотвратить ускорение до убийственного темпа могут только действия самостоятельно организованных в союзы рабочих — такой урок нам преподносит кабальный труд. Во многих уголках мира Толстосум, Богатей и другие их кровожадные приспешники пытаются заставить работников работать все быстрее, быстрее и быстрее — как правило, ускоряя работу станков до тех пор, пока рабочие не упадут. Или же они прибегают к уловке «научного управления», призывая «экспертов по эффективности» с секундомерами (а-ля Фредерик Уинслоу Тейлор), чтобы сократить количество «лишних движений» и тем самым повысить продуктивность.

Или же применяется психология управления: «В какой цвет покрасить стены фабрики и какую включить фоновую музыку, чтобы работники работали усерднее?» Или же в дело вступает прямая сила — жестокие бригадиры и надзиратели.

Там, где труд силен, ускорение держится под контролем. Там же, где труд слаб, капиталисты заставляют работников работать все быстрее и все дольше...

Пока труд не станет сильным повсеместно, капитал будет рыскать по планете в поисках неорганизованных рабочих, которых можно эксплуатировать сильнее, чем позволяет организованный труд.

Прямо сейчас, когда количество рабочей силы по всему миру постоянно растёт, у капитала много возможностей. Работников можно заставлять производить все больше и больше прибавочной ценности либо в абсолютном (удлиняя рабочий день), либо в относительном (повышая «продуктивность») выражении. Это заметно противостоит тенденции к снижению нормы прибыли. Добавьте к этому тот факт, что v можно сократить посредством массовых увольнений или снижения зарплат, и перед нами окажется целый ряд опций, к которым капитал может прибегнуть в попытке предотвратить кризисы, связанные с повышением c .

17. РАБОЧАЯ СИЛА И КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Рассуждение о ценности рабочей силы рождает несколько вопросов. Прежде всего, как мы определяем, сколько рабочего времени «общественно необходимо» для воспроизводства рабочей силы?

Очевидно, что большая часть рабочих существует не на том уровне, который достаточен для простого биологического выживания, а на том уровне, который определяется *обществом*. Нужды рабочих обусловлены не только природой, но и общественными обычаями. В ценности рабочей силы по определению заключен исторический, социальный и моральный аспект.

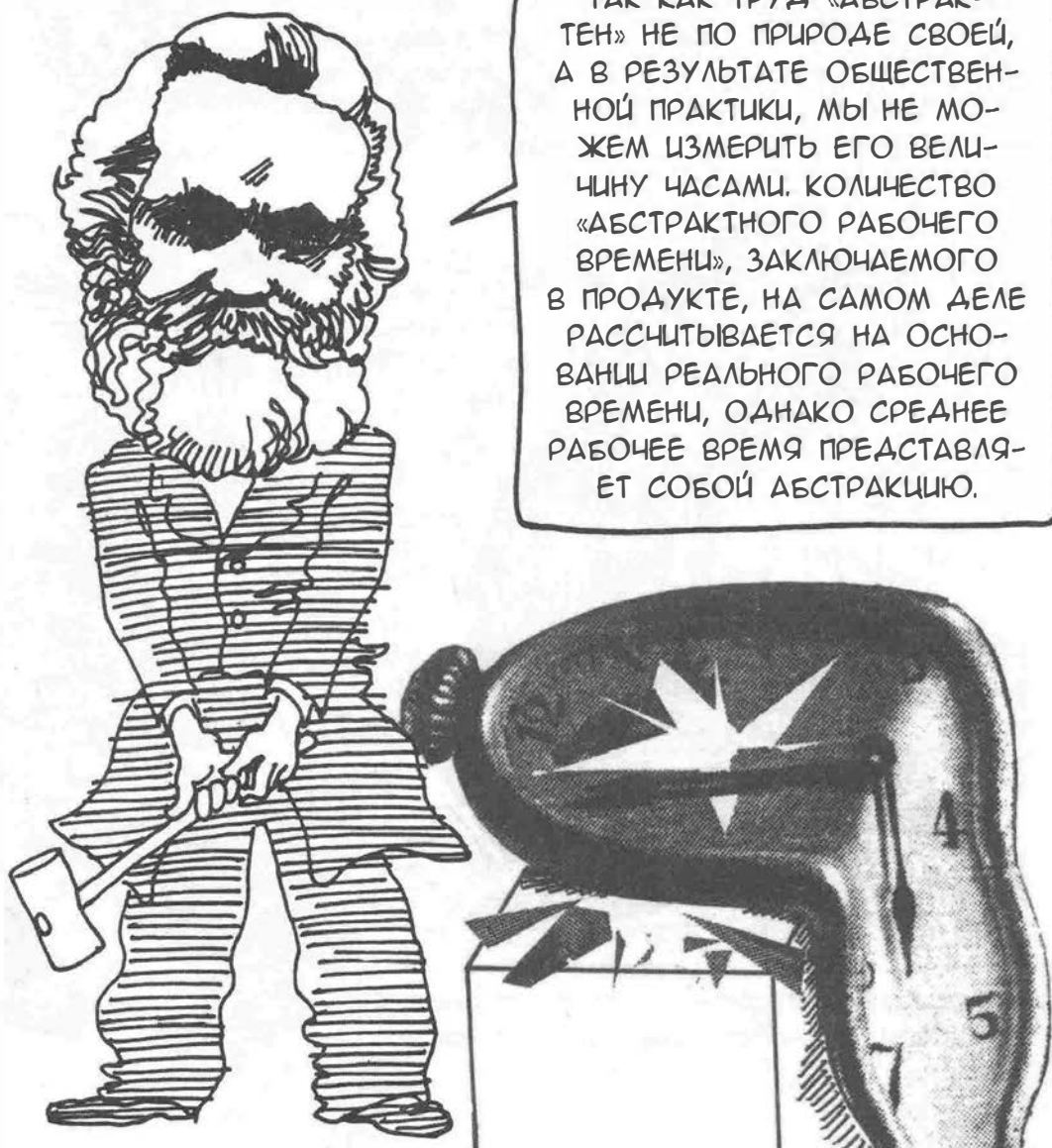

Следовательно, противостояние капитала и рабочей силы неизбежно выливается в конфликт насчет того, сколько именно нужно рабочему. В тех регионах и странах, где рабочий класс силен, рабочие могут добиться относительно более высокого жизненного уровня — то есть относительно более высокой ценности рабочей силы, чем в местах, где их класс слабее.

Это приводит нас к осознанию нескольких базовых фактов. С одной стороны, мы вспоминаем, что на самом деле ценность не является *естественной*, она представляет собой *общественную идею* — люди *считают* продукт труда товаром, тем самым *превращая* пошедший на его изготовление труд в «абстрактный, общественно стандартный».

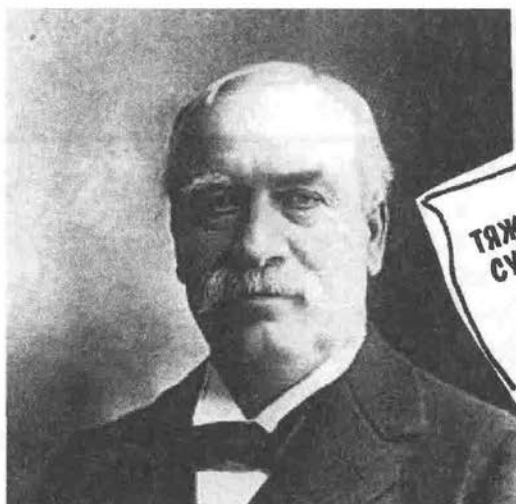
ТАК КАК ТРУД «АБСТРАК-
ТЕН» НЕ ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ,
А В РЕЗУЛЬТАТЕ ОБЩЕСТВЕН-
НОЙ ПРАКТИКИ, МЫ НЕ МО-
ЖЕМ ИЗМЕРИТЬ ЕГО ВЕЛИ-
ЧИНУ ЧАСАМИ. КОЛИЧЕСТВО
«АБСТРАКТНОГО РАБОЧЕГО
ВРЕМЕНИ», ЗАКЛЮЧАЕМОГО
В ПРОДУКТЕ, НА САМОМ ДЕЛЕ
РАССЧИТЫВАЕТСЯ НА ОСНО-
ВАНЦИИ РЕАЛЬНОГО РАБОЧЕГО
ВРЕМЕНИ, ОДНАКО СРЕДНЕЕ
РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ ПРЕДСТАВЛЯ-
ЕТ СОБОЙ АБСТРАКЦИЮ.

Общественная природа ценности наиболее явным образом проявляется в природе ценности рабочей силы. Хотя обычно признается, что рабочим необходимо платить «не ниже прожиточного минимума» — «чтобы у них на столе всегда была еда», — *вопрос о том, что именно составляет прожиточный минимум, вызывает жаркие споры.* Суть в том, что зарабатывающие на жизнь люди должны быть в состоянии позволить себе оплатить все элементарные потребности. Но что считать «элементарной потребностью»?

Чего заслуживают рабочие? Чего стоит ежедневный труд? Это как посмотреть — и как побороться!

Для Толстосума необходимость выплачивать зарплату — это неизбежное зло, а потому он старается снизить ее до минимума.

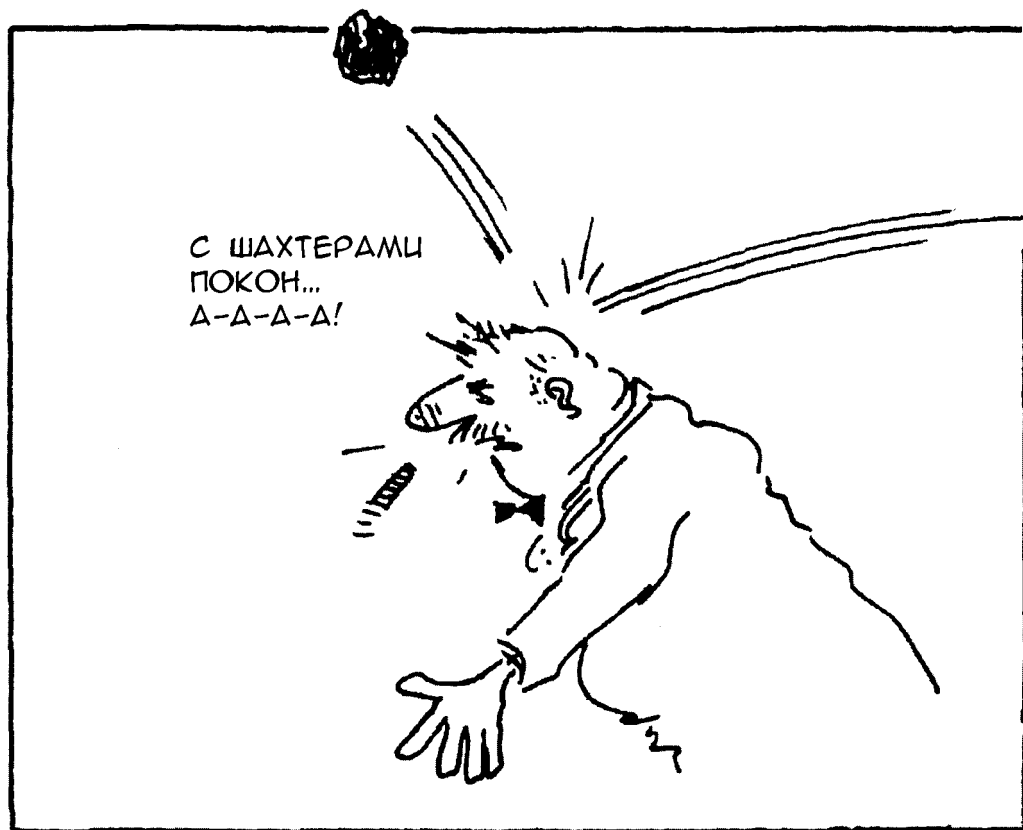
Единственный способ противостоять этому — организовывать союзы рабочих.

Когда главенствуют Толстосум и его управляющие, зарплаты резко падают. Но стоит рабочим объединиться, как они обретают новую силу.

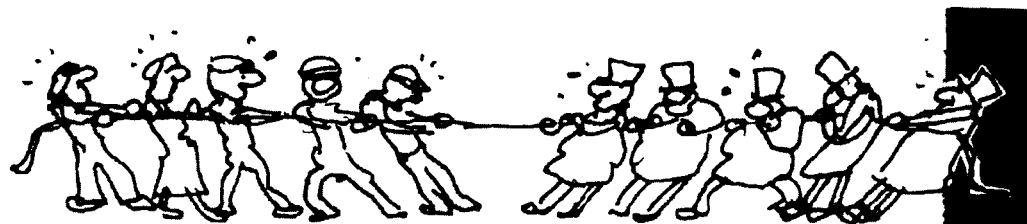

Зарплаты, естественно, повышаются...

Уровень заработной платы в любой момент времени отражает баланс сил между капиталом и рабочими.

РЕАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ЛИШЬ ПОСТОЯННЫМ ПРОТИВОБОРСТВОМ КАПИТАЛА И РАБОЧИХ. КАПИТАЛИСТЫ ПОСТОЯННО ПЫТАЮТСЯ СОКРАТИТЬ ЗАРПЛАТЫ ДО ФИЗИЧЕСКОГО МИНИМУМА, А РАБОЧИЕ ПОСТОЯННО НАСТАИВАЮТ НА ОБРАТНОМ. ВОПРОС В ЦЕЛОМ СВОДИТСЯ К СООТНОШЕНИЮ СИЛ ПРОТИВНИКОВ.

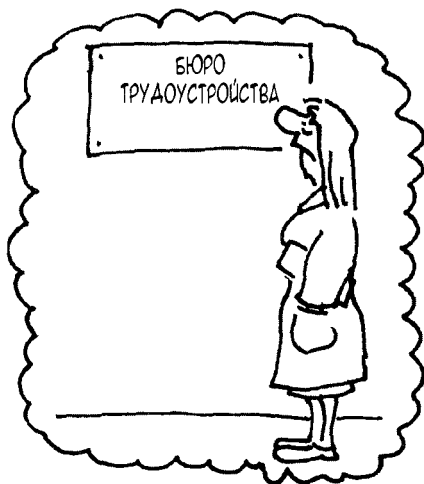

Когда рабочие достаточно сильны, чтобы капитал боялся рабочей силы, они настаивают на повышении зарплат. Но у капиталистов множество ресурсов. Хитрый, как лис, и вовсе не святой — в его сердце нет ни капли сострадания, а само сердце хранится в кошельке, — Толстосум пускает в ход множество уловок. Если в одном месте ему приходится платить высокие зарплаты, он вкладывает деньги в другое место, чтобы обеспечить себе «дешевый труд», то есть труд, требующий на свое воспроизводство меньше общественно среднего труда, чем рабочая сила более высокооплачиваемых работников.

ОХ!

Если работники в одном уголке света согласны с более низким, чем в других регионах, «уровнем жизни», этот более высокий уровень жизни может быть поставлен под угрозу: Толстосум просто наймет дешевую рабочую силу вместо дорогой, тем самым заставляя более высокооплачиваемых работников снизить свои запросы (если они хотят сохранить работу).

Это только один пример конкуренции среди работников — конкуренции среди продавцов рабочей силы, которые, как и все продавцы, вынуждены держать цены на конкурентном уровне, если хотят продавать.

Иногда капиталисты соглашаются на относительно высокие зарплаты: чтобы обеспечить лояльность работников, когда прибыль высока; чтобы отделить высокооплачиваемых работников от низкооплачиваемых или чтобы нанять работников, обладающих особыми навыками. Но ими никогда не движет альтруизм. Толстосум хочет получать прибавочную ценность, а прибавочная ценность представляет собой разницу между ценностью рабочей силы, выраженной в зарплате, и ценностью *продукта* труда, выраженной в цене. При прочих равных, чем ниже зарплаты, тем выше прибыль. Толстосум хочет платить низкие зарплаты!

Соперничество рабочих эксплуатируется по полной программе. В 1870 году, когда Маркс только приступил к работе над вторым томом «Капитала», Франция и Пруссия вступили в войну. Эта война стала первой из трех франко-германских войн, которые разорили Европу за следующие 75 лет. Маркс также считал эту войну типичной войной капиталистической эпохи, в ходе которой молодых рабочих одной национальности, весь «цвет рабочего класса», обратили против молодых рабочих других национальностей.

Такие войны ведутся от имени правителей и богачей. Но жертвы, как заметил Маркс (рабочие в военной форме и гражданские лица, попавшие под перекрестный огонь), приносятся якобы во имя национальной гордости и чести. Слишком часто рабочие, которые полны националистских предрассудков и боятся, что иностранные рабочие хотят лишить их хлеба, берутся за оружие и выступают друг против друга.

Франко-прусская война 1870 года для Маркса стала классической моделью такой войны. Правда об этих войнах открылась, заметил он, когда парижские рабочие взбунтовались против правителей и войны и провозгласили Париж свободной коммуной. После этого французские и прусские власти поспешно заключили перемирие и *вместе* пошли на Париж, чтобы свергнуть Коммуну.

Капитал, как сказал Маркс, зарабатывает в любом случае. В мирное время, когда рабочие получают высокие зарплаты, работодатели нанимают людей за границей. Во время войны капиталисты наживаются на соперничестве, которое они лишь подстегивают, отправляя молодых рабочих за рубеж, чтобы подавлять бунты иноземных бедняков.

И здесь возникает вопрос о том, что впоследствии получило название «империализма». Капиталисты одной нации по многим причинам считают более выгодным инвестировать в другие, как правило, более бедные нации. Там их ждут новые рынки, простор для инвестиций, дешевая рабочая сила и недорогие ресурсы, не говоря уже о возможности политического и военного влияния.

Когда доступ к этим благам ограничен самоорганизацией бедных и угнетаемых слоев населения этих наций, чтобы подавить их, Толстосум привлекает бедных и угнетаемых дома. Служа резервом, из которого набираются солдаты, молодые рабочие и безработные таким образом становятся особенно важными для капитала. В то же время в них нужно подпитывать страх и отвращение к иноземным беднякам. Хотя происхождение этих чувств и их воплощение, как правило, находится на эмоциональном уровне, их корни уходят и к соперничеству между рабочими.

Рабочие, обладающие большой силой, которым, благодаря профсоюзам, обычно хорошо платят, ценят свое относительное благополучие. Они боятся обесценивания своей рабочей силы, которое может произойти из-за конкуренции с более бедными рабочими. Стремясь сохранить свои с трудом завоеванные привилегии — еще бы! — более высокооплачиваемые работники слишком часто видят рабочих из других регионов в неприглядном свете, больше доверяя своим работодателям, чем таким рабочим.

Это позволяет Толстосуму везде снимать сливки — эксплуатировать рабочих и дома, и за границей, одновременно получая *поддержку* от рабочих дома и извлекая *выгоду* из выплаты низких зарплат за границей. К несчастью, эксплуатации можно эффективно противостоять, только *объединив* усилия всех эксплуатируемых.

18. УНИЧТОЖЕНИЕ НАЕМНОГО ТРУДА

Пока что мы говорили о *рабочей силе* в качестве *товара*, который покупается и продается и превращается в *отчужденный труд*, когда применяется под гнетом чуждой, ориентированной на получение прибыли воли капиталиста. Мы увидели, что ценность этого любопытного товара, рабочей силы, является предметом пристального внимания капитала и рабочих, так как капиталисты всеми силами стараются удешевить рабочую силу, а рабочие пытаются повысить ее ценность.

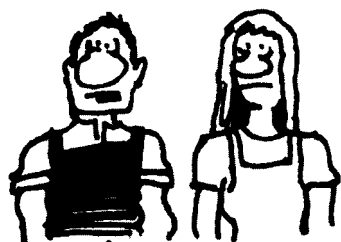
НО БОЛЕЕ ГЛУБОКИЙ ВОПРОС ЗАДАЮТ ОЧЕНЬ РЕДКО: ПОЧЕМУ РАБОЧАЯ СИЛА ВООБЩЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ТОВАРОМ? ПОЧЕМУ КАПИТАЛИСТЫ ДОЛЖНЫ КОНТРОЛИРОВАТЬ СУЩЕСТВОВАНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ, УВЕЛИЧИВАЯ КОЛИЧЕСТВО ОТЧУЖАЕННОГО ТРУДА И ПРИБАВОЧНОЙ ЦЕННОСТИ...

...ЕСЛИ РАБОЧИЕ САМИ МОГУТ УПРАВЛЯТЬ СОБОЮ, ПРОИЗВОДЯ МАТЕРИАЛЬНУЮ ПРИБАВКУ ДЛЯ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ РЕАЛЬНЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ?

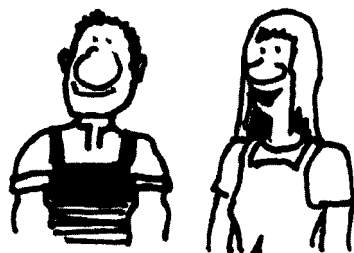

Неоспоримый ответ на этот вопрос обычно тоже не до конца понимается: рабочие могут не просто стремиться к повышению ценности их рабочей силы, но могут даже отказываться считать свою рабочую силу *товаром*. Способность к работе не обязательно должна оцениваться деньгами; рабочая сила не обязательно должна продаваться за заработную плату. Скорее «живая рабочая сила», то есть сами рабочие, может объединяться для равного, демократичного и наднационального кооперативного производства.

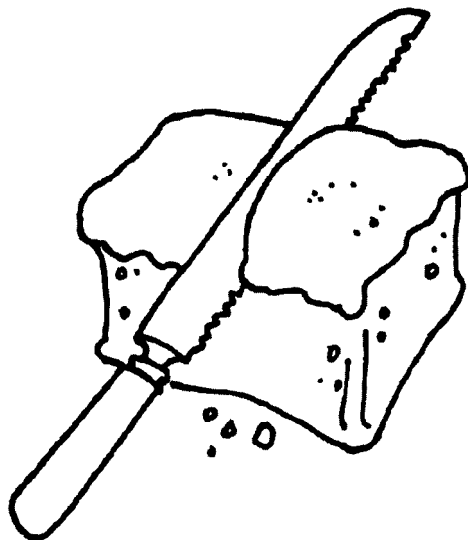
Это и есть *социализм* в истинном смысле слова — обычные рабочие совместно демократически контролируют производство и общественную жизнь, производят продукты для потребления, а не на продажу и не для получения прибыли; все делятся друг с другом, а не торгуют в условиях конкуренции.

МЫ ПРОИЗВОДИЛИ
ШТЫКИ...

...А ТЕПЕРЬ ПРОИЗВО-
ДИМ НОЖИ ДЛЯ МАСЛА!

Совместная свобода и власть становятся главным признаком социалистического общества — общества без каких-либо начальников.

РАБОЧЕ НЕ ДОЛЖНЫ ПОЛНОСТЬЮ ВТЯГИВАТЬСЯ В НЕИЗБЕЖНУЮ ПАРТИЗАНСКУЮ ВОЙНУ, КОТОРАЯ БЕСПРЕСТАННО РОЖДАЕТСЯ ИЗ ПОСТОЯННОГО СТРЕМЛЕНИЯ КАПИТАЛИСТОВ СОКРАТИТЬ ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ И ГАРАНТИЮ ЗАНЯТОСТИ, ИХ АТАК НА ПРОФСОЮЗЫ И Т. Д. РАБОЧЕ ДОЛЖНЫ ПОНИМАТЬ, ЧТО КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, НЕСМОТРИ НА ВСЕ ЕЕ ТЯГОТЫ, ДАЕТ ЖИЗНЬ ТАКОМУ МОЩНОМУ ПРОИЗВОДСТВУ, ЧТО ПОЯВЛЯЕТСЯ ВОЗМОЖНОСТЬ СОЗДАНИЯ НОВОГО ОБЩЕСТВА МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ СВОБОДЫ. ВМЕСТО КОНСЕРВАТИВНОГО ЛОЗУНГА «ЗА ЧЕСТНЫЙ ТРУД — ЧЕСТНУЮ ПЛАТУ!» РАБОЧЕ ДОЛЖНЫ НАПИСАТЬ НА СОБСТВЕННОМ ЗНАМЕНИ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРИЗЫВ:

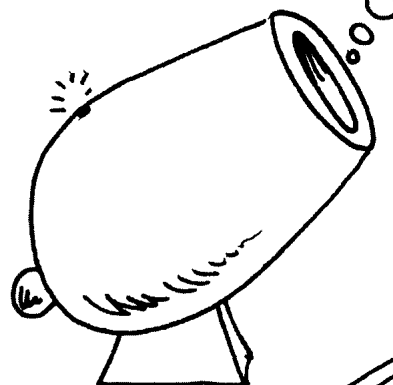

ПОЧЕМУ ЖЕ ТОГДА
ПРОЛЕТАРИАТ ТАК ЧА-
СТО ТРЕБУЕТ ЛИШЬ
ПОВЫШЕНИЯ ЗАРПЛАТ
И НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫХ РЕ-
ФОРМ, РАЗ СИСТЕМУ
ОПЛАТЫ ТРУДА МОЖНО
И ВО ВСЕ УНИЧТОЖИТЬ?

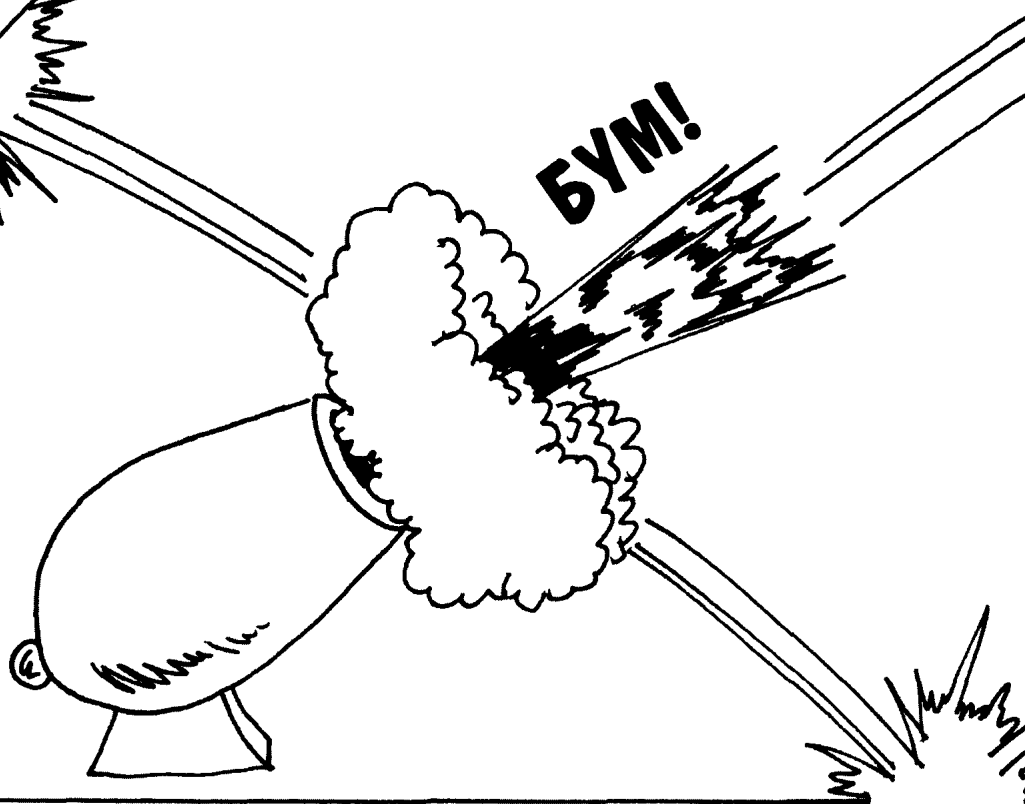
ОТЧАСТИ ЭТО ПРОИСХОДИТ ПОТО-
МУ, ЧТО ОТНОШЕНИЯ ВНУТРИ СИСТЕМЫ
ОПЛАТЫ ТРУДА СКРЫВАЮТ ЭКСПЛУ-
АТАЦИЮ, ИЗ-ЗА ЧЕГО ПРОДАЖА РАБОЧЕЙ СИЛЫ
ЗА ЗАРПЛАТУ КАЖЕТСЯ НЕОБХОДИМОЙ, А «ЧЕСТНАЯ
ЗАРПЛАТА» — ВОЗМОЖНОЙ. РАБОЧИЕ, КАК ПРАВИЛО,
ДУМАЮТ, ЧТО ИМ ПЛАТЯТ ЗА «ТРУД», А НЕ ЗА РА-
БОЧУЮ СИЛУ, И СЧИТАЮТ, ЧТО МОГУТ НАДЕЯТЬСЯ
ЛИШЬ НА «ЧЕСТНУЮ ОПЛАТУ» ЭТОГО ТРУДА.

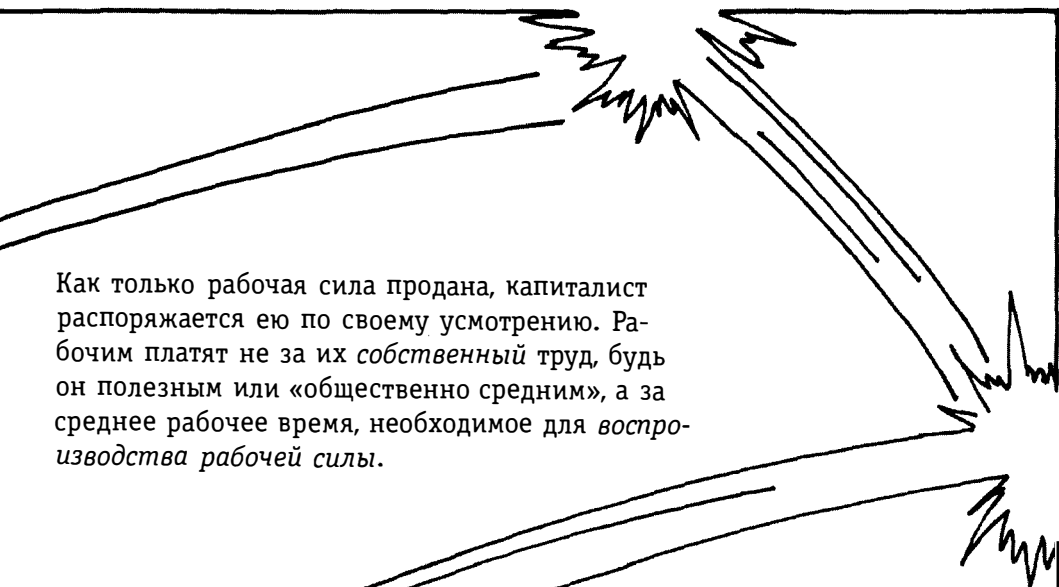

МНЕ НУЖНО РАБОТАТЬ —
НАДЕЮСЬ, ХОТЬ ПЛАТИТЬ
БУДУТ ЧЕСТНО!

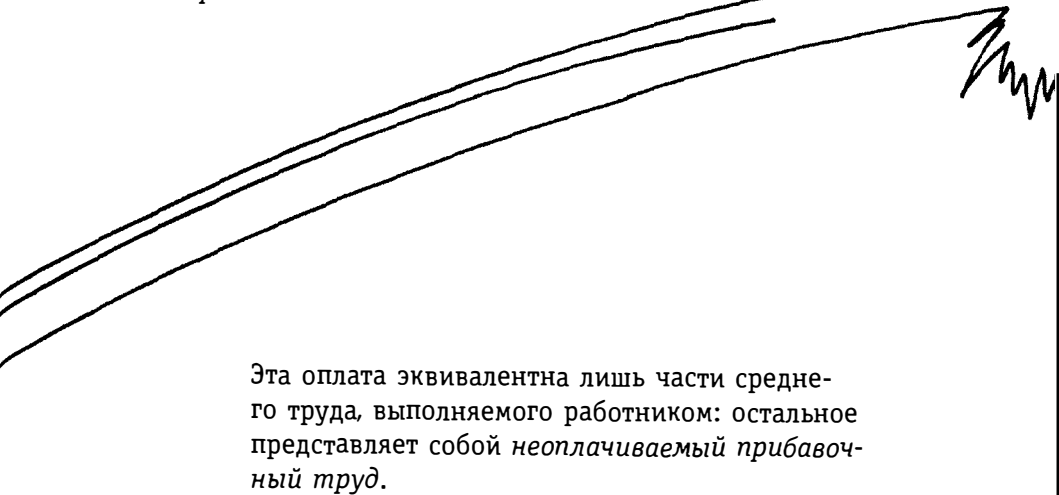
В реальности рабочим *не платят* за их «труд»,
а «честной оплаты» не существует. Капиталисти-
ческое производство основано на эксплуатации.

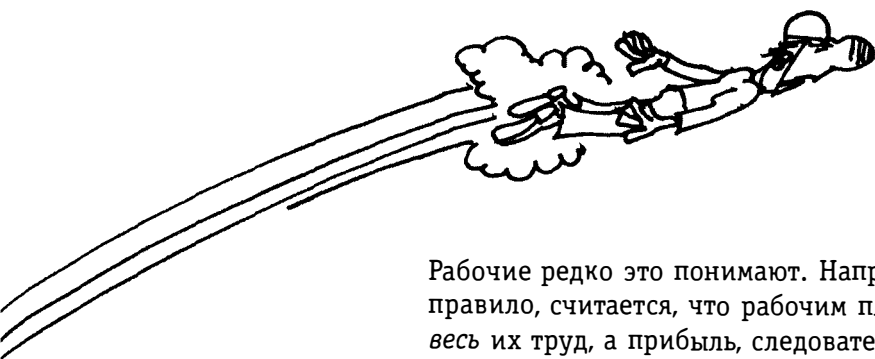
БУМ!

Как только рабочая сила продана, капиталист распоряжается ею по своему усмотрению. Рабочим платят не за их *собственный* труд, будь он полезным или «общественно средним», а за среднее рабочее время, необходимое для *воспроизводства* рабочей силы.

Эта оплата эквивалентна лишь части среднего труда, выполняемого работником: остальное представляет собой *неоплачиваемый прибавочный труд*.

Рабочие редко это понимают. Напротив, как правило, считается, что рабочим платят за *весь* их труд, а прибыль, следовательно, появляется не в результате эксплуатации рабочей силы.

Таким образом, система оплаты труда стирает все признаки разделения рабочего дня на необходимый и прибавочный труд, то есть на труд оплачиваемый и неоплачиваемый. Весь труд кажется оплачиваемым.

ФЕОДАЛЬНЫЙ ТРУД

В феодальные времена при *барщинной* системе все происходит иначе. Работа крепостного на себя и его обязательная работа на хозяина земли очень четко разделены во времени и пространстве.

РАБСКИЙ ТРУД

При рабском труде даже та часть рабочего дня, когда раб просто замещает ценность своих средств существования, а следовательно, работает исключительно на себя, кажется работой на хозяина. *Весь его труд кажется неоплачиваемым трудом.*

НАЕМНЫЙ ТРУД

При наемном труде, напротив, даже прибавочный труд, или неоплачиваемый труд, кажется оплачиваемым.

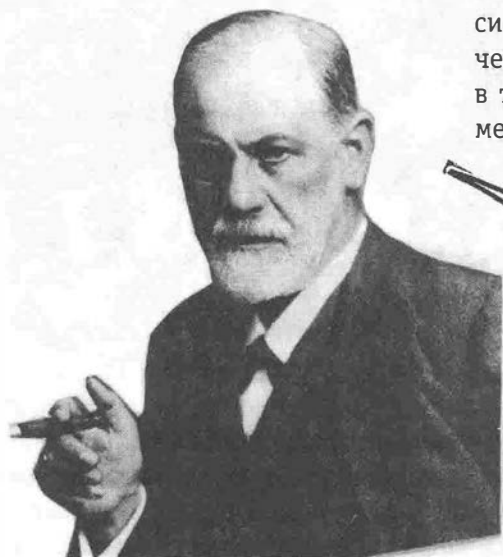
Обмен между капиталом и рабочей силой напоминает продажу любого другого товара. Сама продажа кажется предопределенной. В конце концов, как рассуждает рабочий,

Рабочая сила естественно и неизбежно привлекает деньги. Продажа рабочей силы, приводящая к отчуждению труда, как будто предначертана самой природой и не зависит от человеческого вмешательства. А то, что продается, кажется не рабочей силой, а трудом.

Фетишизм — верование в то, что товарный статус рабочей силы является непреложным жизненным фактом, — в таком случае сочетается с неправильным представлением о самом товаре, в результате чего реальность эксплуатации затуманивается.

Так как рабочим платят *после* осуществления работы, кажется, что покупается именно их *труд*, а не их *способность* к труду. Более того, рабочие полагают, что рабочей силе естественно продаваться. «А как иначе?» Это и есть *фетишизм* — верование в то, что товар по умолчанию обладает обмениваемостью.

ЭТО ПРОСТО
СИГАРА!

Как и все остальные товары, «труд» как будто обладает определенной естественной меновой ценностью — естественной ценой. Отсюда и широко распространенное верование в этот фантом, в «честную оплату честного труда». Но правда заключается в том, что единорог и тот чаще встречается в природе, как и дракон, и грифон, и лепрекон, чем добродетельная корпорация или честный политик.

Но люди не всегда это понимают. Полагая, что труд *должен* продаваться как товар, поскольку такова его *природа*, рабочие надеются на честную оплату. Таким образом, они ошибочно принимают эксплуатацию за естественность, не замечая возможности для настоящей, не отчужденной свободы и власти.

«Все представления о справедливости в глазах рабочих и капиталистов, все мистификации о капиталистическом способе производства, все капиталистические иллюзии свободы, все защитные трюки обычной экономики в своей основе имеют представление о том, что заработная плата «естественна» и потенциально «справедлива»».

МОЖЕТ, ХВАТИТ УЖЕ
ЧИТАТЬ,
ВКЛЮЧИ
ЛУЧШЕ
ТЕЛЕВИ-
ЗОР?

Но это не так. Такого быть не может. Для рабочих не «естественно» быть отлученными от средств производства. Как мы увидели, это произошло в результате ужасного исторического процесса — процесса экспроприации. Рабочая сила продается капиталу только потому, что капитал монополизировал средства производства. Так называемые «свободные рабочие», которые среди прочего свободны для отчуждения собственного труда ради выгоды эксплуатации, свободны только формально. Они свободны *продавать* свою рабочую силу, но не наслаждаться ею и не использовать ее на собственные нужды.

Без капитала — без владельцев бизнеса, которые, обладая деньгами, могут покупать и контролировать рабочую силу, — рабочие смогут перейти на полное самоуправление. В таких условиях они получат прямой и естественный доступ к средствам производства, которые будут принадлежать им. Рабочая сила и средства производства снова будут едины. Ни рабочая сила, ни средства производства не будут выставляться на продажу.

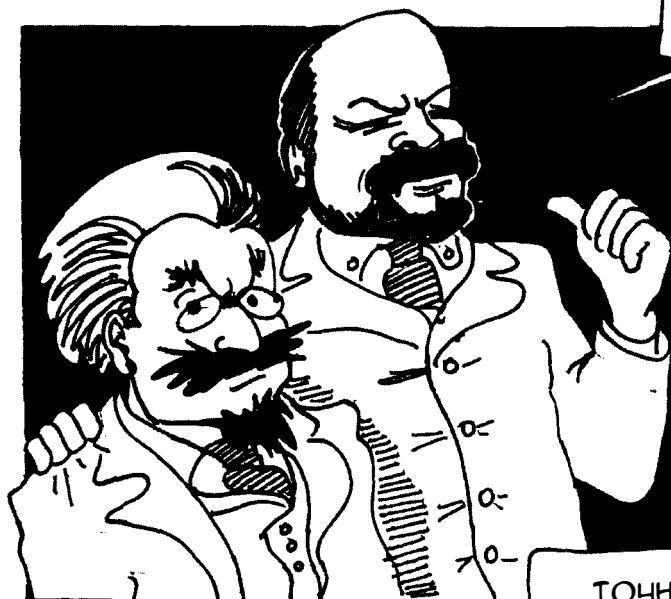

Станет возможна демократия *среди* рабочих, а не тирания капитала *над* рабочими. Объединившись, рабочие смогут беспрепятственно разделять контроль над средствами производства.

Это предполагает самоорганизацию рабочих и их друзей с целью продвинуться дальше капитализма — с целью производить ради удовлетворения нужд, а не ради прибыли, с целью создать новое, поистине свободное общество.

ЗДЕСЬ-ТО МЫ
И ВСТУПАЕМ
В ДЕЛО
С ПАРТИЕЙ
РЕВОЛЮЦИИ!

ТРОЦКИЙ

ЛЕНИН

ТОЧНЕЕ, ЭТО МЫ
ВСТУПАЕМ В ДЕЛО
С ПАРТИЕЙ
РЕВОЛЮЦИИ!

В отличие от многих своих последователей, Маркс не призывал к созданию «авангардной партии», чтобы править от имени пролетариата.

Маркс скорее хотел, чтобы рабочие *взяли все в свои руки и занялись самоопределением.*

Потенциал перестройки общества на радикально демократической, социалистической основе теперь хорошо виден на примере Парижской коммуны, которую Маркс счел прообразом самоуправления рабочих.

СТАТУЯ НАПОЛЕОНА, СБРОШЕННАЯ С ВАНДОМСКОЙ КОЛОННЫ
В ДНИ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Хотя перестройка общества стратегически очень трудна, не стоит забывать, что Парижская коммуна в итоге пала. А Франция, хоть в ней и сильна социалистическая традиция, остается оплотом капитализма, ее перспективы огромны. Хотя социалистические идеи подверглись клевете и со временем значительно смягчились, они проникли во все уголки света и до сих пор пользуются популярностью. Многие миллионы безработных, низкооплачиваемых работников и бывших фермеров чувствуют, что дни капитализма сочтены. Вполне вероятно, что так и есть.

Для организованного выступления — будь оно в целях освобождения или в целях защиты — рабочим необходимы профессиональные союзы и социалистические партии. Ни одна правящая элита не готова по доброй воле делиться властью. Таким образом, для социалистов нет ничего более губительного, чем обвинения в элитизме и тирании, в появлении «нового начальника, который ничем не отличается от старого».

Социализм, как писала **Роза Люксембург**, — это не новогодний подарок для людей, которые сейчас мирятся с диктатурой, чтобы добиться свободы в будущем.

НЕ СЛУШАЙТЕ ЕЕ!

СОЦИАЛИЗМА МОЖЕТ ДОСТИЧЬ ТОЛЬКО РАБОЧИЙ КЛАСС И ТОЛЬКО ПОСРЕДСТВОМ СОБСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ. ЭТО ОЗНАЧАЕТ РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ. НИКТО НЕ МОЖЕТ ДОСТИЧЬ СОЦИАЛИЗМА «ОТ ВАШЕГО ИМЕНИ»...

РОЗА
ЛЮКСЕМБУРГ

Если рабочий класс не един, если ему не хватает способности к самоуправлению и решительности, он не сможет справиться с засильем капитала. Нет никакой «замены» рабочему классу. Если эксплуатации суждено прекратиться, прекратить ее должны сами эксплуатируемые.

Будучи организованными в социалистические партии и региональные или заводские советы, рабочие и их союзники должны взять собственную судьбу в свои руки.

Я ПОДДЕРЖИВАЮ
ЗАВОДСКИЕ
СОВЕТЫ
РАБОЧИХ

НУЖНО ОСНОВАТЬ РАБОЧИЙ КОМИТЕТ,
ЧТОБЫ ОН ВЗЯЛ ВСЕ ПОД КОНТРОЛЬ И САМ
ОСУЩЕСТВЛЯЛ УПРАВЛЕНИЕ!

КАК
В КОММУНЕ!

Именно это и случилось в 1871 году в Париже, где была организована Коммуна. Хотя радикальная демократия и кооперация революционного парижского восстания продержались недолго — их сломил натиск армий, — в последующие десятилетия дух и цели коммунаров нашли отклик в сердцах десятков и сотен миллионов человек.

ЕСЛИ ОНИ НЕ БУДУТ ВКЛАДЫВАТЬ
ДЕНЬГИ, НАМ СТОИТ КОНФИСКОВАТЬ
СВОЙ ТРУД!

КАК
В КОММУНЕ!

МЫ ДОЛЖНЫ ВЫСТУПИТЬ ПРОТИВ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЗАХВАТИТЬ
ВЛАСТЬ В СТРАНЕ!

О, ЭТО НЕ КАК
В КОММУНЕ...

...К СОЖАЛЕ-
НИЮ!

Некоторые парижские революционеры — например, **Бланки** — имели неверное представление о том, что предвещает революция. Хотя Бланки был прекрасным и неукротимым пропагандистом, он не смог понять, что пролетариат должен оформиться *в класс*, чтобы произошли революционные изменения.

БЛАНКИ
ПРОВЕЛ
45 ЛЕТ ВО
ФРАНЦУЗСКИХ
ТЮРЬ-
МАХ.

ТАК КАК БЛАНКИ СЧИТАЛ
ЛЮБУЮ РЕВОЛЮЦИЮ **ВНЕ-
ЗАПНЫМ УДАРОМ** НЕБОЛЬ-
ШОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО
МЕНЬШИНСТВА, УСПЕХ РЕВО-
ЛЮЦИИ В ЕГО ПОНИМАНИИ
ПРЕДПОЛАГАЛ НЕОБХОДИМОСТЬ
ДИКТАТУРЫ — ПРИЧЕМ НЕ ДИКТА-
ТУРЫ ВСЕГО РЕВОЛЮЦИОННОГО
КЛАССА, ТО ЕСТЬ ПРОЛЕТАРИА-
ТА, А ДИКТАТУРЫ УЗКОЙ ГРУППЫ
ЛЮДЕЙ, КОТОРАЯ И НАНЕСЛА
ВНЕЗАПНЫЙ УДАР, А ДО ЭТОГО
ТОЖЕ ОРГАНИЗОВАЛАСЬ ПОД ГНЕ-
ТОМ ДИКТАТУРЫ УЗКОЙ ГРУППЫ.

ЭНГЕЛЬС

О, ЭНГЕЛЬС,
НАДЕЮСЬ,
ТЫ НЕ ОБО **МНЕ!**

Когда движение масс замедляется, инициативу должны брать на себя профессиональные союзы и общественные организации. Но каким бы сильным или слабым ни было усилие, цель — в представлении Маркса — всегда заключается в *самоосвобождении и самоуправлении рабочего класса*. В отличие от более поздних «марксистов», сам Маркс не считал, что рабочие должны организовываться и приносить жертву ради процветания диктаторов и элит. Он полагал, что рабочие должны стремиться к освобождению от *всяческих начальников*.

ЭКСПРОПРИАТОРОВ ЭКСПРОПРИИРУЮТ

«Когда все народы оказываются вплетенными в сеть мирового рынка — а вместе с этим усиливается интернациональный характер капиталистического режима, — формируется мировой пролетариат, возмущение которого все растет.

Этот эксплуатируемый класс, которому капитал не дает осознать свой потенциал к свободе и неограниченной продуктивности, противопоставляет себя капиталистической оболочке. Эта оболочка быстро рвется на куски. Колокол звонит по капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

Но это не все,
ребята!

Следом наступает свобода.

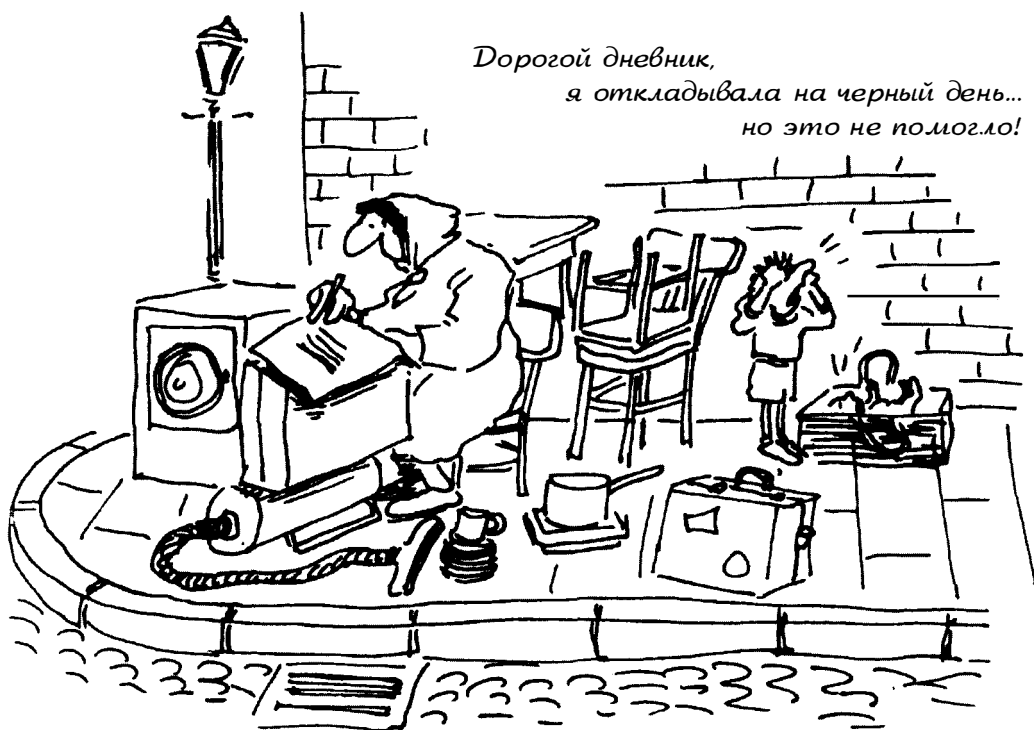
Крах и его последствия

Кризис капитализма?

Когда в 1982 году в свет вышло первое издание этой книги, капитализму приходилось несладко. В тот год в экономике произошел самый крупный спад с 1930-х, а с тех пор его переплюнул лишь Мировой экономический кризис, разразившийся в 2008 году. Что будет дальше? Есть основания полагать, что впереди нас ждут еще более тяжелые времена.

ТЕПЕРЬ — ПОЖАР...

Капитализм в наши дни, похоже, переживает настоящий кризис. Этот кризис имеет множество неожиданных черт, но все же очень напоминает те кризисы, которые были описаны (и предсказаны) Марксом в «Капитале».

Капитализм зависил от прибыли и разрушает рабочие места.

Он дестабилизируется отсутствием баланса между прибылью и оплатой труда, между продуктивностью и спросом, между машинным и человеческим трудом.

Безработные рабочие и безземельные крестьяне вытесняются из рядов рабочей силы, производство замедляется, а заработки падают.

Инвесторы, покидая сферу производства, не могут найти спасения в сфере финансовых спекуляций.

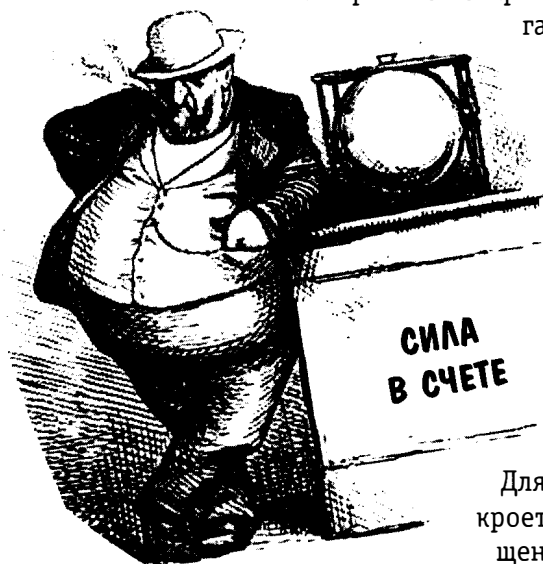

ТАК ГОВОРИЛ МАРКС

Теперь мы начинаем понимать, что произойдет дальше. Инвесторы, которые вкладывают все больше денег в правительственные ценные бумаги, обходя вниманием промышленность и финансы, тоже считают это ненормальным.

У правительств возникают проблемы с выплатами держателям ценных бумаг, так как они полагаются на то, что выручку им принесут рабочие, заработная плата которых все сокращается, и корпорации, которые облагаются все более высокими налогами.

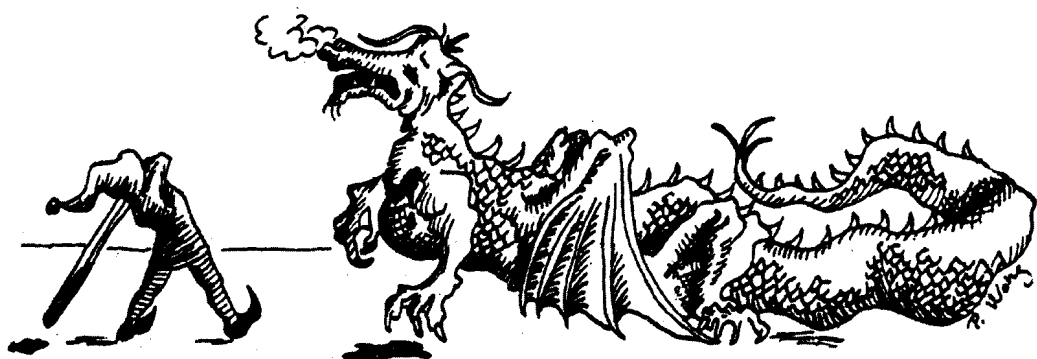
Для держателей ценных бумаг решение кроется в «жесткой экономии» — сокращении производства, уменьшении количества рабочих мест и росте налогов для всех, кроме богатей. Эти принципы проповедует новое поколение политиков, настаивающих на жесткой экономии.

В РЕЗУЛЬТАТЕ В ОБЩЕСТВЕ РАСТЕТ НЕДОВОЛЬСТВО ПОЛИТИКАМИ

Этот конфликт, как правило, углубляется с течением времени, так как во имя выживания рынков ценных бумаг давление на работников и налогоплательщиков, которые и так находятся под прессом, необходимо только усиливать.

Словом, капитализм порождает новую эру кризисных конфликтов. Эти конфликты включают в себя традиционные классовые конфликты, но не ограничиваются ими. Рабочие, налогоплательщики, бедняки и нуждающиеся — все находятся под угрозой. И тут пора рассказать историю...

ВСЕ НАЧАЛОСЬ В СЕМИДЕСЯТЫХ...

Эксперты не сходятся во мнении в вопросе о том, можно ли считать, что в последние несколько десятилетий мировая экономика находится «в кризисе». Но два момента вполне ясны: во-первых, капитализм сейчас переживает проблемный период, а во-вторых, эти проблемы начались в 1970-х и в начале 1980-х годов.

Рецессия 1982 года стала результатом десятилетнего развития. Среди ее самых очевидных причин — падение золотого стандарта в 1971 году и нефтяной кризис 1973-го.

*Счастливого
конец?
Не совсем. По крайней
мере,
не сразу...*

*Главная мировая валюта, доллар,
перестала быть привязанной к золоту,
и цены на нефть рухнули.*

*Я в кризисе!
Говорю вам,
в кризисе!*

*Мировая экономика протянула
еще десять лет, а затем резко
вступила в фазу рецессии.*

*К концу 1982 года уровень безрабо-
тицы в США достиг практически 11%.*

***Казалось, НЕФТЬ и ЗОЛОТО вышли
из-под контроля.***

*Но здесь работали глубинные силы.
Возможно, решающей из них стал лежа-
щий в основе проблем кризис прибыли.*

Норма прибыли падала с 1970-х. Одна из крупнейших консалтинговых фирм подсчитала, что, если бы величина инвестиций в промышленность не менялась на протяжении 1975—2008 годов, в производство оказалось бы вложено на 20 триллионов долларов больше. На деле эти деньги были вложены в другие сферы.

Триллион здесь,
триллион там —
так и со настоящих
денег недалеко!

КУДА ПОШЛИ ДЕНЬГИ?

Практически во все сферы — кроме промышленности.

Инвесторы неохотно вкладывали деньги в производство. После ста лет непрерывного индустриального развития они обратились к «прибыльным» альтернативным сферам. Многие их инвестиции стали **СПЕКУЛЯТИВНЫМИ**.

**ЭТО ЧАСТО НАЗЫВАЮТ КАПИТАЛИЗМОМ
ДИКОГО ЗАПАДА, ИЛИ «ВЕНЧУРНЫМ
КАПИТАЛИЗМОМ»...**

«Спекулянты-богатеи
богатеют с каждым
днем!»*

«Деньги вам при-
носят деньги, рынок
сам идет на взлет!»

«Здесь долги поста-
вить можно, и игра
всегда идет...»

* Поется на мотив песни
«Оклахома». Прости,
Оскар Хаммеротайн!

ИГРЯ!

МЫ

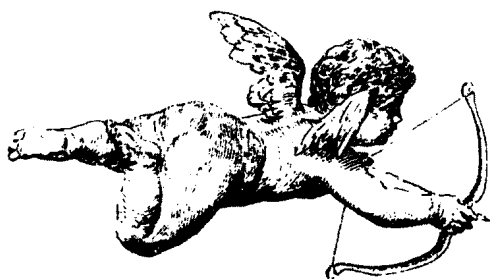

БРОСОВЫЕ ОБЛИГАЦИИ!...

В 1980-х «бросовые» облигации высокого риска привлекли внимание множества инвестиционных банков во главе с банком «Дрексель Барнэм Ламберт». Ведущие промышленные корпорации вроде «Крайслер» и «Интернейшнл Харвестер» переживали не лучшие времена, а бросовые облигации, напротив, казалось, не поддавались кризису.

Играя с бросовыми облигациями, «Дрексель Барнэм» вскоре обогнал по инвестициям даже «Голдман Сакс»... пока не лопнул в 1990 году.

¹ «Бросовые» облигации — это ценные бумаги спекулятивной категории с низким кредитным рейтингом. Это значит, что данные инвестиционные инструменты отличаются плохой финансовой репутацией, они высокорисковые, но вместе с тем — высокодоходные. Выпускаются с высокой процентной ставкой для привлечения покупателей и ради выкупа собственных компаний, находящихся накануне банкротства.

МЫ

ДОТКОМЫ¹...

В конце 1990-х инвесторы стали вкладывать деньги в Интернет. Вместо того чтобы инвестировать в проверенные фирмы, они начали поддерживать новые **доткомы**, которые предлагали бесплатные интернет-услуги, надеясь, что впоследствии они смогут *продавать* эти услуги и получать прибыль.

Инвесторы полагали, что компании, которые привлекают столько денег, просто сказочно ценны. Но они ошибались. В доткомы потекли чудовищные суммы, которые вообще не принесли прибыли. В 2000 году главные биржевые индексы для высокотехнологичных ценных бумаг достигли пика, подпитываемые мечтательным оптимизмом, а затем обвалились. Доткомы потеряли триллионы. Многие стали банкротами.

МЫ

ДЕРИВАТИВЫ²...

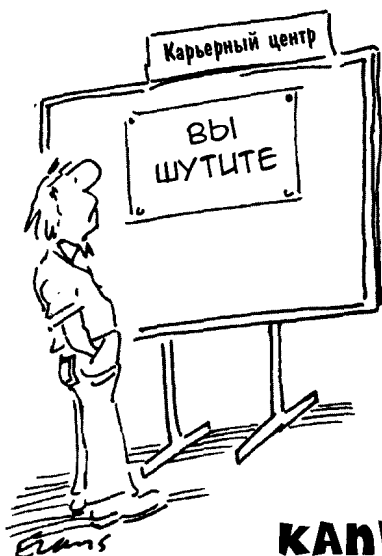
Бесстрашные инвесторы продолжили финансовые махинации и в XXI веке. Огромные суммы, извлеченные из промышленности, пошли на спекуляции, где их использовали для покупки рискованных ипотечных долгов («секьюритизированных»³, застрахованных и перепроданных) и деривативов (которые часто были контрактами на покупку будущего долга).

¹ Дотком (от англ. com) — термин, применяющийся по отношению к компаниям, чья бизнес-модель целиком основывается на работе в рамках сети Интернет. Возник и получил распространение в конце 1990-х гг. в момент бума на интернет-бизнес. Термин произошёл от англ. dot-com («точка-ком») — домена верхнего уровня.com.

² Производный финансовый инструмент, дериватив (англ. derivative) — договор (контракт), по которому стороны получают право или берут обязательство выполнить некоторые действия в отношении базового актива. Обычно предусматривается возможность купить, продать, предоставить, получить некоторый товар или ценные бумаги.

³ Секьюритизация (от англ. securities — «ценные бумаги») — финансовый термин, означающий одну из форм привлечения финансирования путем выпуска ценных бумаг, обеспеченных активами, генерирующими стабильные денежные потоки (например, портфель ипотечных кредитов, автокредитов, коммерческая недвижимость, генерирующая стабильный рентный доход, и т. д.).

В 2008 году этот картонный домик рухнул. Последовал серьезный кризис, «Великая рецессия», который не сменился «Великим восстановлением»...

Сотни миллионов рабочих по всему миру остаются без работы, а потребительский спрос держится на опасно низком уровне...

КАПИТАЛИЗМ ПОД ВОПРОСОМ

Теперь кажется возможным полное падение капитализма — непонятная перспектива, которую ученые мужи некогда отвергли как глупый приговор системе.

Сегодня даже деловые СМИ вроде *Financial Times* и *Wall Street Journal* признают эту опасность.

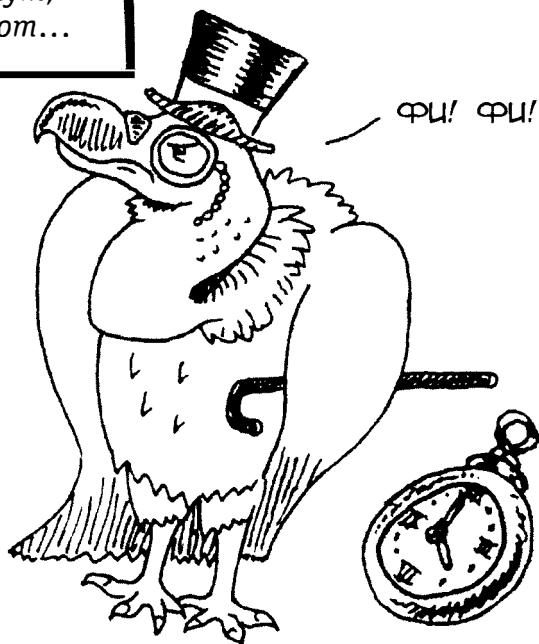
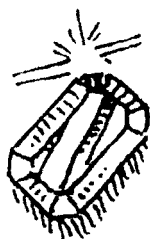
Почему? Потому что спекуляция оказалась опасной. Каждый финансовый пузырь, с которого начинались последние кризисы (в 1990—1991, 2000—2001 и 2007—2010 годах), приводил к долгому, мучительному и «безработному» восстановлению. Но спекуляции все равно не прекращаются.

Европейские инвестиции в бросовые облигации достигли своего пика... в 2010 году.

То, что Алан Гринспен, который тогда возглавлял Совет управляющих Федеральной резервной системой США, в 1996 году назвал «иррациональным оптимизмом», снова вернулось к жизни.

Фондовые рынки растут,
а скептиков не слушают...

«На этот раз все будет иначе, — думают инвесторы. — На этот раз спекуляция не приведет к катастрофе».

Но спекуляция всегда потенциально катастрофична — не просто как форма игры, но как диверсия *против продуктивных инвестиций*. **Потраченные на финансовые спекуляции деньги — это деньги, извлеченные из производства.** Без производства исчезают рабочие места и падают зарплаты, а спрос достигает минимума.

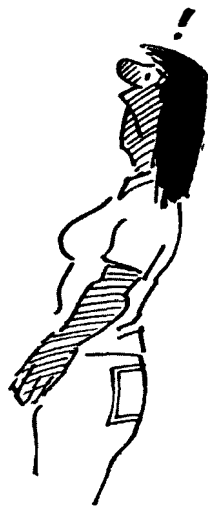

ЭТО ВООБЩЕ ЕЩЕ КАПИТАЛИЗМ?

Сегодня часто кажется, что задача инвестиций уже не сводится к классической марксистской цели *получать прибыль от производства и продажи товаров*.

Говоря языком Маркса, деньги все меньше и меньше работают в качестве **капитала**. Вместо того чтобы нанимать **работников**, чтобы производить и продавать **товары**, собственники денег пытаются **клонировать** свои деньги исключительно финансовыми средствами.

Это вообще еще капитализм? Многие задаются этим вопросом. Ответ может заключаться в том, что мы свидетели заката капитализма. Промышленность по-прежнему играет важнейшую роль, и все делается во имя прибыли. Однако сегодня лишь немногие представители мирового инвестиционного класса (инвестиционные банки, фирмы по управлению активами, хедж-фонды¹, суверенные фонды, покупатели облигаций и т. д.) вообще рассматривают возможность инвестирования в новое производство. Практически любая наивная схема привлекает целую толпу инвесторов, а промышленность? *Очень редко.*

Даже *корпорации* сейчас стремятся отойти от производства.

Мы ведь тоже люди!
(Разве у вас от укола кровь
не выступает?)

GE Capital

**НО МЫ ЕЩЕ НАНИМАЕМ
РАБОТНИКОВ СФЕРЫ УСЛУГ!**

Многие промышленные фирмы «диверсифицируют» капитал, вкладывая его в финансовую сферу, поэтому сейчас даже General Motors и General Electric (оставаясь при этом промышленными гигантами) получают существенную долю прибыли из финансовых спекуляций.

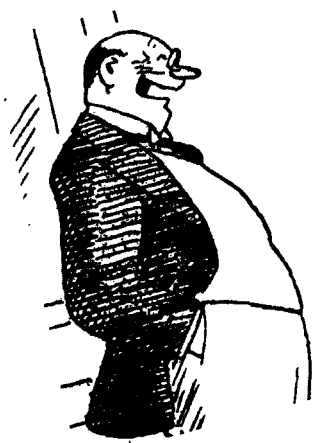
И в целом корпорации все чаще отзывают инвестиции из промышленности.

¹ Хедж-фонд (с англ. hedgefund) — это некий инвестиционный частный фонд, занимающийся инвестированием средств своих партнеров в самые разнообразные и доступные объекты (в основном, в публично торгуемые бумаги или производные финансовые инструменты). Подавляющая доля капитала фонда принадлежит инвесторам, но они не принимают непосредственного участия в управлении, а получают доход от своего капитала.

Благодаря налоговым послаблениям и правительственным «стимулирующим» мерам американские корпорации сейчас имеют больше денег, чем когда-либо прежде. И все же они придерживают свои деньги, не желая производить товары на мягкий потребительский рынок.

Когда они все же инвестируют в производство, складывается впечатление, что деньги вливаются в него через капельницу.

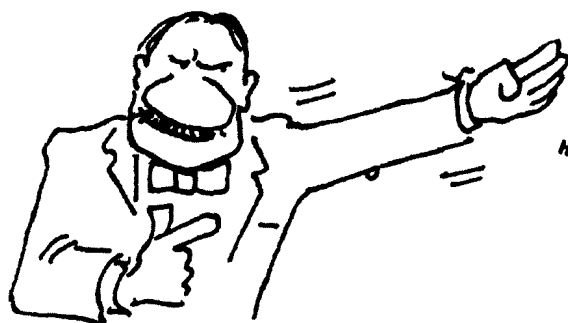
**Заводы —
это XX век!**

Политики хвалят капиталистов, называя их «создателями рабочих мест». И все же промышленные специальности теперь в основном сосредотачиваются в «индустриальных поясах» развитых экономик и на береговой линии «менее развитых стран». Работа, которая сохраняется даже в условиях кризиса корпораций, как правило, разгоняется или «выносятся за пределы страны» в тихие гавани низких зарплат.

Интересно, что в капитализме XXI века образцовым производителем товаров стала страна с невероятно низкими зарплатами (Китай), которая до недавнего времени даже считалась... некапиталистической!

«Если нечто выглядит, как утка, и крикает, как утка, вероятно, это утка. То есть капиталист. (Можете уже вернуться к чтению «Очерка».)».
Джон Д. Уткфеллер

И даже Китай, несмотря на «ревушую экономику», повторно вкладывает только часть своей промышленной прибыли. Боясь надорвать мировые потребительские рынки и перегреть собственную экономику (и поднять зарплаты), авторитарный режим Пекина выводит из промышленности целые триллионы долларов — и вкладывает их главным образом в иностранные облигации.

Вследствие этого в Китае больше разочарованных безработных — больше рабочих без работы и крестьян без земли, — чем в любой другой стране мира. Бывшие крестьяне, которых за несколько поколений вытеснил с земли режим или связанные с режимом корпорации, теперь плавают в нищенском бульоне голода и отчаяния.

Только малая доля тех миллионов, которые переезжают в города, в итоге находит работу.

Заводы на китайских берегах остаются только малой долей того, что могло бы там существовать, если бы режим повторно вкладывал свои промышленные прибыли без ограничений. Но здесь, как и в остальном мире, прибыльный потенциал производства не настолько велик, чтобы подтолкнуть неограниченные инвестиции в промышленность.

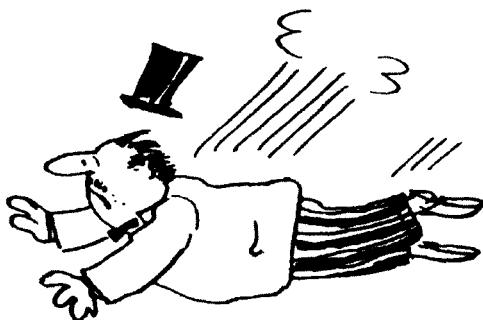
Останется ли Китай мировым двигателем? Увидим. Многие эксперты называют этот век «веком Китая». Но в первое десятилетие этого века рост Китая уже начал замедляться: момент, когда западные инвесторы и покупатели были готовы к неограниченному потреблению, а китайские рабочие — к работе за гроши, сейчас уходит.

Вряд ли эта уникальная комбинация обстоятельств когда-нибудь вернется снова. Западные покупатели отступают, а китайские рабочие бунтуют. В мировой промышленности, от Пекина до Берлина, намечаются определенные долгосрочные сдвиги.

Капитализм стоит на грани некоторой энтропии. «Полет» капитала, который наблюдался в недавнем прошлом, теперь уступает место *параличу* капитала. Громадные суммы денег, имея лишь несколько прибыльных применений, теряют мобильность, скованные безработицей и голодными до выручки государствами. Есть риск, что деньги могут стать *бесполезными*...

Я называю это
«законом маргинальной
бесполезности»!

ЗОВИТЕ ДОКТОРА МАРКСА

Все это очень просто соотносится с теорией Маркса, изложенной в «Капитале». По Марксу, капитализм страдает от свойственной ему хронической *проблемы прибыли*.

(ПС-С!.. СМОТРИ ГЛАВУ 16.
ИЛИ ХОТЯ БЫ «ОЧЕРК»
ПРОЧИТАЙ.)

Даже если **МАССА ПРИБЫЛИ** растет, часто до космических размеров, **НОРМА ПРИБЫЛИ** на доллар инвестиций склонна падать.

Почему? Потому что прибыль, как и вся прибавочная ценность, извлекается из прибавочного труда **РАБОТНИКОВ**, а не из инвестиций в **ТЕХНОЛОГИЮ** (как многие полагают).

Работники, а не машины являются источником прибыли. Общая **МАССА** прибыли возрастает с ростом продуктивности, которому *способствуют* машины. Но, чтобы неизменной оставалась **НОРМА** прибыли, инвестиции в «переменный капитал» (*рабочую силу живых людей*) должны соответствовать инвестициям в «постоянный капитал» (*станки и другие средства производства*) или превосходить их.

*Быстро, но не достаточно.
Перехожу на автоматизму!*

ЭТО СЛУЧАЕТСЯ РЕДКО. Как правило, инвестиции в постоянный капитал превосходят инвестиции в переменный капитал.

НЕДАВНЯЯ ИСТОРИЯ ЯСНО ПОКАЗЫВАЕТ ЭТО

С Великой депрессии 1930-х годов отношение постоянного капитала к переменному (инвестиции в $\mathbf{C}$ относительно $\mathbf{V}$) постоянно и неизменно росло.

Время от времени по случайному стечению обстоятельств (из-за удачных условий на рынке и т. п.) прибыль возрастала. Капиталисты радовались богатству, хотя норма прибыли на продукт неуклонно падала.

Но в долгосрочной перспективе по мере изменения строения капитала — по мере повышения $\mathbf{C}$ относительно $\mathbf{V}$ — норма прибыли стабильно падала, а потому целесообразность вложения в производство становилась сомнительной.

Это как глобальное потепление. Если зимой иногда ударяет мороз, это не означает, что потепление перестает быть **главным** трендом.

Все это потому, что, как мы уже видели...

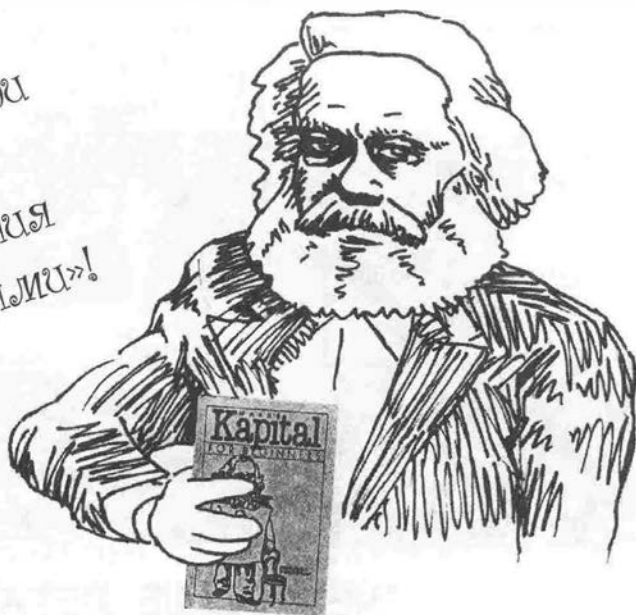
ЕСЛИ С РАСТЕТ... ЗНАЧИТ, КРИЗИС ГРАДЕТ

С явно *растет*. Объясняет ли это наш *кризис*?

Мой ответ таков: **ВЕРОЯТНО, ОТЧАСТИ.**

ВЕРОЯТНО. Вполне возможно, норма прибыли падает уже не первое десятилетие. Иначе любой сбой спекуляции приводил бы к повышению инвестиций в производство. Но такое происходит редко и на краткий период времени — если происходит вообще.

Поэтому мы
и называем эти
периоды
восстановления
«безработными»!

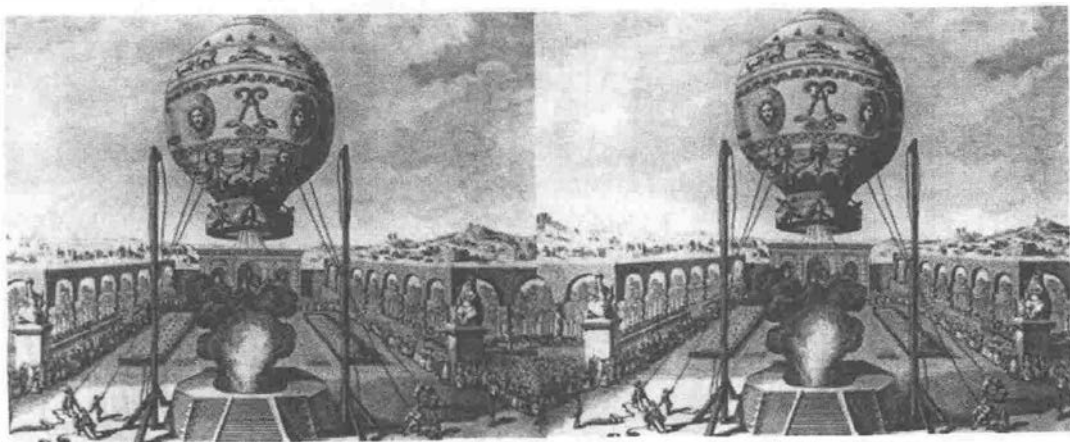
Можем ли мы определенно сказать, что норма прибыли упала?

Нет, так как ключевые факты (заслуживающие доверия данные о мировых ценах, производстве и прибыли, собираемые на регулярной основе) доступны лишь частично. Однако доступная информация **действительно** показывает, что в ключевых секторах мировой экономики (например, в Соединенных Штатах) норма промышленной прибыли в последние годы неуклонно снижалась, в то время как объем спекуляций неизменно рос.

ОТЧАСТИ. Здесь важна и другая тенденция, которую мы называем повышением *финансового* строения капитализма. По мере уменьшения прибыльности инвестиций в **с** и **v** собственники капитала обращаются к инвестициям в финансовую сферу. Деньги, выкачиваемые из **с** и **v** в сферу финансов, *перестают быть продуктивным капиталом.*

На первый взгляд спекулятивная и продуктивная прибыли кажутся взаимозаменяемыми. Но так как в финансовой сфере не появляется новой ценности, деньги, которые переводятся из производства в финансы, исчезают в процессе создания ценности.

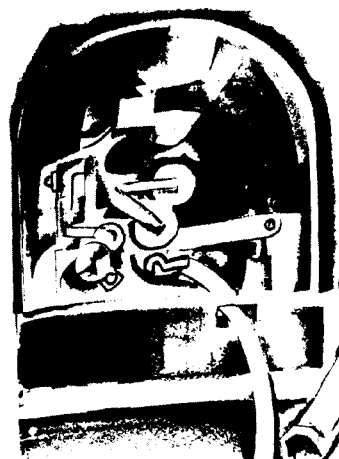
Финансовая прибыль хорошо выглядит на бумаге, когда надуваются спекулятивные пузыри, однако эта «прибыль» часто представляет собой не более чем цифры на экране компьютера. Накопления капитала как такового не происходит.

ЧЕМ ВЫШЕ ЛЕТАЕШЬ, ТЕМ БОЛЬШЕ ПАДАТЬ

Спекулятивные пузыри надуваются... и лопаются. Поэтому спекуляции лишь временно могут компенсировать падение нормы прибыли. Инвесторам, которые не покинули производство, лучше повышать прибавочную ценность стандартными методами. *Относительно* — путем ускорения производства или его эффективности, или *абсолютно* — путем увеличения рабочего дня или замены дорогой рабочей силы на более дешевую, хоть дома, хоть за границей.

Все эти меры являются «контртенденциями» для понижения нормы прибыли. Все они в различной степени доказали свою эффективность в недавнем прошлом.

Как лечить
падение прибыли?
Понижать зарплаты!

Снижать зарплаты легче, когда снижается спрос на рабочую силу, а перемещать производство в регионы с низким уровнем зарплат (в «экспортные» зоны северной Мексики, на южное побережье Китая) легче, когда улучшается транспорт, как случилось, к примеру, в 1970-х, когда появились контейнерные перевозки.

Эти меры часто *работают*. Они могут замедлить падение нормы прибыли или отменить его. Но производство сегодня все равно остается вялым. Обычные способы поддержания прибыли теряют эффективность.

После Великой рецессии мир кажется неустроенным: Европа находится под угрозой, китайская промышленность замедляется, а объем финансовых спекуляций только растет. Будущее капитализма кажется как минимум неопределенным.

КАК НАМ ПОПАСТЬ ТУДА ОТСЮДА?

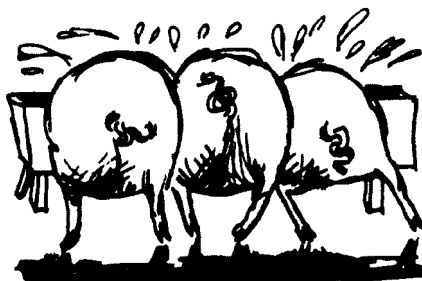
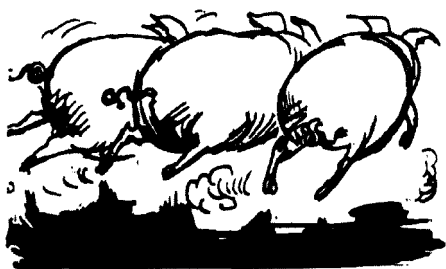
Многие инвесторы в новом климате меняют кожу. Вместо того чтобы получать прибыль от эксплуатации рабочих *в процессе производства*, они стремятся к получению прибыли от налогообложения рабочих *вне производства*. Они инвестируют в правительственные облигации, надеясь на богатую прибыль от роста налогов и сокращения трат.

1. *Доходы государства пребывают в «раздрае».* Транснациональные предприятия платят все меньше и меньше налогов, а рабочие все менее и менее способны платить налоги. Из-за этого правительство начинает зависеть от держателей облигаций, вложения которых отчасти замещают доходы от налогообложения. *Постепенно:*

Капиталисты **перестают** платить налоги,
а рабочие **теряют возможность** их платить.

2. *«На помощь» приходят рынки облигаций.* Недовольные провалами в сфере финансовых спекуляций и не желающие возвращаться в промышленность инвесторы постепенно начинают обращаться к правительственным облигациям — «тихой гавани», где можно скрыться от проблем финансовых и коммерческих рынков.

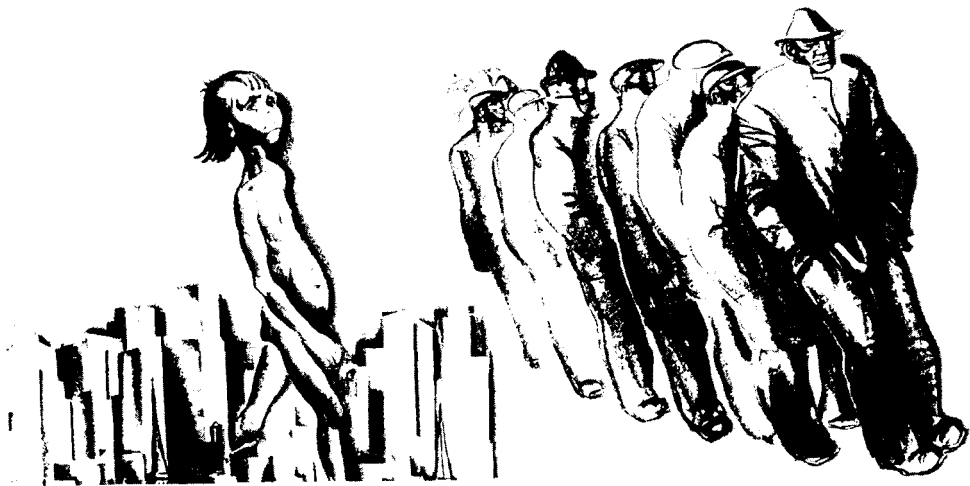
3. Казалось бы, это всем на руку. Правительству нужны доходы, а инвесторам нужны возможности для инвестирования. Когда инвесторы покупают правительственные облигации, все оказывается в выигрыше. Но на самом деле и правительство, и инвесторы в этот момент попадают в безвыходную ситуацию — тяжелый кризис с тяжелыми последствиями.

4. Дилемма заключается в том, что правительства испытывают проблемы с выплатами держателям облигаций — в первую очередь по той же причине, по которой они вообще продают облигации: потому что размывается база налогообложения. Продавая облигации сегодня, они вынуждены продавать еще больше завтра, ведь налогов недостаточно для работы правительств. Но их способность совершать выплаты держателям облигаций ограничивается налоговым дефицитом.

КАКОВЫ ПОСЛЕДСТВИЯ?

Держатели облигаций требуют выплат, и правительствам приходится их совершать. Политики становятся сообщниками держателей облигаций, которые требуют жесткой экономики даже во время рецессии.

БОЛЬ ПРИХОДИТ МГНОВЕННО

Государственные служащие теряют работу, и нуждающиеся лишаются поддержки. Но даже политики, проповедующие жесткую экономию, не могут выжать воду из камня. Рабочие не могут платить налоги выше собственных зарплат. Как и все остальные (безработные, безземельные и беспомощные), они *нуждаются* в деньгах, а не в источниках денег.

*Голоден?
Просто
затяни ремень!*

Собственники капитала тем временем не горят желанием тратить деньги, поскольку не могут найти надежные способы стать богаче.

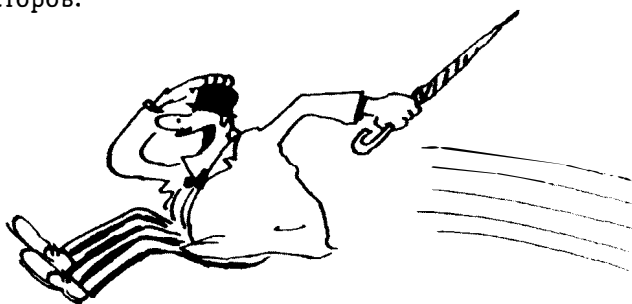
В результате этого возникает нездоровое разделение мира на богатых инвесторов, которые не стремятся вкладывать деньги, и бедных наемных работников, у которых остается все меньше возможностей работать по найму.

КОЛЕСА ТОРГОВЛИ МОГУТ ОСТАНОВИТЬСЯ. ОСТАНОВЯТСЯ ЛИ?

В короткой перспективе восстановление возможно.

Спекулянты, пусть даже новаторские, надувают новые пузыри. Центральные банки огромными темпами вливают в экономику новые деньги — *только в США за какие-то 2 года было израсходовано более 2 триллионов долларов*, — в основном, чтобы покупать облигации у коммерческих банков. Это искусственно стимулирует развитие рынка облигаций, поднимает котировки до заоблачных высот и способствует обогащению инвесторов.

Китай утверждает, что перешел от ориентированного на экспорт производства к производству товаров и услуг на внутренний потребительский рынок.

Это может помочь временному оживлению западной промышленности, и на время отсрочить правительственные дефолты.

Но в долгосрочной перспективе восстановление маловероятно, если только гигантская масса парализованного капитала не будет уничтожена.

Иными словами, нормы прибыли и объем инвестиций в промышленность, скорее всего, продолжат стагнировать.

Исторически уничтожение бесполезного капитала позволяло капитализму оживать после кризисов. Но сжигание лишнего капитала приведет к банкротству и безработице. Учитывая беспрецедентные мировые масштабы и влияние нынешнего кризиса, вполне вероятно, что следствием банкротства и массовой безработицы станет **падение системы**, а не ее восстановление.

В то же время алчные держатели облигаций и их политические союзники настаивают на таком серьезном сокращении бюджетов и повышении налогов, что люди по всему миру — рабочие и бывшие рабочие, крестьяне и бывшие крестьяне, налогоплательщики и бывшие налогоплательщики — все сильнее противятся политике жесткой экономии.

МЯТЕЖ
НА КОРАБЛЕ
С РАБАМИ

Проявится ли солидарность? Откажутся ли люди от того, чтобы позволять деньгам (которых нет у одних и очень много у других) править их судьбами?

Можем ли мы вообще представить мир, где деньги не играют роль кислорода, точки вращения, центра притяжения?

Мир, где люди кооперируются, а не конкурируют? Где мы делимся, а не продаем?

Существование такого мира маловероятно, но сегодня кажется, что именно он и нужен нам, чтобы выжить в век, когда деньги не доходят до подавляющего большинства людей. Если государства объявят дефолт, а работники потеряют работу, если зарплаты снизятся, рынки ослабеют, а капитал будет заморожен, — будут ли люди по-прежнему считать деньги единственным мотивом для работы и производства?

Отринут ли эксплуатируемые и экспроприруемые ко-операцию? Продолжат ли они работать плечом к плечу во имя капитала — в обмен на жалование — даже во времена жесточайшего кризиса? Смиримся ли мы с мировой безработицей и глобальным потеплением, вместо того чтобы поставить нужду выше прибыли?

Маркс надеялся, что, смотря в бездну, эксплуатируемые и экспроприруемые объединят свои силы, чтобы освободиться и спастись, уничтожат классовую власть и построят общество свободно объединяющихся производителей.

Может, эта надежда и наивна, но у нашего и у следующего за нами поколения есть шанс ее оправдать. Если Маркс был прав, само наше выживание висит на волоске.

Что еще почитать?

Читайте больше!

Как бы нам ни хотелось ограничиться вторичными источниками вроде этого, оригинал ничего не заменит. «Капитал» — это единственная работа, которая делает попытку объяснить всю целостную капиталистическую систему, и гениальность Маркса сквозит с каждой из тысяч страниц его умелого анализа.

Лучшие критики Маркса признают его сильные стороны, хотя и не соглашаются с ним. Бём-Баверк¹, этот «лев антимарксистов», однажды сказал, что, если принять отправные положения Маркса, все остальное вытекает из них с железной определенностью, но сами положения — увы! — катастрофически неверны.

Читателям Маркса стоит принять вызов Бём-Баверка. Им стоит изо всех сил постараться понять положения Маркса, чтобы самим решить, ошибается он в самом начале своих рассуждений или же находит смысл в бессмысленной системе.

¹ Ойген фон Бём-Баверк — австрийский экономист и государственный деятель. Один из основных представителей австрийской экономической школы.

ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ НАС ДЕЛАЮТ ОДИНАКОВЫМИ...

Основное положение Маркса являет собой понятие товара. Он утверждает, что мы живем в *Warenwelt* — в мире товаров. Хотя Маркса обычно считают основоположником «теории ценности», в конце жизни он написал, что его взгляды лучше назвать *теорией товара*.

Казалось бы, особой разницы здесь нет, ведь товар в представлении Маркса — это противоречивое единство потребительской ценности и *ценности* (как стоимости). Но на самом деле разница громадна.

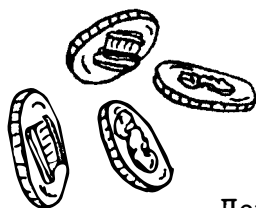

Ценность, как утверждает Маркс, это *препятствие* для потребления — некоторое поле общественной силы вокруг продуктов труда, которое блокирует нам доступ к ним.

Пробить это поле в состоянии только деньги, которые и дают людям доступ к тому, что им нужно. Сами деньги при этом тоже являются товаром.

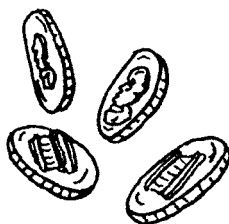
Деньги действительно являются товаром, «универсально эквивалентным» всем остальным. Таким образом, они являются *основным* товаром. Без них мы не можем получить *ничего*.

Деньги, таким образом, являются *препятствием для выживания* любого, у кого их нет. Но так происходит исключительно потому, что мы *позволяем* ценности блокировать потребление.

В капиталистическом обществе продукты не потребляются, пока не продаются — *если* они продаются вообще. Поэтому, если у нас нет денег, нам не дают ничего, какое бы изобилие ни царило.

(И редкости тоже! В 2011 году первое издание «Капитала», подаренное Марксом его другу Э. С. Бизли, было выставлено на продажу... более чем за 500 000 долларов!)

Прекрасно понимая ограничения, которые погоня за прибылью налагает на удовлетворение человеческих потребностей, Маркс выступал апологетом ***свободного от денег, свободного от товаров и свободного от ценности общества*** — словом, общества, в котором люди просто *делятся* тем, что производят, и *совместно принимают решения*, без начальников и прибылей.

ЭТО ВООБЩЕ ВОЗМОЖНО?

По Марксу — *да, возможно*. Более того, недолговечными являются именно производство товаров и денежная система, а не кооперация и совместное управление. Чтобы понять, почему Маркс так считал, нужно знать, что он вкладывал в понятия **товара, денег и ценности**.

Для этого нужно прежде всего изучить первую главу первого тома «Капитала», которая называется «Товар».

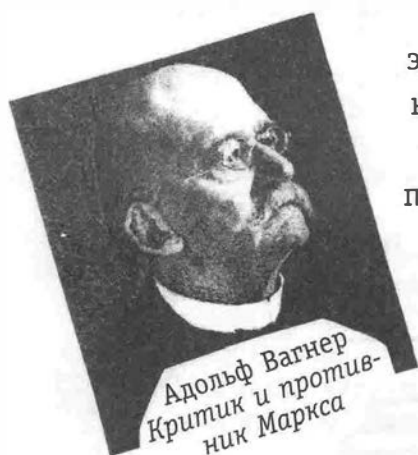
Эта глава лучше всего известна в той версии, которая была опубликована в третьем немецком издании, но некоторые положения из первой главы первого издания книги также заслуживают внимания, так как в них Маркс с беспрецедентной ясностью объясняет целый ряд понятий.

Ранняя работа Маркса «К критике политической экономии» также заслуживает пристального внимания.

Некоторые темы первой главы добавляют деталей к обсуждаемым в первой главе «Капитала» проблемам, а следующая за ней глава о деньгах представляет собой самое подробное рассуждение о деньгах в работах Маркса.

Также важны заметки Маркса к книге экономиста Адольфа Вагнера, которые он написал в 1879 году. В них Маркс объяснил, что имел в виду, говоря, что в «Капитале» предлагается теория товара, а не просто теория ценности.

Тем, кто заинтересовался темой всерьез, конечно, стоит изучить весь «Капитал». Сюда входят не только второй и третий тома книги (второй том представляет собой итоговый текст Маркса, а третий был написан раньше первого), но и фундаментальный, но незаслуженно обделенный вниманием труд «Результаты непосредственного процесса производства».

ТАКЖЕ СТОИТ ПРОЧЕСТЬ

О капитале

Rosa Luxemburg. The Accumulation of Capital (London: Routledge, 2003).

Roman Rosdolsky. The Making of Marx's 'Capital' (London: Pluto, 1992).

Diane Elson. Value (London: CSE Books and Humanities, 1979).

О капитализме сегодня

Chris Harman. Zombie Capitalism: Global Crisis and the Relevance of Marx (Chicago: Haymarket, 2010).

Andrew Kliman. The Failure of Capitalist Production (London: Pluto, 2011, особенно глава 5 о норме прибыли).

О политических взглядах Маркса

Hal Draper. Karl Marx's Theory of Revolution. Vols. 1—5 (New York: Monthly Review, 1977—2010).

Raya Dunayevskaya. Marxism and Freedom (Amherst, NY: Humanity, 2000).

Peter Hudis. Marx's Concept of the Alternative to Capitalism (Chicago: Haymarket. 2013).

О мировоззрении Маркса

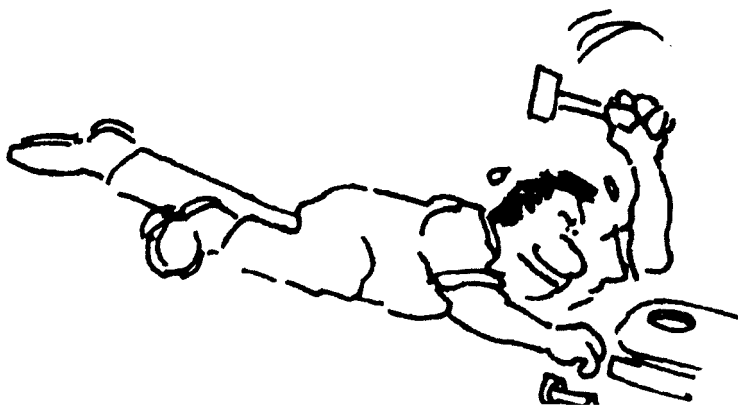
Richard Lichtman. The Production of Desire: The Integration of Psychoanalysis into Marxist Theory (New York: Free Press, 1982).

Kevin Anderson. Marx at the Margins: On Nationalism, Ethnicity, and Non-Western Societies (Chicago: University of Chicago, 2010).

О капитале и культуре

Michael Taussig. The Devil and Commodity Fetishism in South America (Chapel Hill: The University of North Carolina, 2010).

Dean Wolfe Manders. The Hegemony of Common Sense (New York: Peter Lang, 2006).

Карикатурист Фил Эванс (1946—2014) трудится над иллюстрацией к странице 33.

Фотография Джеки Лекану

Фил Эванс был заслуженным карикатуристом и активистом, рисунки которого украсили множество книг, в том числе, помимо этой, «Троцкий для начинающих» Тарика Али, «Лондон для начинающих» Ниты Кларк, «Понимание экономики» Кена Коула, «Почему стоит стать социалистом» Пола Фута и «Да здравствует саранча» Джима Хиггинса. Совместно с Эйлин Поллок Эванс написал и проиллюстрировал книгу «Ирландия для начинающих».

Прежде чем заняться книгами, Эванс рисовал комиксы «Наш Норман» для социалистической британской прессы и создавал иллюстрации для бесчисленных памфлетов, листовок и других печатных изданий. Его ранние работы можно увидеть в книге «Хорошая шутка. Политические карикатуры Фила Эванса» под редакцией Стива Айронса и с предисловием Дэйва Уиджери.

Кент Вустер хвалит его работы и в Сети. Например, здесь: <http://classic.tcj.com/alternative/phil-evans-once-more-with-feeling/>

УДК 330.1
ББК 65.02
С50

MARX'S CAPITAL ILLUSTRATED

David Smith

Original text © 1982, David Smith

Epilogue © 2014, David Smith

Illustrations © 1982, Phil Evans

New art © 2014, Daniel Smith (pages 36, 69, 176, 185, 195, 200, 207)

Смит, Дэвид.

С50 «Капитал» Маркса в комиксах / Дэвид Смит, Фил Эванс ; [пер. с англ. З. Мамедьярова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 224 с. : ил. — (Бизнес в комиксах).

ISBN 978-5-699-91876-8

«Капитал» до сих пор остается самой полной работой, объясняющей большую часть экономических явлений, а «Капитал» Маркса в комиксах» вдыхает в эту работу жизнь, разъясняя все — от азбучных истин до значимости марксистской теории кризиса в контексте нынешних мировых проблем. Маркс пытался их объяснить и предлагал, как избавиться от этих бичей материи, еще в XIX веке.

Читатели: экономисты, философы, интеллигенты, соединяйтесь! Вы нашли КАПИТАЛЬНУЮ точку для старта.

УДК 330.1
ББК 65.02

ISBN 978-5-699-91876-8

© Перевод. Мамедьяров З., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Издание для досуга

БИЗНЕС В КОМИКСАХ

Смит Дэвид, Эванс Фил

«КАПИТАЛ» МАРКСА В КОМИКСАХ

Ответственный редактор *А. Меркурьева*

Выпускающий редактор *Л. Ивахненко*

Художественный редактор *В. Брагина*

Технический редактор *Л. Зотова*

Компьютерная верстка *О. Шувалова*

Корректор *Н. Безденежных*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 23.11.2016. Формат 70х100¹/₁₆.

Гарнитура «OfficinaSerif». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,15.

Тираж 3 000 экз. Заказ 9460.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-91876-8

9 785699 918768 >

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книг

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

«Бизнес в комиксах» — это серия графических романов о влиятельных экономистах и бизнесменах, об исторических и современных явлениях в деловом мире.

Привыкли, что о бизнесе и экономике можно узнать, читая сложные талмуды, перегруженные определениями, цифрами и графиками?

**ПРЕДЛАГАЕМ НОВЫЙ ПОДХОД:
ИЗУЧИТЕ БИОГРАФИИ БИЗНЕС-ЛИДЕРОВ
И СЛОЖНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ,
ЧИТАЯ ИРОНИЧНЫЕ РАССКАЗЫ,
СНАБЖЕННЫЕ ОТМЕННОЙ ГРАФИКОЙ.**

ЛОГОТИП ВАШЕЙ КОМПАНИИ НА ОБЛОЖКАХ ЛУЧШИХ БИЗНЕС-КНИГ — ЭТО РЕАЛЬНО!

Хотите удивить клиентов и партнеров по бизнесу и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем вас стать партнером выхода самых актуальных и популярных деловых книг. О вашей компании узнает именно та аудитория, которая интересна вам!

ВЫБИРАЙТЕ ПОДХОДЯЩУЮ ОПЦИЮ:

- Специальный тираж уже существующих книг и серий с логотипом компании
- Ваша суперобложка на уже готовой книге (возможность получить тираж от 30 штук)
- Поддержка выхода новинки, которая не была доступна российскому читателю

МЫ ПРЕДЛАГАЕМ:

- Рекламную полосу о вашей компании внутри книги
- Вступительное слово в книге от лица компании
- Обращение первых лиц на суперобложке
- Ваш логотип на обложке и корешке
- Отзыв на обороте обложки

По вашему желанию мы вложим в тираж информационные материалы о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты). И это еще не все! Из множества вариантов мы найдем тот, который подойдет именно вашей компании.

ВАШ ЛОГОТИП
НА ОБЛОЖКЕ

ВАШ ЛОГОТИП НА КОРЕШКЕ

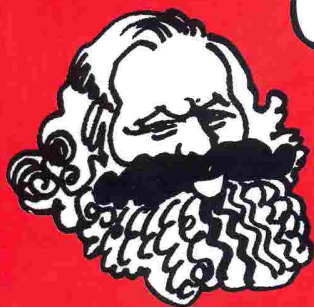
ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:
www.eksmo.ru/b2b

Звоните по телефону:
+7 495 411-68-59, доб. 2261

ОБРАЩЕНИЕ
К КЛИЕНТАМ
НА ОБЛОЖКЕ

Смотрите,
это Маркс
в комиксах!

Да ладно?!
Все три огромных
тома «Капитала»?

Угу.

Слишком сложно?!

Ничуточки!

Несмотря на то, что «Капитал» был впервые опубликован в 1867 году, он не теряет своей актуальности и сегодня. Общество все еще функционирует по тем же базовым принципам: инвестиции, прибыль, рабочая сила и технологии. А предсказания, которые раньше казались преждевременными: о глобальном экономическом кризисе, об обществах на грани банкротства, — сбылись.

Свежая, уморительная и острая, обильно проиллюстрированная, эта книга-комикс — находка для тех, кто хочет лучше понять «Капитал» и капитализм.

«Капитал» Маркса в комиксах — это очень и очень хороший, даже блестящий рассказ, в котором иллюстрации вступают в истинно глубокое взаимодействие с текстом».

Джон Бёрджер,
писатель, лауреат Букеровской премии

ISBN 978-5-699-91876-8

